



**ЎЗБЕКИСТОН
УРБАНИСТИК
МАДАНИЯТИ**

**ҲАЛҚАРО ИЛМИЙ
КОНФЕРЕНЦИЯ МАТЕРИАЛЛАРИ**

ЎЗБЕКИСТОН БАДИИЙ АКАДЕМИЯСИ



САНЪАТШУНОСЛИК ИЛМИЙ ТАДҚИҚОТ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОН УРБАНИСТИК МАДАНИЯТИ

Ўзбекистон Республикаси Президентининг Ўзбекистон Республикасида
демократия ва инсон ҳуқуқлари, эркинлик ва тинчликни яқинлаштириш
мақсади билан 2003 й. 12 декабрда Тошкентда ўтказилган
Ўзбекистон Республикаси Президентининг Ўзбекистон Республикасида
демократия ва инсон ҳуқуқлари, эркинлик ва тинчликни яқинлаштириш
мақсади билан 2003 й. 12 декабрда Тошкентда ўтказилган

Ўзбекистон Республикаси Президентининг Ўзбекистон Республикасида
демократия ва инсон ҳуқуқлари, эркинлик ва тинчликни яқинлаштириш
мақсади билан 2003 й. 12 декабрда Тошкентда ўтказилган
Ўзбекистон Республикаси Президентининг Ўзбекистон Республикасида
демократия ва инсон ҳуқуқлари, эркинлик ва тинчликни яқинлаштириш
мақсади билан 2003 й. 12 декабрда Тошкентда ўтказилган

Тошкент-2003

УДК 008(575.1)+17.023.36(575.1)

X-162

Таҳрир ҳайъати:

А. Ҳакимов (раис)

С. Алиева

Э. Гюль

Ж. Илёсов (масъул котиб)

X-162 Ўзбекистон урбанистик маданияти.

Халқаро илмий конференция материаллари.

Тошкент, 2003 йил, 4-5 декабр. — 220 б.

Тўпламда «Ўзбекистон урбанистик маданияти» мавзuidaги халқаро илмий конференция материаллари тақдим этилган. Унда Ўзбекистон, Германия, Швейцариянинг турли илмий муассасалари ва олийгоҳларининг меъморлари, тарихчи ва археологлари, шарқшунос, санъатшунос, муסיқашунос ва театршунос олимлари иштирок этиб, Ўзбекистоннинг кўҳна ва замонавий урбанистик маданияти турли жиҳатлари кўриб чиқилган.

Лойиҳа SMI гуруҳи ва Швейцария тараққиёт ва ҳамкорлик бюроси кўмагида амалга оширилди.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ УЗБЕКИСТАНА



НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСКУССТВОВЗНАНИЯ

УРБАНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА

Материалы международной научной конференции

Ташкент, 4–5 декабря 2003 г.

Ташкент-2003

УДК 008(575.1)+17.023.36(575.1)

X-162

Редакционная коллегия:

А. Хакимов (председатель)

С. Алиева

Э. Гюль

Дж. Ильясов (ответственный секретарь)

X-162 **Урбанистическая культура Узбекистана.**

Материалы международной научной конференции.

Ташкент, 4-5 декабря 2003 г. — 220 с.

В сборнике представлены материалы международной научной конференции «Урбанистическая культура Узбекистана», в которой приняли участие архитекторы, историки, археологи, востоковеды, искусствоведы, музыковеды, театроведы из различных научных учреждений и учебных заведений Узбекистана, Германии и Швейцарии. Рассматриваются разнообразные аспекты древней и современной урбанистической культуры Узбекистана.

Проект осуществлен при поддержке группы SMI и Швейцарского бюро по развитию и сотрудничеству.

Тахририятдан

Ўзбекистон — катта ва кичик, кўҳна ва навқирон шаҳарлар диёридир. Мустақиллик даврида аксарият шаҳарларимиз қиёфаси ўзгариб, янада кўркамлашди. Лекин шаҳарларимизнинг ривожланишига доир масалалар ҳали изчил тадқиқ этилгани йўқ. Ваҳоланки, мазкур долзарб муаммо шаҳарсозлик ва меъморчилик кесимидаги мавзулар билангина чегараланиб қолмай, мураккаб ва серқатлам социал структурадан иборатдир. Этник таркиб ва демографик муаммолар, иқтисодиёт ва ишлаб чиқариш, оила ва индивидуал турар-жой, саноат ва спорт масканлари, жамоатчилик ва маданий муассасалар, коммуникация воситалари ва техник-муҳандисавий инфраструктуралар, мўъжаз меъморий шакллар ва кўчалар дизайни - буларнинг барчаси шаҳарни ривожлантирувчи омилларнинг мураккаб тизимини ташкил этади.

Масаланинг яна бир муҳим томони шундаки, шаҳарларнинг ўзига хос маънавий муҳити мавжуд. Айнан мана шу муҳит таъсирида ҳар бир шаҳар аҳолисининг ўзига хос дунёқараши, ҳатти-ҳаракати психологияси шаклланади. Зотан, шаҳарда, шаҳар муҳитида муҳим ижтимоий-сиёсий, илмий-маънавий ғоялар жамланади. Ва ниҳоят, шаҳарда санъатнинг асосий йўналишлари ва услублари шаклланади. Шундай қилиб, шаҳар мавзуси универсал бўлиб, жамият ҳаётининг муҳим қатламларини қамраб, шаҳарнинг миллат ижтимоий тараққиёти жараёнидаги аҳамияти динамикаси тобора ортиб боради.

Ўзбекистонда урбанистик маданиятнинг чуқур ва бой анъаналари мавжуд бўлса-да, мазкур муаммо мустақил тарзда тадқиқ этилмаган. Шу боис, «Ўзбекистон урбанистик маданияти» мавзуидаги илмий конференциянинг ўтказилиши муҳим ва долзарбдир.

Бугун нафақат Ўзбекистонда урбанистик маданиятнинг шаклланиши тарихи ва ўзига хослигини ўрганиш, балки шаҳарларимизнинг истиқболини белгилашда илмий-ижтимоий тафаккурнинг аҳамиятини тушуниб етиш муҳимдир. Шу сабабга кўра, конференция ишида тарихчи, қадимшунос, меъмор олимлар билан бир қаторда, файласуф, санъатшунос, театршунос, мусиқашунос, маданиятшунос олимлар ҳам иштирок этиб, мавзунинг таҳлили мажмуавий аҳамият касб этди.

Конференцияни ўтказиш ташаббуси бугун ўзининг 75 йиллигини нишонлаётган Санъатшунослик илмий-тадқиқот институти олимларига тегишлидир. Институт олимлари мазкур масалани ўрганишга ўзларининг салмоқли ҳиссаларини қўшиш билан бирга, унга нафақат жиддий илмий-фундаментал, балки ҳаётий муҳим ижтимоий муаммо сифатида ёндошмоқдалар.

Ушбу мавзу ҳали кўплаб олимлар ва мутахассисларнинг диққат-этиборини жалб этади, ҳамда конференция келгусида албатта ўз давомини топади деб умид қиламиз.

Узбекистан – страна многообразных городов: малых и больших, древних и только строящихся. За период независимости облик многих из них стал меняться в лучшую сторону. Однако проблема развития наших городов еще не достаточно исследована. И это не только градостроительно-архитектурная тема. Город – это многослойная социальная структура. Этнический состав и демографическая проблема, экономика и промышленность, семья и индивидуальное жилье, индустриальные и спортивные зоны, общественные и культурные учреждения, коммуникации и инженерно-техническая инфраструктура, малые формы архитектуры и дизайн улиц – таков непростой перечень факторов развития города.

От редколлегии

И еще: город – это особая духовная атмосфера. Каждый город формирует своего жителя, его психологию и особенности поведения. В городе аккумулируются основные общественно-политические, научные и духовные идеи. Наконец, в городе формируются основные направления и стили в искусстве. Таким образом, тема города универсальна, она охватывает важнейшие стороны жизни общества, и динамика значимости города в процессе социального развития нации прогрессирует.

Несмотря на то, что Узбекистан обладает глубокой и богатой традицией урбанистической культуры, эта проблема никогда не рассматривалась как самостоятельная, поэтому проведение настоящей конференции вполне закономерно и актуально.

Сегодня важно не только исследовать историю и особенности формирования урбанистической культуры Узбекистана, но и понять значение научной и общественной мысли в формировании будущего наших городов. Поэтому в работе конференции наряду с историками, археологами и архитекторами принимают участие философы, искусствоведы, театроведы, музыковеды, культурологи, что придает ей определенный формат комплексного анализа проблемы.

Инициатива проведения данной конференции принадлежит НИИ искусствоведения Академии художеств Узбекистана, отмечающего свое 75-летие. Ученые Института внесли значительный вклад в изучение этой проблемы и рассматривают ее не только как важнейшую фундаментальную, но и жизненно важную социальную проблему.

Мы надеемся, что к этой теме будет привлекаться внимание все большего количества ученых и специалистов и она получит свое развитие в будущем.

Раздел 1

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

- Урбанистическая культура Узбекистана как объект изучения
 - Основные направления градостроительной политики Узбекистана
 - Дистанционное зондирование и техника системы географической информации как средство анализа динамики урбанистической пространственной структуры:
 - на примере Ташкента, Бухары и Самарканда
 - Бухара: коммунизм, пост-социализм, традиционализм — в поисках «узбекского города»
 - Независимые стили градостроительства
 - Кушанский город Бактрии-Тохаристана: генезис, развитие, структура

Урбанистическая культура Узбекистана как объект изучения

1. О понятиях урбанизация, урбанизм и антиурбанизм

Понятие «*урбанизация*» происходит от латинского *urbs* — город, и в современной его трактовке определяется такими факторами, как рост в городах индустрии, развитие их политических и культурных функций. По существу, это понятие обозначает некий процесс исторического развития города.

Несколько иной оттенок имеет понятие *урбанизм*. С одной стороны, это направление в градостроительстве XX века, считающее неизбежным и необходимым создание городов-гигантов с крупными зданиями, с другой — это процесс отображения атмосферы больших городов, динамики их жизни в искусстве, литературе, а также историческое бытование этого понятия в общественно-философском сознании. Наряду с урбанизмом, отстаивающим позитивное значение города в развитии общества, формировалась и его антитеза — *антиурбанизм*, имевший различные исторические модификации. Архаические формы антиурбанизма мы обнаруживаем еще в древних религиозных представлениях, в частности, в известной дихотомии город-дева — город-блудница. В этой традиции, с одной стороны, рассматривается линия сотворения Града Божьего, своего рода парадиза, который становится Вратами Бога (Баб Эл или Вавилон), а с другой стороны — он же становится чудищем, городом-дьяволом («вавилонская блудница») [1].

Своеобразные, опосредованные формы антиурбанизма мы встречаем в утопическом городе Солнца Кампанеллы или идее города-сада Говарда, направленных на поиск новых форм человеческого общежития. Но истинное вызревание оппозиции урбанизм — антиурбанизм восходит к философии эпохи

Просвещения, где оптимистическому взгляду на город (Монтескье, Г. Гердер) противостоит тотальное отрицание городской цивилизации (Ж.-Ж. Руссо). Наибольшее влияние антиурбанизм приобрел на рубеже XIX–XX вв. в Германии, где получил философское обоснование в трудах Фердинанда Тённиса [2] и Освальда Шпенглера [3].

Урбанизм и антиурбанизм согласны в том, что крупный город есть воплощение западной машинной цивилизации, но занимают противоположные позиции в оценке этого факта. Характерные черты антиурбанизма: противопоставление большого города традиционной малой общине и критика города как воплощения бездушия Нового времени, машинной цивилизации. Антиурбанизм является идеологическим компонентом различных политических движений – от крайне правых, в т. ч. фашистских [4], до экологических. В настоящее время влияние антиурбанизма ослаблено, в то время как урбанизм вновь занимает ведущие позиции в общественном сознании Запада, оценивая городскую культуру как высшее проявление человеческой цивилизации. Леворадикальные критики оценивают урбанизм как один из мифов, распространяемых господствующими классами [5].

Урбанизм в нашем регионе имел свою специфику. В условиях кочевнических набегов, формировавших отрицательное отношения к номадической культуре, у городского населения нашего региона, как и на всем Среднем Востоке, традиционно город воспринимался как позитивный фортификационный феномен, как оплот стабильности, символ просвещения, гармонии (Самарканд), благочестия (Бухара) и рафинированного гедонизма (Герат). Мусульманские города всегда были центрами религии, культуры, науки, просвещения и идеализировались в общественном сознании того времени. Критика города на Востоке была, но она относилась к чужому, но не к своему городу и не носила общей антиурбанистической направленности, как на Западе. Особенность восточного сознания – это отсутствие антиурбанизма, который здесь не созрел в виду объективных

причин, в основном из-за неразвитости индустриальных уровней развития города.

В советский период одним из фундаментальных постулатов строительства коммунизма был тезис о сближении города и деревни, и их последующее слияние представлялось в облике большого города. В XX веке сознательная интенсивная и порой насильственная урбанизация регионов Центральной Азии, переход ряда кочевых в прошлом народов к городской жизни проходили под лозунгом прогрессивного обновления жизни. Поэтому в идеологии XX века в регионе также не нашлось места для антиурбанизма. В связи с развалом социалистического лагеря идеалы и ценности западного общества становятся доминирующими. И поскольку в нем самой идеи антиурбанизма к середине XX века фактически сходят на нет, то в настоящее время эта альтернатива урбанизму не является актуальной, в том числе и в нашем регионе.

В то же время отсутствие идеи антиурбанизма негативно сказалось на практике советского градостроительства, акцентировавшего внимание на идеологических функциях массового жилищного строительства, а не на эстетике и реальном комфорте жителей города. Все планировалось в Москве, отсюда общая безликость и отсутствие самобытного образа городов. Тезис «социалистическое по содержанию и национальное по форме» получил в архитектуре максимально неприглядное эклектическое воплощение, но альтернативные концепции и градостроительная критика не допускались.

Сегодня урбанизм как объект изучения пронизывает все научные исторические дисциплины Узбекистана. Фактически отечественная археология имеет дело в основном с городской культурой, то же самое относится и к востоковедению, этнографии, исторической топонимике, поэтому урбанизм в этом контексте является основным предметом указанных отраслей. Историография, связанная с проблемой города, исключительна обширна.

Между тем неизученных страниц еще довольно много и, главное, — почти не затронут культурфилософский аспект темы, имеющий далеко не отвлеченное академическое значение. Как показывает история западноевропейского урбанизма, общественное сознание и искусство во многом влияли на формирование конкретных форм архитектуры и градостроительной практики. К сожалению, этого нельзя сказать про ситуацию в нашем регионе, где судьба города не стала предметом широкого научного и общественного интереса.

Начиная с 2001 года совместными усилиями германских и узбекских специалистов была предпринята попытка более широкого, феноменологического подхода к изучению узбекского урбанизма. В июне 2001 года в Штутгарте прошла Международная конференция, посвященная проблемам развития городской культуры Узбекистана, в которой приняли участие узбекские ученые и архитекторы. За прошедшее после этой конференции время вышел ряд публикаций, в которых была сделана попытка закрепления и развития новых подходов к осмыслению нашей урбанистической культуры [6].

Главная задача на сегодняшний день — дать широкую объяснительную картину развития нашей городской культуры в прошлом и определить возможные перспективные пути ее развития. Для этого необходимо расширить дисциплинарную базу исследования проблемы с помощью привлечения наряду с архитекторами специалистов различных профилей — историков, востоковедов, археологов, искусствоведов, философов, культурологов и др. К сожалению, слабо привлекаются и возникающие новые технологические методики, в том числе компьютерное программирование и космические способы определения параметров развития городов.

2. Общие сведения о динамике развития городов Узбекистана. Демографический рост как показатель процесса урбанизации

К сожалению, мы не обладаем данными по количественным показателям населения древних городов региона. Ориентировочные

подсчеты на основе письменных и археологических источников сделаны по городам Мавераннахара мусульманского времени. С точки зрения территориального развития, города Узбекистана в мусульманский период отличались достаточно большими размерами. Как отмечают исследователи, Самарканд и Бухара в XIV в. по площади превосходили многие европейские города — Париж, Милан, Неаполь и другие, уступая лишь Риму. Однако плотность заселения городов Средней Азии была меньше. Так, в наиболее крупных городах в домонгольский период численность населения была в пределах 40 тыс. Таких городов было около десяти (Бухара, Самарканд, Кеш, Несеф, Термез и др.). Около 70 городов насчитывало по 10–15 тыс. жителей. Таким образом, общее число населения городов Мавераннахра в тот период было около 1,5 млн., или, по мнению исследователей, около 20 процентов его общего числа (в этом случае общее население государств Мавераннахра составляло около 4 млн.) [7]. Если учесть, что к концу XX в. в городах Узбекистана, основу которого составляли города Мавераннахра, проживало 22 млн. человек, динамика роста населения впечатляюща. То же самое относится к Ташкенту — так, по переписи 1868 года здесь проживало 47 тыс. человек. Сегодня же мегаполис насчитывает более 2,1 млн. жителей.

В Узбекистане по данным 1979 года проживало 15 млн. чел., из них в городе проживало 40 процентов. Причем в Ташкенте проживало 1,8 млн. чел., в Самарканде, втором по численности городе Узбекистана, — 470 тыс., Намангане — 231 тыс., Андижане — 224 тыс., Бухаре — 147 тыс., Коканде — 158 тыс., Фергане — 176 тыс. [8]. Сегодня население Узбекистана составляет свыше 22 млн. Городское население составляет 9 миллионов (40%), сельское население — 13 миллионов (60%). Основные городские центры: Ташкент — 2,1 млн., Самарканд — 560 тысяч, Наманган — 330 тысяч, Андижан — 300 тысяч, Бухара — 240 тысяч, Фергана — 195 тысяч, Коканд — 180 тыс. человек. Таким образом, за 20 с лишним лет население Ташкента выросло на 300 тыс. чел, Самарканда — на 90 тыс., Намангана — на 100 тыс., Андижана — на 75 тыс., Бухары — на 100 тыс., меньший рост наблюдается в Коканде и Фергане, где население выросло всего

на 20 тыс. Тем не менее, демографический рост городов Узбекистана очевиден, однако в пропорциональном соотношении городского и сельского населения примерно такое же, что и 20 с лишним лет назад — 40% и 60%.

Для сравнения с общемировыми процессами приведем такие цифры: В начале XIX в. в городах мира проживало 29,3 млн (3 % населения Земли), к 1900 — 224 млн. (13,6 %), к 1950 — 706,4 млн. (29,2 %), к 1970 — 1399 млн. (38,65). Сегодня население городов планеты приближается к 50-ти процентной отметке от общего населения мира [9]. Городское население в СССР к сер. 1976 года составляло 62%, в Европе — 63,6%, в зарубежной Азии — 24,7 %, Африке — 22,3 %, Сев. Америке — 74,5 %, Лат. Америке — 56,2%. В развитых странах: США — 73,5%, ФРГ — 82,2%, Великобритании — 79,1%, Франции — 70% [10].

Таким образом, в демографической части процесса урбанизации мы находимся между странами зарубежной Азии и Латинской Америки, но на уровне средних показателей мирового процесса урбанизации. Как известно, темпы урбанизации, ее масштабы, движущие силы и последствия зависят от социально-экономических условий, а также от притока в город сельского населения. В Узбекистане эта динамика прогнозируется как нарастающая, однако необходим ее учет в выработке философии градостроительной концепции.

3. Основные этапы развития урбанистической культуры Узбекистана

Издrevле Узбекистан являлся зоной оседло-земледельческой культуры с доминирующей тенденцией к урбанизации. Развитая урбанистическая культура является важнейшим атрибутом нашей государственности и составляет основу национального искусства. Роль кочевнического фактора в процессе историко-культурного симбиоза в регионе была огромной, но к XX в. сошла практически на нет. Феномен урбанистической культуры возобладал. Город становится фактором индивидуализации сознания и технокра-

тического развития. Ташкент превращается в среднеазиатский мегаполис, а Бухара, Самарканд, Фергана, Коканд, Хива определяют своеобразие историко-культурного имиджа и этносоциопсихологии.

Для того, чтобы наметить будущую стратегию национального градостроительства, очень важно изучить город как исторически развивающийся феномен в широком философском и социокультурном контексте. В этом смысле всю историю среднеазиатского города, как впрочем, и всю историю искусств региона, можно разделить на три больших исторических этапа:

1. *Древний, политеистический, или доисламский период*, когда происходит становление протогородской и раннегородской культуры, время формирования социальной инфраструктуры городского организма. Это время отмечено также первым столкновением и взаимодействием Запада (греко-эллинистический мир) и Востока (Бактрия, Индия, Китай, Иран, степной Восток).

2. *Урбанизм мусульманского средневековья*, охватывающий VIII–XIX вв. и отмеченный формированием и развитием нового художественного стиля, отразившегося как в искусстве, так и в архитектуре и градостроительстве. Основными генераторами новых художественных стилей становятся города, урбанистическая культура является системообразующей для этого периода. Именно в это время протекает процесс самоидентификации городского сознания и формирования новой эстетики мусульманского урбанизма. «Ислам с самого зарождения был урбанистическим образованием как по духу, так и по основным центрам», – писал Грюнебаум.

3. *Урбанистическая культура нового времени* – конец XIX – начало XXI века. Этот этап в свою очередь можно подразделить еще на три:

- а) период колониальной архитектуры конца XIX – начала XX в.;
- б) архитектура и градостроительство периода советского тоталитаризма;
- в) урбанистическая культура периода независимости.

4. Пространство мусульманского города и его самосознание

Первые зачатки городского самосознания появляются в исламское время. Ислам, пришедший в регион в VII–VIII вв., кардинально меняет не только социально-экономическую, градостроительную инфраструктуру и архитектурный облик местного города, но и его философию. Это время появления торгово-ремесленных городов и возникновения их нового пластического силуэта, смены градостроительных и архитектурных приоритетов в целом. Города Термез, Самарканд, Бухара становятся крупным средневековым полифункциональным организмом (административные, дворцовые, культово-религиозные, торгово-ремесленные, фортификационные, инженерно-технические и другие сооружения). Образ городов мусульманского средневековья во многом определяют культовые сооружения – мечети, медресе, минареты и др. Они вносят новую пластическую и смысловую интонацию в общую атмосферу городской жизни. В качестве строительного и декоративно-облицовочного материала все чаще используется жженный кирпич. В общем облике городов важную роль начинает играть цвет, особое своеобразие архитектуре придает орнаментальный декор.

С исламским периодом связывается процесс самоидентификации городского сознания. Возникает традиция обозначения человека по городу, где он родился, как фактор не только идентификационный, но и семантический – нисба. Именно в мусульманское средневековье происходит метафоризация образа наших городов в поэзии и урбанистическом сознании Среднего Востока. Красноречивы в этом отношении известные строки Хафиза Шерози: «Если сердце мое похитит турчанка Ширази, за родинку индийскую ее одну отдам я и Самарканд и Бухару». Характеристику этих легендарных городов сохранили и широко популярные в народе слова «Самарканд – это красота мира, а Бухара – это оплот веры ислама».

5. Город и ценности традиционной культуры

Современный город разрушает устои традиционной культуры. Но одновременно он вырабатывает и определенные инструменты для ее сохранения — история, археология, фольклористика, топонимика, все отрасли искусствоведения нацелены на выявление знаний о прошлом, на сохранение и развитие ценностных потенциалов традиционного наследия.

В советский период идеи малой общины стали разрушаться с помощью массового строительства огромных кварталов. Начиная с периода независимости отношение к истории и к традиционным ценностям меняется. Возрождаются из небытия имена великих государственных деятелей, теологов, мыслителей прошлого, ремесла и национальные праздники, реконструируются культовые религиозные памятники. Программа «Обод махалля» отражает отношение государства к значению этого компонента города не только в социокультурном, но и в градостроительном плане [11]. Но наряду с очевидными положительными тенденциями возникла опасность некоего идеологического перекоса в решении конструктивных градостроительных задач. Например, идея создания этнографических зон в старых городских центрах в целях привлечения туристов нередко выдвигается без учета практических потребностей местных жителей, лишенных элементарных санитарно-гигиенических и бытовых условий. Не менее важны в той связи вопросы экологии в старых кварталах и центрах наших городов.

6. Ретроспективный опыт и современный город. Бухара и Самарканд — исторический тандем в помощь современным зодчим

К концу XIX в. колонизация Туркестана привела к попыткам трансплантации европейской и русской архитектуры и градостроительной традиции в среду средневековых городов. Возникли новые центры в старых урбанизированных структурах, но этот период был довольно кратковременным, и инонациональные традиции не оказали значительного влияния на архитектурный облик наших городов. Тем не менее, идея создания

нового европейского центра в традиционной структуре туркестанских городов имела принципиальное значение для формирования градостроительной философии в среднеазиатском регионе. Восстановление памятников колониальной архитектуры XIX в. — это наиболее легкая и реально выполнимая работа, поскольку сохранность этих сооружений хорошая и практически все сводится к их капитальной реконструкции.

Массовым и всепоглощающим было воздействие архитектуры тоталитарного режима советской власти. Именно в XX в. возникает система сознательного тотального урбанизма новой формации. Его философия исходила из идеологии коммунистического режима, декларировавшего принципы социальной справедливости. Отчасти это выполнялось, особенно в сфере жилищного строительства. Но советское градостроительство, проповедовавшее философию централизма и единства планирующего органа, лишало национальные республики возможности построения собственных архитектурно-градостроительных концепций и, соответственно, самобытных национальных школ и архитектурных традиций. Поэтому весьма актуальной для архитектуры и градостроительной практики стала проблема осмысления и регенерации позитивного наследия средневековой урбанистики и переустройства городов социалистического прошлого, а также создания новой урбанистической философии.

Одной из сложнейших задач современного национального градостроительства и архитектуры является рассмотрение актуальных идей в пластическом наследии прошлого. Это трудная, но весьма важная задача. Историки архитектуры накопили достаточно большой фактологический материал. В настоящее время тщательно исследуются отдельные этапы развития городов, дается детальная характеристика памятников зодчества и архитектурно-строительных приемов. В архитектуре 1970–80-х годов заметны попытки интерпретации отдельных приемов (солнцезащитные панджара, сталактиты, внутренний дворик и т. д.), но на уровне стилистики, а не внутреннего смысла архитектурной идеи.

Архитекторы и градостроители еще не приступили к весьма фундаментальной задаче — к осмыслению языка архитектурных идей, принципов образной экспрессии и смысловых интонаций нашей урбанистической классики. Между тем Самарканд, Бухара и другие древние города Узбекистана дают исключительно важный материал для такого рода архитектурных и культурно-философских изысканий. В этих городах ставились и с поразительной образно-эмоциональной силой решались основные социальные, мировоззренческие и художественные задачи своего времени.

7. Ташкент — среднеазиатский мегаполис

Каждый город материализует сознание предшествующих поколений его жителей, формируя в то же время эмоционально-чувственный и социально-духовный мир последующих. Ташкент как новый азиатский мегаполис должен был бы быть нацелен на воспитание техногенных ощущений. Тем не менее, в последнее десятилетие в столице Узбекистана очевидно смешение стилей — общемировых архитектурных тенденций (гостиницы Интерконтиненталь, Шератон, Бизнес-центр и др.) и попыток подчеркнутого обращения к историческим формам (Музей истории Темуридов, здания Олий Мажлиса, Хокимията Ташкента, Государственной консерватории). Важность обращения к истории понятна и объяснима. В то же время современные здания как знаковые символы нашего мироощущения требуют более тщательной аранжировки ретроспективного материала. Опыт нашей урбанистической классики подсказывает необходимость более вдумчивого отношения к собственным источникам архитектурных идей. Архитектурная философия Бухары, атмосфера кварталов ее старого города нацелена на поиск оптимального решения проблем преемственности — как градостроительных, так и духовных. Этот принцип соблюдения гармонии человека и городской среды должен быть использован и при создании новых городских структур и архитектурных сооружений. В то же время необходимо более смелое и решительное освоение мирового архитектурного и градостроительного опыта и достижений. Как ни парадоксально,

но именно богатейшее архитектурное наследие, при некритическом его прочтении, становится фактором торможения и архитектурного кича. Повсеместное использование формальных приемов средневековой классики без учета исторического контекста порой приводит к эстетически и художественно несостоятельным решениям. В этом смысле обращение к современному мировому опыту интерпретации архитектурного наследия также весьма полезно и необходимо. К сожалению, у нас практически отсутствует отрасль архитектурной критики и анализа, что не позволяет определить картину развития городов в адекватной научной интерпретации.

8. Искусство и город — живопись и архитектура как индикаторы урбанистической философии

«Улицы — наши кисти, площади — наши палитры».

В. Маяковский.

«... Ничто так не навредило истории великих архитектур, — писал Освальд Шпенглер, — как то, что ее считали историей технических приемов строительства, а не историей идей». Однако этот упрек не совсем правомерен, поскольку история искусств традиционно рассматривала архитектуру как часть эволюции художественных идей. Не случайно в перечне стилей искусства — готика, романский стиль, ампир, классицизм, барокко, рококо, модерн, конструктивизм и др., архитектура выступает в качестве одного из главных компонентов художественной культуры. В европейском общественном мнении и педагогической деятельности XIX—XX веков архитектура осознается синтетически — как строительная отрасль и художественная деятельность одновременно [12]. На развитие градостроительных концепций большое влияние оказывает признание за архитектурой статуса пластического искусства.

Особое значение в развитии современных архитектурных идей имели революционные преобразования в искусстве начала XX века, в частности, кубизм Пикассо. В формировании принципов русского авангардизма и абстракционизма (К. Малевич, В. Кандинский), оказавших огромное воздействие на развитие всего мирового

искусства и архитектуры XX века (вспомним «архитектон» К. Малевича или композиции В. Татлина), деятельное участие принимали архитекторы (В. Татлин, А. Веснин, Э. Лисицкий). Они не скрывали цели своих поисков в беспредметной живописи – моделей для будущей архитектуры [13]. Пластические инновации коснулись театра, кинематографа, музыки; общеэстетические идеи стали пронизывать все искусство XX века. В советском регионе соцреализм также по-своему оказывал тотальное воздействие на формы искусства и, как мы показали выше, идеология оказывала радикальное влияние и на градостроительство и архитектуру, но происходило это вне контекста мирового искусства.

Города Узбекистана также являлись источником и индикатором художественного процесса. Именно в них зародилось новое искусство XX века. Города были источником возникновения нетрадиционных художественных форм и идей, хотя география искусства ограничивается по преимуществу ведущей ролью Ташкента, ну, может быть, еще двух, трех городов. Причем многое зависит от вида искусства – театр, живопись, скульптура, имеют более широкий охват. Музыка, кинематограф – это больше привилегия Ташкента.

Современное развитие искусства Узбекистана, с его, в отличие от архитектуры, большей раскованностью и возможностью обращения к различным стилевым источникам, казалось бы должно показать пути новых пластических методик и идей. Вместе с тем, и искусство, и архитектура демонстрируют некую одинаковую растерянность перед вызовом нового времени. Правда, более подвижные виды пластических искусств (живопись, скульптура) все же пытаются выйти за пределы магнетического воздействия традиционного наследия. В архитектуре же прогрессивные инновации пока осуществляются с большим трудом и напряжением. Пластические идеи как в «большой» архитектуре, так и в других урбанистических формах (транспортные узлы, улицы, площади, скверы, небольшие зоны отдыха, остановки, жилые кварталы, промышленные объекты и т. д.), находятся на уровне дизайнерского решения прошлых десятилетий.

Возникновение архитектурного и градостроительного мышления, отвечающего требованиям новых исторических реалий, во многом зависит от уровня заинтересованности судьбами городов Узбекистана широкой творческой, научной интеллигенции и общества в целом.

Примечания:

1. Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте. // Исследования по структуре текста. М.: «Наука», 1983. Антропологические ассоциации образа города см. также в работах: Смирнов С. А. Философия города (образы города в культуре) // «Мастер-класс», 1996, № 1. Он же. Идея человека и онтологические пределы философской антропологии // «Кентавр». 2000, № 22.
2. Tonnis F. *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grunbegriffe der reinen Soziologie.* Leipzig, 1887.
3. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes; Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Bd. 2. Welthistorische Perspektiven.* Munchen; Beck, 1922; О. Шпенглер. Закат Европы. Т. 1. М., 1993.; Он же. Закат Европы. Т. 2. Из раздела «Города и народы». М., 1993. См. также кн.: Самосознание европейской культуры. М., 1991. с. 23-67.
4. Richard L. *Deutscher Faschismus und Kultur.* В., 1982. p. 217
5. Castells M. *La question urbanie.* P., 1973. 114. См. также: Dagnaud M. *Le myth de la qualite de la vie et la politique urbanie en France* Paris, 1978.
6. Хакимов А. К вопросу о феномене среднеазиатского урбанизма и его периодизации. Тезисы докладов Международной научной конференции «Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы. Традиции и современность. Самарканд. 2002., Он же. Философия среднеазиатского урбанизма // *Great Silk Road World. Uzbekistan*, 2002. Он же. *Zur Phenomenologie der urbanen Kultur.* // *Vostok Spezial.* Berlin, 2002. Он же. К феноменологии урбанистической культуры. // *San`at*, № 2, 2002; Э. Ртвеладзе. Исторические цивилизации и древние города Среднеазиатского Двуречья. // *San`at*, 2002, №2.; А. Ганглер. Развитие Бухары как города // *San`at*, 2002, №3 и др.
7. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. *Средневековый город Средней Азии.* Л., 1973. С. 256-268

8. Советский энциклопедический словарь. М. 1979.

9. Там же.

10. Там же.

11. Аскарлов Ш. Махалля в контексте города. // *San`at*, 2002, № 4.

12. Шукурова А. Н. Архитектура Запада и мир искусства XX века. М., 1990.

13. Наков А. Русский авангард. М., 1991. С. 96.

Основные направления градостроительной политики Узбекистана

С глубокой древности территория Узбекистана представляла собой быстро развивающийся регион с растущей экономикой. Возникновение городов, развитие ремесел и сельскохозяйственного производства, торгово-денежных отношений, вывели регион в ряд ведущих областей расселения человечества.

На протяжении прошлого столетия города и городской образ жизни охватывали все более обширные ареалы расселения людей практически во всех странах мира. Этот процесс сопровождался небывалым ростом городского населения на нашей планете. Человечество переживает период интенсивной урбанизации. Каковы же сегодня итоги ее победного шествия? Что может сказать опыт, который накопили города в решении своих обостряющихся проблем?

Главные черты современной урбанизации Узбекистана выражаются в быстром росте численности городского населения, увеличении числа городов и их размеров, резком возрастании роли больших городов, формировании городских агломераций и урбанизированных районов с концентрацией в них населения и различных видов деятельности, маятниковых перемещениях населения в окружении городов, особенно крупных.

В настоящее время городская сеть Узбекистана состоит из 224 поселений (121 город и 113 поселков городского типа). Сеть городских поселений к настоящему времени (по сравнению с 1926 г.) увеличилась более чем в 5 раз, в том числе количество городов возросло в 4,2 раза, а городских поселков — в 6,6 раза. За

этот период на территории Узбекистана образовалось 112 городов. Процесс роста городской сети сопровождался значительными изменениями в структуре сети городских поселений, что явилось прямым отражением социально-экономического развития республики.

В городской сети заметно преобладают малые городские поселения с численностью населения до 20 тыс. человек; их число составляет 149 единиц, т. е. 63,7% всей городской сети республики. В них проживает около 1,4 млн. чел., или 15,8% всего городского населения республики. В то же время значительно укрепилось звено средних городов с численностью населения 20-100 тыс. чел. В 1926 году в Узбекистане было всего 6 средних городов, в том числе 3 города с населением от 20 до 50 тыс. чел. (Хива — 20,3; Маргилан — 44,3; Бухара — 46,7 тыс. чел.) и три города с населением от 50 до 100 тыс. чел. (Коканд — 69,3, Андижан — 73,5, Наманган — 73,6 тыс. чел.). Эта категория городов составляла лишь 22% в общем числе городов Узбекистана, но в них проживало более 1/3 всего городского населения. Сейчас же число городов этой категории насчитывает 68 единиц, что составляет более половины городов и 29,1% общей сети городских поселений республики. В них проживает 2,4 млн. чел., или 26,2% всего населения городских поселений.

Характерная черта качественного развития урбанизации и структуры городской сети в рассматриваемый период — постоянный рост концентрации городского населения в крупных городах с численностью населения свыше 100 тыс. чел. В 1926 году в Узбекистане было всего лишь два крупных города: Ташкент (323,6 тыс. чел.) и Самарканд (105,2 тыс. чел.), однако в них проживало 42,4% всего городского населения республики. Вследствие социально-экономического и, в том числе, индустриального развития происходило последовательное формирование крупных городов, как важных организационно-хозяйственных, социально-культурных и промышленных центров. В настоящее время в Узбекистане

насчитывается 17 крупных городов с населением более 100 тыс. человек. В них проживает около 5,3 млн. чел. или 60% всего городского населения республики. Среди этой категории городов важную роль в системе расселения и урбанизационном процессе играет столица республики Ташкент, на долю которого приходится 23,5% населения городов. По численности населения он превосходит «второй» город республики – Самарканд почти в 6 раз.

Наряду с этим надо отметить, что в современном процессе городского расселения в последнее десятилетие проявилась тенденция оттока населения, особенно из крупных городов – областных центров. Этому обстоятельству в значительной степени способствовало усиление миграционных процессов в связи с распадом бывшего СССР. Это, в свою очередь, сказалось на соотношении городского и сельского населения республики в пользу сельского. Городское население Узбекистана, начиная с 1990 года, обрело устойчивую тенденцию к уменьшению. Так, если в 1990 году оно составляло 40,7%, то к настоящему времени городское население республики уменьшилось до 37,6%.

Ярким проявлением урбанизационных процессов в Узбекистане является формирование опорного каркаса расселения, складывающегося из узлов (сгустков населенных пунктов) и планировочных осей (природного и антропогенного характеров – реки, каналы, железные и автомобильные дороги, отроги гор, долины рек и т. п.).

Усилению опорного каркаса расселения способствуют новые условия развития суверенного Узбекистана, которые позволяют ускоренными темпами вести хозяйственное освоение районов и усилить их значимость на основе строительства стратегически важных направлений железнодорожных и автомобильных дорог, крупных объектов хозяйствования в городах и районах республики, которые в совокупности являются значительным стимулом для совершенствования структуры и роста городских и сельских населенных пунктов Узбекистана на новом этапе развития страны. В свою очередь, это обостряет задачи, которые должны быть направ-

лены на усиление контролируемого взаимодействия урбанизационных процессов и управления развитием поселений на общегосударственном уровне.

В целях обеспечения устойчивого развития городских и сельских населенных пунктов с учетом новых социально-экономических условий в республике активно формируется законодательная и нормативная база градостроительства. Основные принципы государственной стратегии устойчивого развития населенных пунктов и межселенных территорий определены в Градостроительном Кодексе Республики Узбекистан, на основе которого создан нормативный документ «Планирование развития и застройка территории городских и сельских населенных пунктов» и начата разработка Генеральной схемы расселения на территории республики.

Эти и другие программные документы ориентированы на совершенствование и развитие сложившихся ареалов расселения и системы городских и сельских поселений; активизацию обустройства сельской среды обитания и развитие межселенной инфраструктуры; стимулирование развития малых и средних городов; оздоровление городской среды обитания; освоение пригородных зон для местных рекреационных возможностей; экологическая реконструкция земель городов, пригородных и рекреационных зон, сельских населенных пунктов, межселенных территорий; восстановление исторических центров и комплексов; переориентация застройки городов с освоения свободных окраин на комплексную реконструкцию уже застроенных территорий.

При этом, на основе поддержки развития фундаментальной градостроительной науки, обеспечивающей выработку научно обоснованных стратегических направлений развития поселений и формирование устойчивой социальной среды жизнедеятельности, необходимо:

- дальнейшее совершенствование методов разработки и законодательного закрепления долгосрочной политики

развития населенных пунктов и систем расселения, сохранения природоохранных территорий, усиления общегосударственных каркасов транспортно-коммуникационной, производственной, инженерной и социальной инфраструктур;

- добиваться комплексного и взаимоувязанного решения социальных, экономических и природоохранных проблем развития городов и всей сети поселений республики. Стимулировать совершенствование экологического планирования и практики управления развитием населенных пунктов, уделяя при этом особое внимание районам с неблагоприятными характеристиками окружающей среды;
- совершенствовать систему мониторинга градостроительных процессов. Разработать и внедрить систему городских и жилищных индикаторов, позволяющих органам местного самоуправления осваивать новые технологии мониторинга городской ситуации, а региональным и общегосударственным органам власти получить унифицированный инструмент оценки процессов урбанизации и состояния населенных пунктов по всем аспектам жизнеобеспечения.

Heike Weippert

Remote sensing and geographical information systems techniques as tools in analysing the dynamics of urban spatial structure: the case of Tashkent, Bukhara and Samarkand

In Cooperation with
Prof. Dr. -Ing. Eckhart Ribbeck and
Dr. -Ing. Anette Gangler

INTRODUCTION

Since the Republic of Uzbekistan became an independent sovereign state in 1991 the former soviet planning system does no longer dominate the national economic development and therefore no longer influence urban development in the traditional centres like Bukhara, Samarkand and Tashkent. The process of disintegration of the long-term planning system nowadays opens the door for new private commercial activities like the real estate market and also private building activities which promote the transformation of the urban physiognomy. The existing situation implicates the urgent need of instruments to get a comprehensive overview about the urban spatial structure to rapidly locate potential quarters where well directed urban planning could take up. Remote Sensing and Geographic Information System techniques represent flexible tools to answer the most pressing questions concerning urban development and urban land use. The following paper presents the development of rapid assessment methods for urban planning by processing satellite images and integrating them into a Geographic Information System for further applied analysis. At first, a short review of the satellite imagery is given. Build on this, an explanation of the methodology and the analysis results will follow.

METHODOLOGY

The research project of the VW-Foundation in which the paper work is embedded aims at the demonstration of the transformation processes of urban structures in the well known historical centres like Bukhara, Taskent and Samarkand from the pre-soviet until the post-soviet times. The paper work mainly focuses on the actual state of the urban structure in the three traditional centres. The data basis is represented by the high-resolution remote sensing satellite QuickBird. Launched into its sun-synchronous orbit on the 18th of October in 2001, the satellite operates in an altitude of 450 km and collects multi-spectral and panchromatic imagery concurrently. Its on-board tape recorder gives world-wide coverage. The steerable sensor acquiring

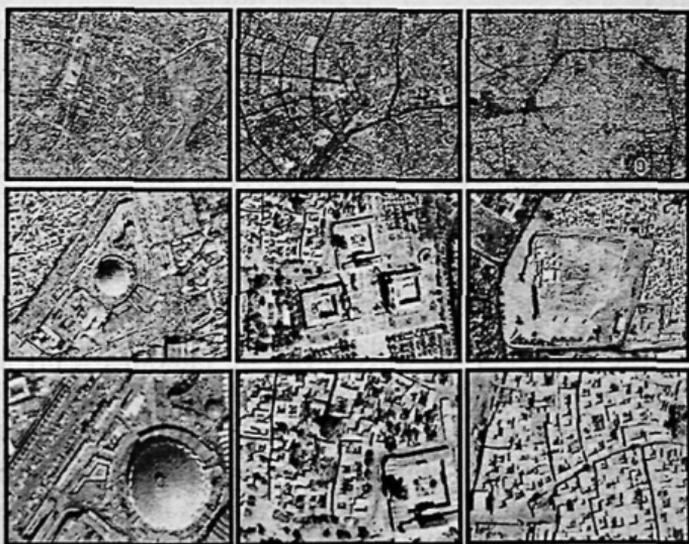


Figure 1:

Panchromatic images from the QuickBird Satellite (images acquired in 2002) which show the new centre of Tashkent (upper left) and the bazaar area (lower left), the centre of Samarkand (upper middle) and an enlarged cut-out of the Registan with the medreses (lower middle). Bukhara downtown (upper right) and the Ark on the Registan in Bukhara with the surrounding old buildings lower right).

enables images outside the ground track and influences the satellites revisit cycle (see in table 1) and its stereo capabilities. With a 0.7 meter spatial resolution in the panchromatic channel one can identify human-scale features larger than one square meter such as automobiles, freestanding trees and bushes and differentiate among types of buildings and houses.

The following table shows the technical characteristics of the QuickBird Satellite. The satellite is designed to efficiently and accurately image large areas and to derive map scales from 1: 12 000 to 1: 2 000

OPERATOR	Earth Watch Inc.
RESOLUTION	0.6/0.7 meter (panchromatic) 2.44/2.88 meter (multi-spectral) 450 – 900 nanometers
Swath Width	22 km
Dynamic Range	11 bits per pixel (2048 grey levels)
Revisit Cycle	1.5 - 4 days
Orbit Time	93.5 minutes
On-Board Storage	128 Gbit (approximately 57 scenes)

Table 1: QuickBird Technical Summary

The images of the three areas are radiometrically and geometrically corrected, mapped to a cartographic projection and stitched together by generating a mosaic of the different adjacent scenes. These preprocessed high resolution satellite imagery gives detailed information about the extent and spatial distribution of various urban land uses, urban fringes, housing characteristics, population growth pattern, existing infrastructure and utilities. Each of the mentioned cover types has its own spectral signature. By carrying out a image classification (supervised with maximum likelihood classifier) the urban cover types are extracted according to their spectral characteristics. An image classification is an automatic computer based process conducted by a standard remote sensing software. The classification results can be either visually interpreted by the user

or digitally integrated into a GIS for further analysis, queries, calculations and simulations. Integrating the results into a Geographical Information System, a combination with other available quantitative information like e. g. census data and further calculations of areas and densities could be made and visualized in thematic maps.

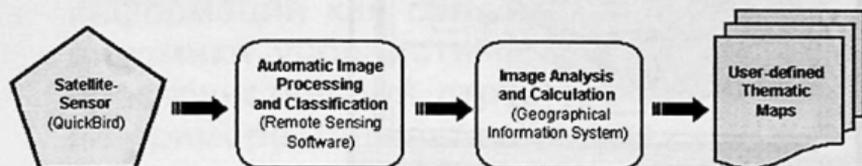


Figure 2: Operating sequence of the methodology.

In respect to a specific application need, a GIS is capable of querying and analysing the data to generate new information. Thus, disciplines like archaeology, cartography, environmental monitoring, exploitation of deposits and urban planning could highly profit from the important information retrieval.

The mentioned methodology and its results are shown in the following figures. Figure 3 (left) presents a sector of the panchromatic image, the right image shows the classification results of the area (extracted white buildings). The succeeding step of integrating the classification results in a GIS to generate thematic maps is shown in Figure 4.



Figure 3: Panchromatic image of the north eastern area of Bukhara showing a symmetric buildings matter (left), extraction of the building complexes in north eastern Bukhara from a supervised classification (10 classes - aximum Likelihood Classifier) which presents the data basis for e. g.

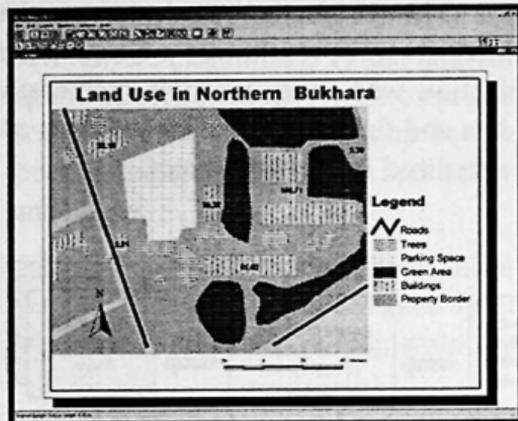


Figure 4:

Conversion of raster into vector data and integration in a GIS to derive a detailed thematic map of the urban land use.

PERSPECTIVE

Remote Sensing and GIS Technology could be efficiently used to get current information about urban structures and to easily generate thematic maps for multidisciplinary applications. Further queries and analysis of the comprehensive information lead to new helpful data. For Uzbekistan as a relatively new state where there is evidently a high demand for manageable technologies to monitor the urban development for divers applications, the described tools present a possible solution.

REFERENCES

- Barret, E. C. & L. F. Curtis (1992): *Introduction to Environmental Remote Sensing*. 3rd Edition. Chapman and Hall, London/New York.
- Heywood, D. I. et. al. (2002): *An introduction to Geographical Information Systems*, 2nd Edition. Prentice Hall.
- Jones, C. (1997): *Geographical Information Systems and Computer Cartography*. Addison Wesley Longman Ltd, Harlow.
- Lillesand, T. M. & R. W. Kiefer (1999): *Remote Sensing and Image Interpretation*. 4th Edition, John Wiley & Sons, Chichester.
- Sabins, F. F. (1997): *Remote Sensing. Principles and Interpretation*. 3rd Edition. W. H. Freeman, New York.
- Saxena, A.: *Monitoring of urban fringe areas using Remote Sensing and GIS techniques*. M. A. C. T. Bhopal

Русский перевод статьи Хейке Вейперт, написанной
в сотрудничестве с проф. Экхарт Риббек
и д-ром Анэтт Ганглер*

Дистанционное зондирование (ДЗ) и техника системы географической информации как средство анализа динамики урбанистической пространственной структуры: на примере Ташкента, Бухары и Самарканда

ВВЕДЕНИЕ

Обретение независимости Узбекистаном в 1991 году привело к тому, что прежняя советская система планирования больше не доминирует над развитием национальной экономики и поэтому не влияет на городское развитие в таких традиционных центрах как Бухара, Самарканд и Ташкент.

Процесс распада долгосрочной системы планирования в наши дни открывает новые возможности для частной коммерческой деятельности, к примеру: рынок по недвижимости или частные строительные работы, способствующие преобразованию городской физиогномики (от греч. «природа» и «знание»).

В настоящее время существует большая потребность в подробном обзоре городской пространственной структуры для того, чтобы эффективно определять местонахождение потенциальных мест, где можно начать хорошо организованное урбанистическое планирование. Дистанционное зондирование и техника системы географической информации представляют собой гибкие инструменты, с помощью которых можно ответить на самые неотложные вопросы по урбанистическому развитию и городскому использованию земли.

* Перевод А. Хакимовой

Настоящий доклад представляет собой презентацию методов экспресс-оценки по городскому планированию, используя при этом спутниковые изображения и объединяя их в Географическую Информационную Систему для дальнейшего прикладного анализа. Прежде всего дается краткий обзор спутниковых изображений. Затем на основании данных изображений следует объяснение методологии и результатов анализа.

МЕТОДОЛОГИЯ

Труды научно-исследовательского проекта Фонда VW (VW Foundation) направлены на то, чтобы продемонстрировать процессы преобразования урбанистических структур в таких известных исторических центрах как Бухара, Ташкент и Самарканд, начиная с предсоветского периода и до постсоветских времен. Исследования, главным образом, сосредоточены на действительном положении урбанистической структуры в трех традиционных центрах. Данные получены с помощью дистанционного зондирования со спутника с высокой разрешающей способностью КвикБёрд (QuickBird).

Спутник КвикБёрд был выведен на солнечно-синхронную орбиту высотой 450 км 18 октября 2001 года. Этот спутник предназначен для съемки поверхности Земли с высокой разрешающей способностью, записывающее устройство на борту спутника фотографирует весь мир. Управляемый датчик спутника позволяет делать изображения за пределами хода станции и влияет на цикл перепосещения спутника (см. Табл. 1) и его стерео способности.

С его 0.7-метровой разрешающей способностью в панхроматическом канале можно увидеть предметы масштабом больше чем один квадратный метр, например изображения автомобилей, деревьев и кустарников, а также различать разные строения и дома.

Иллюстрация 1: На панхроматических фотоснимках, сделанных со спутника КвикБёрд в 2002 г., можно увидеть новый центр Ташкента (вверху слева) и базар (внизу слева), центр Самарканда (вверху в середине) и увеличенный фрагмент Регистана с медресе

(внизу в середине), центр города Бухары (вверху слева), и арку на Регистане в Бухаре, окруженной старыми зданиями (внизу справа).

Таблица 1 демонстрирует техническую характеристику спутника КвикБёрд. Спутник разработан для эффективного и точного изображения больших площадей и для получения карт масштабом от 1: 12 000 до 1: 2 000.

Снимки трех областей радиометрически и геометрически скорректированы и нанесены на карту картографической оценки и далее объединены с помощью различных смежных изображений. Эти предварительно обработанные спутниковые снимки с высокой разрешающей способностью дают подробную информацию о том, как распределяются различные городские земли, особенностях размещения, о росте населения, существующей инфраструктуре и ее утилизации. У каждого из упомянутых типов – свой почерк.

При классификации снимков (которая контролируется с максимальным классификатором вероятности) городские поверхностные типы отобраны согласно их спектральным особенностям. Классификация изображения – это процесс, созданный на основе автоматического компьютера, проводимый стандартной программой дистанционного зондирования. Результаты классификации могут быть визуально интерпретированы пользователем или же интегрированы в цифровой форме для дальнейшего анализа, вопросов, вычислений и моделирования в GIS (Геоинформационные системы).

Интеграция результатов в Географическую Информационную Систему в сочетании с другой доступной количественной информацией, как, например, данные переписи и плотности населения, можно проследить в тематических картах.

Что касается специфической потребности, то Геоинформационные системы способны вести учет и анализ данных для воспроизведения новой информации. Такие дисциплины, как археология, картография, экологический контроль, городское

планирование смогут получить огромную пользу от такого важного информационного поиска.

Упомянутая методология и ее результаты продемонстрированы на следующих снимках.

Иллюстрация 3 (слева) представляет собой сектор панхроматического изображения, снимок справа показывает результаты классификации местности (выделенные белые здания). На снимке под номером 4 можно проследить последующий этап интеграции результатов классификации в Геоинформационные системы GIS для составления тематических карт.

Иллюстрация 3: панхроматическое изображение северо-восточной области Бухары показывает симметричный узор зданий (слева), извлечение комплексов зданий в северо-восточной Бухаре из контролируемых видов (10 видов – Максимальный Классификатор Вероятности), которые представляют базу данных, к примеру, учета площади в Геоинформационной системе GIS.

Иллюстрация 4: Преобразование растра в векторные данные и интеграция в Геоинформационной системе GIS для получения подробной тематической карты городского использования земли.

ПЕРСПЕКТИВА

Дистанционное зондирование (ДЗ) и технологию геоинформационной системы GIS можно эффективно использовать для получения текущей информации о городских структурах и легкого составления тематических карт по различным дисциплинам. Дальнейшее изучение и анализы всесторонней информации приводят к новым полезным данным. Узбекистан, будучи относительно новым государством, имеет большой спрос на управляемые технологии, с помощью которых возможно контролировать городское развитие. Все описанные выше способы и методы могут стать возможным решением проблемы.

Бухара: коммунизм, пост-социализм, традиционализм — в поисках «узбекского города»

В 1991 г. Узбекистан стал независимым государством. Началась эмиграция неузбекского населения, и в связи с этим страну покинуло много квалифицированных архитекторов, планировщиков и инженеров, работавших в структурах советской государственной бюрократии. Этот процесс был усугублен экономическим кризисом, хотя бедность на улицах едва заметна.

60 % населения Узбекистана еще живет в сельской местности, где в будущем ожидаются изменения, сходные с городскими. Нерентабельные госпредприятия и колхозы исчезают или превращаются в частные предприятия, что связано с рационализацией и сокращением используемой рабочей силы. Миграция из села в город пока еще будет тормозиться через государственный контроль, тем не менее, многие пытаются найти работу в городе или жить как «гастарбайтер» в России или на Украине, где заработки выше. В любом случае, имеется нарастающее бегство из сел, причем никто не знает, как может быть приостановлен быстрый рост населения городов.

Подлетая к Бухаре, видишь сверху бесконечный речной оазис с огромными хлопковыми, подсолнечными и кукурузными полями. Поселки, которые были планомерно созданы в советское время, тянутся на многие километры вдоль главной дороги и стихийно уплотняются у небольших центров. Лишь изредка бугры, возвышающиеся на плоскости, напоминают, что передвигаешься посреди древнейшего культурного ландшафта, где уже более чем за 2000 лет были цветущие города.

Несмотря на свое 270-тысячное население, Бухара не является большим городом. Не западное изнурение, и не восточная толчея

характеризуют город, а, скорее, некоторая провинциальная невозмутимость. За исключением некоторых оживленных мест, пешеходы и машины теряются на почти огромных улицах; переулки Старого города часто тоже безлюдны. Старый город все еще представляет собой пространственный центр города, в отличие от Самарканда и Ташкента, в которых Старый город разрезан на множество фрагментов, и где части колониального и советского периодов заметно доминируют. По соседству с расположенным с юга Новым городом, где находятся общественные здания и жилые кварталы, Старый город окружен одноэтажными жилыми кварталами, которые хотя и представляют застройку в виде домов с дворами (дворовые дома), наподобие Старого города, но раскрыты вовне посредством прямых улиц.

В целом спектр строительных форм ограничен. В Старом городе имеются традиционные дома с дворами, в новых районах, на юге, — кварталы панельных домов недавнего времени, вокруг Старого города большие территории с «современными дворовыми домами», которые были построены в 1940-х — 70-х годах. Ныне с возрастающей интенсивностью появляются новые формы: дворовые дома в несколько этажей, городские дома и виллы, имеются также эксперименты с жилыми высотками.

В некоторых новых районах застройки можно заметить, что городская экспансия замедлилась, поскольку город почти не отводит новых площадей или не реализует больших проектов. Поэтому тенденция роста и изменений направлена, в основном, вовнутрь, т. е. на существующий город. Небольшими частями и в известных рамках, в узбекских городах происходит внутреннее уплотнение и изменение функций, последствия которых еще мало предсказуемы. Во многих местах идет перестройка и надстройка, на бульварах растут малые и большие магазины, и даже панельные дома охвачены этим процессом. В Старом городе также ощущается этот напор. Похоже, что в небогатой стране почти каждая инициатива, обеспечивающая дополнительное жилье и доходы, подхватывается и допускаяется.

Старый город

Бухара с 1850 г. была под протекторатом Российской империи, и вплоть до победы русской революции управлялась эмиром. Поэтому восточный исламский город до 1920 г. не был значительно затронут внешними влияниями, благодаря чему сохранился в своих пределах.

Монументальные мечети и медресе XII–XVII вв. составляют ядро Старого города. В великолепных, хорошо отреставрированных медресе сегодня находятся сувенирные лавки, рестораны и мастерские прикладного искусства, что демонстрирует прекрасную приспособляемость этих сооружений к их использованию в самых различных целях. Памятники окружены озелененными площадями, частично оконтуренными старыми домами. Повсюду идет торговля, рассчитанная на туристов. Посреди Старого города возводятся два больших комплекса с отелями и многочисленными магазинами. Новые здания более или менее подходят к историческому окружению, хотя фасады их почти не отличаются от средиземноморской «курортной» архитектуры.

Менее туристические части Старого города, в которых проживает около 70 000 человек, также являются вполне обжитыми, хотя это почти не заметно на тихих улочках и в переулках. Дома, как правило, заселены их владельцами; спекулятивная сдача внаем бедным слоям городского населения и переселенцам из сел, часто встречающаяся в других местах, здесь распространена мало. В то же время Старый город имеет много проблем, таких, как плохие строительные материалы, недостаточное водоснабжение и недостаток отопления, что делает старые дома мало комфортабельными в холодные среднеазиатские зимы. Проблематичен также общий облик Старого города, поскольку многие переулки и площади заброшены, а маленькие квартальные мечети полуразрушены.

В сравнении с другими восточными городами, Старый город Бухары относительно хорошо доступен, что делает его приемлемым и для «современных» горожан. Это обстоятельство,

а так же тот факт, что почти нет дополнительной площади для застройки, привели к возникновению в Старом городе осязаемой новой тенденции: старые сырцовые дома замещаются на строения из жженого кирпича, увеличивается этажность, нередки снос и новое строительство. По возможности скупаются два или три небольших дома для того, чтобы построить один большой. Но и сырцовые дома обновляются не всегда квалифицированно, как показывает облупившееся известковое или цементное покрытие. Спонтанная перестройка особенно заметна на окраинах Старого города, где имеются большие улицы.

Едва заметно возникает в Старом городе новая, гибридная архитектура, в которой неразрывно смешаны традиционные и современные элементы — часто с удивляющим, почти живописным результатом. Если новые здания построены из типичного для местного строительства желтого кирпича, они хорошо вписываются в старую структуру; встречаются, правда, и резко выделяющиеся формы и цвета, что «взрывает» однообразие старых улочек. Взгляд с цитадели на Старый город показывает хаотичный ландшафт из крыш, в котором выделяются голубые купола мечетей и медресе. Кроме того, обильно представлены импровизированные жестяные и шиферные крыши, посаженные на старые дома для защиты от солнца и дождя.

Старый город является культурным достоянием человечества, охраняемым ЮНЕСКО, что, однако, как показывает его критическое состояние, не означает автоматически притока средств. Хотя были и есть проекты по Старому городу, направленные на отделку улиц и маленьких площадей, они регулярно «пробуксовывают» из-за нехватки средств. Так противоречиво проявляется не очень зрелищная, но неизбежная перестройка Старого города: с одной стороны, исчезает множество традиционных домов и форм жизни, а с другой — Старый город спонтанно обновляется, что, безусловно, тормозит деградацию и выселение.

Новый город

Большая часть 270-тысячного населения города живет сегодня в Новом городе, широко раскинувшемся городе-саде, который возник и развивался под русским протекторатом и в советское время. Русское, также как и советское, планирование имело практически неограниченную возможность использования земли, что объясняет наличие широких открытых пространств. Русская колониальная власть желала иметь репрезентативный, хорошо контролируемый город; советские планировщики, напротив — новый социалистический город, с ясным приоритетом общественных пространств. Своей ясной геометрией оба эти проекта являлись полной противоположностью лабиринтообразному восточному городу, который, теснимый шаг за шагом, должен был в конце концов исчезнуть.

Основа плана Нового города состоит из огромных осей, радиально расходящихся от Старого города. Они достигают почти 200-метровой ширины и разделены на основные и дополнительные дороги, полосы озеленения и широкие пешеходные зоны. Обсаженные деревьями бульвары, огромные открытые площади и парки оттесняют застройку почти на задний план. Образующими облик города являются, прежде всего, общественные здания, в большинстве своем одиночные и функционалистические высотные дома, в то время как немногочисленные примеры русской колониальной архитектуры, еще сохранившиеся в Бухаре, исчезают за большими деревьями.

Соотношение открытых пространств и застройки несравнимо щедрее, чем в любом капиталистическом городе. В отличие от других стран, где общественные площади часто заброшены, Бухара все еще является ухоженным городом-садом, с километровыми цветочными грядками и поросшими деревьями променадами, которые идеальны для пешеходов и велосипедистов, хотя последних почти не видно. Находясь в Новом городе, не очень-то ощущаешь, что передвигаешься по древнему восточному городу в самом сердце Средней Азии.

Социалистический центр состоит прежде всего из общественных зданий – хокимият, отели, институты, так что начинаешь тщательно искать современный бизнес-центр или «Сити». Землеустройство в советское время было значительно децентрализовано, поэтому отдельные кварталы или «микрорайоны» имеют свои торговые центры, школы, спортивные площадки. Теперь государственные магазины все больше замещаются частными магазинами и супермаркетами, причем местоположение коммерческих участков значительно меняется. Спонтанно возникают новые торговые улицы; коммерциализация более всего затронула здания вдоль бульваров. Первые этажи переделываются под магазины и офисы, также наблюдаются перестройки и пристройки всякого рода, вплоть до огромных ресторанов, которые появляются спонтанно. Удивительно, сколько имеется, несмотря на распространяющуюся бедность, малых инвесторов.

Жилые кварталы Нового города, как и в других бывших социалистических странах, состоят из более или менее заброшенных панельных домов. Функционально запланированные, убогие блоки часто стоят безо всякой связи с городским пространством. Но восточная склонность к декору не остановилась и перед «панелью» (бетонной плитой): многие богато орнаментированные жилые блоки возможно, стоят того, чтобы состоять на учете в Охране памятников. Естественно, эта красота не может скрыть конструктивные недостатки, такие, как плохая теплоизоляция, что при среднеазиатской летней жаре и зимнем холоде особенно проблематично.

Жилые блоки были, как правило, построены для коллективов отдельных предприятий, которые и финансировали строительство. Экономические трудности прекратили эту практику, местные ЖСК уже давно неплатежеспособны, а их оборудование продано. Квартиры сейчас приватизированы, причем арендаторы имели возможность приобрести их недорого. Содержанием жилого фонда, однако, по-прежнему занимается город или полугосударственные компании.

Приватизация привела к деятельности по интенсивной перестройке и достройке; можно видеть резьбу на окнах, импровизированные балконы и сады, в то время как земля, прилегающая к квартирам на первых этажах, занята и обнесена оградами. В других случаях пробиваются или совсем убираются стены для того, чтобы пристроить магазины и мастерские. Начинаясь моторизация демонстрирует себя уродливыми жестяными гаражами, дюжинами стоящими вокруг жилых блоков.

Разрушение системы государственного обеспечения жильем повлияло и на старые кварталы с одноэтажной застройкой, которые в основном находятся к северу от Старого города. Эти семейные дома были в большинстве своем построены самостоятельно, представляя, таким образом, вид местной архитектуры. Как правило, это одноэтажные кирпичные здания прямоугольного плана, которые можно было бы обозначить как «современные дворовые дома», поскольку в них еще ясно различимы традиционные элементы. К ним относятся, естественно, одноэтажность застройки и закрытый двор, а также то, что участки имеют более или менее квадратную форму, обычную для домов Старого города. Особенно четко типологическое родство проявляется на окраинах Старого города, где старые и новые дворовые дома находятся в непосредственном соседстве. Сейчас и эти семейные дома тут и там надстраиваются и перестраиваются, сносятся и заменяются на более крупные.

До начала независимости городские участки распределялись почти бесплатно; сегодня городская земля — дорогое добро и важный источник доходов для города. Так, в ограниченном объеме с аукциона были проданы участки под строительство, которые были приобретены представителями небольшой прослойки людей, разбогатевших в период перелома. Новый статус владельцев демонстрируется большими домами, стоящими часто 50 000 евро и более — сумма, невообразимая в стране, где академик зарабатывает едва ли 100 евро в месяц.

Участки величиной от 400 до 600 м² имеют, как и в старых дворовых домах, близкую к квадрату форму, что ведет к созданию широких фасадов. Обведенный стеной двор также представляет собой наследие прежних богатых домов. Таким образом, двух-трехэтажные дома являются гибридным типом здания, стоящим где-то между большим дворовым домом и современной виллой. Как правило, дома задуманы и строятся для жизни семейных кланов, однако будут ли они так функционировать — сомнительно, потому что есть вероятность того, что дети людей из верхней прослойки, пожалуй, могут искать свое будущее не в Бухаре, а в столице или за границей. В данных строительных зонах себя демонстрирует новая богатая, но стилистически еще не определившаяся прослойка, что заметно по изменчивым формам и цветам домов. Часто, относительно неясным кажется и экономическое положение богатых, поскольку на многих незавершенных стройках рассматриваемой зоны не ведется никакой строительной деятельности.

Город не имеет средств для градостроительной инфраструктуры, поэтому она финансируется самими застройщиками. Это делает новые районы застройки практически частными поселениями, которые являются пока доступными каждому, что, однако, может быстро измениться, когда это покажется удобным жителям. Таким образом, эти привилегированные районы являются потенциальными «gated communities» — «сообществами за воротами», а это первый признак социально-пространственной сегрегации, которая начинает охватывать пост-социалистический город.

Городское планирование

Дилемма сегодняшних проектировщиков очевидна: с одной стороны, они должны сохранить наследие города, развивавшегося в пору русского колониализма и при социализме, дабы не допустить крушения основных городских функций, а с другой — создавать для коммерческих инвесторов и частных застройщиков широкое поле деятельности, чтобы они могли компенсировать уменьшающееся участие государства. Как в будущем будет решаться эта балансировка, и как влиять на городское и жилищное строительство, еще неясно.

В любом случае, социалистический контроль планирования уже явно уменьшился, хотя еще достаточен, чтобы контролировать городское развитие. Спонтанных поселений-трущоб, известных по другим южным странам, в Бухаре и в других крупных городах Узбекистана (пока) нет. В то же время, государственная деятельность, прежде всего по строительству общественного жилья, так сократилась, что и городская экспансия почти полностью прекратилась. Дальнейший рост территории города осложняется еще и некоторыми градостроительными препятствиями, такими, как линия газопровода и железнодорожные пути на севере и востоке, а также обширные хлопковые поля на юге и западе.

Изменение системы сделало советскую систему планирования по большей части устаревшей, но государственная монополия на землю является до сих пор важнейшим инструментом контроля за городскими трансформациями. Это регулирование является скорее бесконцептным и спорадическим, что можно сказать и о продаже городской земли, которая, как правило, отдается слишком дешево. Так как продажа земли все больше становится важнейшим источником дохода оскудевшей городской казны, то городские власти, несомненно, будут расширять торговлю землей, что без наличия стратегического плана представляет собой значительный риск.

Недостаток средств и производственных мощностей заставляют городские власти сконцентрироваться на меньшем числе действий. При этом местным политикам кажется особенно приоритетным сохранять картину ухоженного города-сада, и в результате большая часть ресурсов выделяется на оформление общественных пространств. Этот план осуществляется с большим успехом: как показывают ухоженные бульвары, сады и парки, они далеко отстоят от «уровня третьего мира», являющегося обычным для других мест.

Следующее важное направление — реставрация религиозных монументов, часто бывших заброшенными в советское время. С большими затратами реставрируются ныне некоторые важные, расположенные за пределами города мавзолеи, мечети и медресе, включая окружающие их огромные погребальные комплексы.

Некоторые архитектурные проекты были реализованы в последние годы. Среди них — стадион, медицинский колледж и другие общественные здания. При этом в узбекских городах встает вопрос о новой архитектурной самоидентичности. После русского колониального стиля, сталинского классицизма, социалистического модерна и функционализма есть тенденция к «узбекскому стилю» — декоративной смеси из классических и восточных форм, который, на западный взгляд, колеблется где-то между искусством и кичем. Рядом с ним развивается, хотя еще и рудиментарно, интернациональная коммерческая архитектура, главной приметой которой являются отливающие зеленым стеклянные фасады. В любом случае интересны частичные и спонтанные «мутации стиля» в жилом строительстве, которые порождают всевозможные нео-традиционные, модернистские и пост-модернистские формы.

Хотя государственное строительство жилья прекратилось, городские власти занимаются еще некоторыми экспериментальными проектами, чтобы стимулировать развитие новых форм строительства и жилья. Так был создан пилотный проект с индивидуально оформленными 2–3-х этажными жилыми домами, которые, правда, остались недостроенными, поскольку предприятие-заказчик переживает финансовые трудности. Другой, реализованный, проект призван найти переход от функционального панельного к современному многоквартирному дому, что, кажется, более или менее удалось.

Естественно, эти проекты не могут остановить растущий дефицит жилья. Если раньше существовал длинный список очередников на получение участка или квартиры в жилом блоке, то теперь горожане должны решать свои жилищные проблемы собственными силами. Поскольку нет альтернативы, это часто делается в рамках большой семейной общины, когда делится общий участок или перестраивается и достраивается семейный дом. Увеличивается также количество коммерческих строительных подрядчиков, предлагающих готовые дома и квартиры, которые, однако, недоступны для большинства населения. Похоже, что частный рынок арендного жилья еще мало развит, хотя раньше аренда жилья в жилых блоках

была почти что правилом. Естественно, что это положение также будет заметно меняться, когда возрастет дефицит квартир.

Устаревший советский Генплан 1976 года уже заменен новым документом, причем это, скорее, не обширный план, а некие предложения по будущему развитию города, призванные хотя бы временно заполнить нормативные бреши, образовавшиеся после распада Союза. Основой является демографический прогноз, согласно которому из-за эмиграции и сокращения рождаемости к 2015 году население Бухары составит не 450 тыс. человек (как прогнозировали в советское время), а только 370 тыс. Проблему расселения возрастающего населения город должен решить не столько за счет расширения своей территории, сколько за счет уплотнения, т. е. чрезмерные свободные пространства внутри города должны быть заполнены, старые индустриальные и инфраструктурные площади должны быть использованы заново, а одноэтажные жилые кварталы уплотнены. При этом будет стремление к возведению в среднем 2–3-этажных домов, что, практически, представляет собой некий компромисс между панельными высотками и обычной одноэтажной застройкой.

Спонтанное уплотнение внутригородских жилых кварталов, которое уже сейчас заметно повсюду, будет, таким образом, официально включено в планирование; таким же реалистичным кажется предложение лучше использовать свободные городские площади для улучшения явной диспропорции между чрезмерной инфраструктурой и застройкой. В любом случае, основа из больших городских осей еще на многие годы дает хорошие шансы для внутреннего развития и, несомненно, является, наряду с общественными запасами земли, наибольшим потенциалом, имеющимся в распоряжении планировщиков городов в Узбекистане. Это, однако, предполагает искусное планирование, иначе старый градостроительный порядок может быть потерян до того, как будет создан новый. Неизбежное размывание старых структур кажется, во всяком случае, неминуемым, потому что никто не знает силы, которая будет в следующие годы формировать узбекские города.

Должно также быть найдено соотношение Старого и Нового города, для чего имеются конкретные возможности. Это касается не только тесных родственных отношений (как правило, в больших семьях часть людей живет в старом городе, а другая — в новом), речь идет, скорее, о функциональном переплетении Старого города с Новым. Многие производственные рабочие места исчезли в связи с экономическим обвалом, а туризм является возрастающим по своей важности экономическим фактором, который позволяет городу держаться на поверхности. Многие жители Нового города живут за счет туристической торговли, что также усиливает взаимосвязь между Старым и Новым городом.

Весьма актуален и вопрос о будущем центре, который должен служить связующим звеном между двумя частями города. Большие возможности с этой точки зрения имеет участок между Старым и Новым городом, где сегодня расположены хокимият, отели и другие общественные здания. Здесь еще имеются значительные резервы территории, исключительно хорошо подходящей для постройки современного городского Центра. Естественно, это предполагает также оживление Старого города, которое предусматривало бы не только охрану памятников, но и было бы нацелено на упорядоченную перестройку и модернизацию исторических кварталов.

Независимые стили градостроительства

Архитектура — самое консервативное из искусств, а сфера градостроительства и вовсе нетороплива. К тому же, за «железным занавесом» Советов у Узбекистана отсутствовало главное — собственная инициатива. Независимость 1991 г. предоставила возможность собственных градостроительных решений. И вершина творения — стиль — был осознан не просто суммой, как внушалось прежде, художественных качеств, а объединяющей их особенной, своей манерой самовыражения. В еще кратковременных, но кардинальных переменах есть свои плюсы и минусы. Они нуждаются в осмыслении, и показательны в связях со своими истоками в двух прошедших веках.

Город

Старый местный и новый колониальный города управлялись единой администрацией с 1929 г., а с 1932 г. проложенные в них улицы, вместе с площадями и скверами, жилыми и общественными зданиями, ввели новую жизнь и в старые города, и к 1950-м гг. сложились в систему центров столицы. После землетрясения 1966 г. компактный Ташкент разомкнулся; и магистрали направились на периферию. Новые районы между ними строились по московским стандартам, заимствовавшим западноевропейские. Местным традициям городской жилой среды в них едва ли нашлось место.

Старые города, по определению издателя французского журнала «Современная архитектура» П. Ваго, были «вызывающе забыты» советской властью [1]. Их разрушали неприятие ислама, недостатки государственной координации и финансирования. Генплан Ташкента 1970-х гг. по прокладке туннеля под старым городом правительственное постановление конца 1980-х гг. рекомендовало пересмотреть. Хотя по «Строительным нормам и правилам 1994 г.»

(СНиП) «улицы в исторически ценных зонах городов не подлежат расширению» [2], в 1995 г. через старый город, вместо одной проектировавшейся, проложили три магистрали. Из фрагментов старого города жизнь «вытекла» на прорезавшие его улицы. Вслед за Ташкентом, для транспорта пробили улицу Кулолон в Самарканде, и она отделила махалли вокруг мавзолея Гур-и Амир от основной части города Темура. Такие магистрали разрушают важные для республики и мира объекты истории и туризма. Следует планировать транспорт в обход этих центров национальной культуры. Города разрушает и их перенаселенность. За последние три десятка лет из силуэта Ичан-калы Хивы исчезли – оказались застроенными – знаменитые айваны народных жилищ. Удовлетворяя в таких городах просьбы коренных жителей о непереселении, следует контролировать их общее число.

В раскрытой миру республике ее собственная позиция выживает среди противоречия мнений, лишь тогда, когда находится на верном пути развития. В начале 1990-х гг. реконструкции Гур-и Амира и Биби-ханым вызывали дискуссии. Лондонский журнал «Экономист» вынес в заголовок: «Без бетона, пожалуйста!», и у нас эти памятники назвали «жертвами амбициозной реставрации». «Главное достояние былых эпох – это донесенные до наших дней остатки подлинников, как бы незначительными они ни были» [3]. Такое отношение к памятникам взлелеяно любовью европейцев XVIII–XIX веков к руинам. Но мировое сообщество стало менять взгляды на нормы реставрации. На независимом Востоке возрождение прошлого из руин стало означать и разрыв с колониальным прошлым. Запрещенная к использованию в XX веке, мечеть Биби-ханым возрождена для обращения ко Всевышнему. Ее реконструированные объемы зримо представили вызов Темуридов: «Если сомневаешься в нашем могуществе – взгляни на наши постройки». Неизбежное при среднеазиатской сейсмичности использование бетона должно способствовать восстановлению памятников, не навредив их древним конструкциям. Со стилем такой реставрации в самом конце XX века согласились и те, кто формирует на Западе отношение к Узбекистану: «Каковы

бы ни были мнения об этике и качестве реставрации, эти работы дают путешественнику потрясающий взгляд на теуоровский центр Вселенной» [4].

Востребовались и присущие нам городские пространства. Самая большая в СССР площадь Ташкента произошла от византийско-русской традиции простора, утрированного свободой современного градостроительства. За редкими парадными, площадь под палящим солнцем была безжизненна. Накануне распада СССР индийские дизайнеры фестиваля культуры «Утсав» обособили на площади свое пространство сборно-разборными металлическими башнями. Теперь на этом месте, в амфитеатре среди похожих башен с куполами, в последнюю ночь лета празднуется независимость Республики. День победы 9 мая в войне 1941–45 гг. провозглашен Днем памяти и почестей, а мемориал Неизвестного солдата на площади Мустакиллик — мемориалом Скорбящей матери (1999 г., В. А. Аюпджанян, М. Ш. Мусаев). Над Вечным огнем склонилась Скорбящая мать (скульптор И. Ж. Джаббаров) с полотна художника Р. А. Ахмедова. Стороны 60-метровой аллеи к скульптуре архитекторы намеревались отметить низкими памятными плитами. Вместо них Президент предложил айваны народной архитектуры, содержащие памятные книги с фамилиями узбекских солдат. Айваны возведены под руководством кокандского мастера резьбы по дереву Абдугани Абдуллаева. В центре Ташкента, в сквере, с XIX века бывшим местом скульптурных символов, сменяющих друг друга эпох, пришло время памятника Амиру Темуру (1995 г., И. Джаббаров, Ф. Ашрафи, Б. Усманов). От сквера столичный центр развивается на запад улицами Навои с севера и новым Узбекстанским проспектом с юга. Как гостиница «Чор-су» в завершении улицы Навои, 20-этажный небоскреб Межбанковского центра (2000 г., югославский архитектор Драган Манасевич фирмы «Энергопроект Холдинг АО») завершил перспективу Узбекстанского проспекта. Это здесь, к Наврузу первой весны независимости, разбит Национальный парк имени Алишера Навои (Ф. Ю. Турсунов). На холме над ним — павильон-ротонда с ребристым куполом

Гур-и Амира, скульптурой Навои, и его словами под куполом: «Поймите люди всей земли: вражда плохое дело. Живите в дружбе меж собой – нет лучшего удела». Узбекское сознание отождествляет пространство и сад, и предпочитает второе в виде четырехчленного канона сада «чор-баг». Динамичное развитие республики вскоре трансформировало исторический канон сада: для 11 тысяч участников празднования Навруза-2000, прямоугольные сцена и амфитеатр в центре чор-бага оказались тесными и были перепланированы в более просторные круглые.

Витриной перехода к рыночной экономике стал проспект Амира Темура. На месте комплекса Выставки достижений народного хозяйства республики поднялся Международный торговый-выставочный комплекс из отеля «Интерконтиненталь» (1998 г.), небоскреба Национального банка внешнеэкономической деятельности Узбекистана, международного Бизнес-центра и торгового центра «Ташкент-плаза» (1999 г.), а также Детского парка на 5000 человек в сутки и «Аква-парка» на 2000 человек в сутки (1995 г.). Далее по проспекту, под треногой телевизионной башни высотой 375 м (1984 г., Н. Терзиев-Царуков, Ю. Семашко, В. Русанов), расположился Юнусабадский спортивный комплекс. За его открытыми кортами построен крытый, с впечатляющей пластикой, универсальный корт с трибунами на 3000 зрителей (1997 г., В. Акопджанян). И завершаются новостройки проспекта на берегу канала Бозсу Мемориалом шахидам – жертвам производившихся на этом месте расстрелов сталинского периода (2000 г., А. Турдиев). Концепция мемориала проста и спокойна: бирюзовый ребристый купол на колоннах среди благоустроенных газонов на берегах изгибающейся реки. Под проспектом Амира Темура прошла линия Ташкентского метрополитена – третья, Юнусабадская, длиной 11,2 км и 8 станциями. Значение, придаваемое проспекту Амира Темура, при переходе к рыночной экономике повторяет то значение, которое придавалось застройке привокзального Махрамского проспекта (ныне Мовароуннахр) 70 лет назад при переходе к жизни социалистической. Первоначальный акцент на подобных фрагментах города естественен при еще предстоящей

выработке его цельной градостроительной концепции. А она приходит позже, когда вступает в силу фактор районов города.

Районы

Ключевым для градостроительства является район, ибо из него, как из кирпичиков дом, и строится город. Свои концепции района претворяли в жизнь русские колонисты конца XIX в., революционные урбанисты начала XX в., а в его первой половине строители сталинского города и, наконец, создатели тех районов и микрорайонов середины XX в., в которых мы живем сегодня. Фиксируя жизнь в своих пределах, район воздействует и на функционирование всего города: его транспортной сети, системы общественных центров, озеленения, и пр. От его величины зависит сеть магистралей, определяющая важнейший градостроительный показатель экономичности использования территорий. Несмотря на это, в генеральных планах городов и в практике градостроительства межмагистральные территории жилых районов оставались схематичными, их величина не соотносилась четко с транспортной сетью, радиусами культурно-бытового обслуживания и развитием города. Результат: нечеткость городской транспортной структуры и неравномерный охват городских территорий радиусами обслуживания. Так неэкономично проектировались территории уже на стадии генерального плана.

На рубеже 1980–90-х гг. институты экспериментального проектирования (ТашЗНИИЭП) и истории и теории архитектуры и градостроительства (СредазНИИТАГ) проверили эффективность использования территорий районов. Оказалось, районы не ответили и стали чуждыми нуждам их жителей: заброшены до 25 % придомовых территорий, до 50 % территорий групп жилых домов, и 25 % территорий микрорайонов. Это значит: микроклиматический дискомфорт, неконтролируемость пространств, заброшенность территорий, отчужденность жителей, акты вандализма и преступности. В конце 1980-х гг. в УзНИИП градостроительства обнаружилась чрезвычайная отсталость проектов районов от прогрессивных методов организации территорий. Градостроительные

проекты предстали, таким образом, схематичными: в них не учитывались функциональные потенциалы территорий. Эти исследования рекомендовали укрупнение радиуса обслуживания жилого района с 1000 до 1500 м. И СНиП 1994 г., действительно, рекомендовали такое укрупнение жилого района. СНиП, однако, не взялись за изменение структуры района и иерархии его центров в связи с планировочной структурой города. Не определив планировку укрупненного жилого района, СНиП заколебались и относительно планировочного каркаса города.

Микрорайон и жилой район проявили себя схематичными образованиями, не соответствующими местному образу жизни. СНиП не решили противоречий между двумя триадами: советской «жилая группа – микрорайон – жилой район» и традиционной «махалля – гузар-даха». Предписывается, что «в зависимости от различного этнического состава населения первичные жилые образования могут приобретать форму махалля», – и для ее центра предлагается примитивный перечень видов обслуживания населения. «Махалля – гузары – даха» являются центрами вполне конкретного и этнически преобладающего населения. Чтобы ответить насущным нуждам людей и реализовать правительственные программы по вовлечению махалля в общественный прогресс, нужны полноценные профессиональные решения района. Озеленение районов СНиП рекомендуют в виде скверов, аллей и бульваров, придомового и приквартирного озеленения, а не в виде больших парков. Этим учтён урок середины XX в., когда поняли эффективность в сухом жарком климате небольших садов и парков. Их решение, то есть вопрос рационального использования территорий районов, доверяется, однако, в каждом случае разумению отдельных проектировщиков. Пора осознать ограниченность советского градостроительного мифа об озеленении вдоль каналов и саев, – их немного в городах, поэтому принципы и формы озеленения большинства территорий должны происходить непосредственно из планировочной структуры самого города, его преобладающих ветров, аэрации застройки, и пр. Концепции следует переводить в варианты и нормы озеленения укрупнившегося района и города в целом.

Копирование радиально-кольцевого плана Москвы обнаружило к концу XX в. его недостатки. Центральные перекрестки достигли предела пропускной способности, тогда как уличная сеть между периферийными районами осталась неразвитой. Транспорт заполнил ядро города. При въездах в него Лондон в 2003 г. установил «плату за пробки», меры регулирования транспорта в ядре предпринимает и Москва. В Ташкенте в предстоящие 15–20 лет уровень автомобилизации возрастет в 2–3 раза. В городах республики ведутся работы по повышению эффективности двух конфигураций магистралей. Первая конфигурация – это сложившиеся кольцевые магистрали, обходящие и этим разгружающие центр. Вторая – это прокладываемая прямоугольная сеть магистралей, доказавшая свою эффективность в североамериканских городах. Концепцией развития транспорта Ташкента предусматривается система семи взаимоперпендикулярных магистралей непрерывного движения. Не уплотнение застройки в существующей уличной сети, а оптимальная плотность магистралей нового типа будет вести к эффективно функционирующему городу.

С конца XIX в. по начало XXI в. район как планировочная единица города изменял свою геометрию: с плана в форме половины 12-гранника в колониальном Ташкенте – к прямоугольнику в Ташкенте нынешнем. Причем радиус этих трех планировочных единиц города не изменился – остался тем же: 1500 м. Таким образом, три исторические части наших городов – старые местные, новые колониальные и нынешний укрупненный район – соразмерны и, следовательно, совместимы. Эта универсальная градостроительная сеть должна быть внедрена в консервативную и отсталую систему проектирования для решения транспортных и пешеходных проблем городов и их районов. Это сохранит и наши исторические города в качестве одного из городских районов в новых системах магистралей. В них потребуются подчиненные их планировке вводы-проезды от периметральных магистралей.

Здания

Восточные стили являлись альтернативой стилям европейским еще с колониального времени. Мастерство направляли на компоновку элементов пештака, т. е. портала мечетей и медресе. Считалось, что их «религиозная физиономия сотрется дочиста». Директиве 1930-х гг. «Восток плюс классика» архитекторы ответили художественной интуицией, которую архитектор Б. Н. Засыпкин выразил так: «Я не знаю, но я чувствую» [5]. С приглашением народных мастеров декорировать театр Алишера Навои (1937–48 гг.) архитектора А. В. Щусева, их живой стиль настолько активизировался, что теперь профессиональная архитектура подражает народной в Музее Истории Темуридов и в мемориальных комплексах Аль-Бухари и Аль-Фаргони. Народный стиль получил приоритет в архитектуре независимости и стал воплощаться в дорогих материалах. Ценивший всегда за человечность, он стал обретать черты надменной монументальности. А. В. Щусев, между тем, был за совершенствование архитекторами профессионализма путем расширения их кругозора. Он призывал зодчих Узбекистана обратиться к классике мусульманской архитектуры XIII–XVII вв., ибо только зная собственную классику можно по праву ценить классику европейской культуры. Мастер ассоциировал портал своего театра с триумфальными арками древнего Рима, а капители колонн его фасадов срисовал с колонн михраба бухарской мечети Номозгох. Специалисты разных стран считают здание лучшим в республике, а его стиль классики – одним из лучших в мире. Гостиница «Ташкент» (1958 г., М. С. Булатов, Л. Г. Караш) напротив театра образовала с ним новую вариацию среднеазиатского градостроительного ансамбля «кош» – «сдвоенный».

Современная архитектура отвергла классические традиции градостроительной ансамблевости и предпочла свободу постановки зданий. Во Дворце искусств (1965 г., В. В. Березин, С. М. Сутягин, Д. М. Шуваев, и др.) от ушедшей классики осталась лишь отдаленная ассоциация формы зала с блоком дорической колонны.

Стили черпались уже из технологичного Запада. Здания бразильского архитектора-коммуниста Оскара Нимейера повторены в 20-этажном административном и 7-этажном (ныне Кабинет Министров) корпусах на площади Мустакиллик. Следуя его же стилю, стеклянный объем музея (1970 г., Е. Розанов, В. Шестопапов, Ю. Болдычев, ныне Музей истории Узбекистана) обнесен железобетонной солнцезащитной решеткой, уподобленной узбекским «панджара», но в мраморной облицовке. Бетонно-мраморные панджара плюс сталактиты повисли и на стеклянных фасадах Дворца Дружбы народов (1981 г., Е. Розанов, Ф. Турсунов, А. Адылов и др.). По стилю и постановке на площади здание претендовало стать классикой современной архитектуры, но на деле стало ее грузным упадком. Современный стиль трансформировался после террористического акта 16 февраля 1999 г.: V-образные опоры первого этажа здания Совета министров обстроили стенами красного мрамора; над прежде безличным зданием-параллелепипедом вознеслись герб и флаг республики; ленточное остекление между бирюзовыми полосами стен заменило сплошное сияние золотистых стеклопакетов. Блещающие фасады разделены вертикальными тягами, граненность которых все еще повторяет Дворец дружбы народов. Так в архитектуре трансформировались взгляды, ценности и стили еще совсем недавнего прошлого. Абстрактным формам современной архитектуры предпочли конкретную символику, открытости — закрытость, динамизму — солидность, а сдержанному национальному — богатое интернациональное. Территорию этого здания оградили со стороны перекрестка улиц Ш. Рашидова и Узбекистанской. Со становлением права частной собственности, прежде распахнутые в город пространства при зданиях стали обособляться ограждениями и расчищаться от неуместных строений и зарослей не только при правительственных зданиях, но и жилых домах в микрорайонах. Социалистически общие прежде пространства города превращаются в объект хозяйского расчета, дифференцируются и капитализируются, то есть используются для извлечения дохода.

Во все времена беспроявляема классика, и в неё, отяжелевшую в период заката современной архитектуры, некоторую легкость внесли ставшие доступными при независимости рациональные конструкции стиля пост-модернизм. Здания Хокимията (1997 г., Ф. Турсунов) и Олий Мажлиса (1997 г., В. Акопджанян) обнесены белоснежными колоннами — «визитной карточкой» классики. Фасады облегчены, капители колонн едва имитируют листья. Национальное в здании парламента выражено в деталях: бирюзовый купол увенчан иранского характера фонарем. Композиция здания Олий Мажлиса близка к зданию южнокорейского парламента, а во многих зданиях расхожим стал выступающий из фасада полукруглый выпуклый объем с колоннами, как в заокеанском Белом Доме, — так, теперь после бразильского архитектора-коммуниста, политика влияла на архитектуру. А в здании Хокимията синтезирован новый национальный стиль. В планировке оригинально применена форма восьмигранника. Погогие в интерьерах и вспарушенные снаружи купола (из них отличается купол четвертого этажа со световой галереей барабана) расписаны по образцам Гур-и Амира, Шах-и Зинды, Тилля-Кари и Таш-Хаули. Здание вобрало в себя и характерные черты новых строений Ташкента этого времени: порталы и аркады Биржи, сдвоенные оконца верхнего этажа магазина «Совпласттал», зубчатый парапет Музея истории Темуридов, ребристый купол павильона Навои и Музея истории Темуридов. Так в новостройках столицы вызрела важная для градостроительства стилевая общность.

Раскрытие республики миру и ее экономические связи олицетворил корпоративный стиль. Возводимые международными строительными корпорациями для международных финансовых корпораций новые отели, банки, бизнес- и торговые центры распространили интернационализированный стиль крупного капитала. На службе капитализма оказались принципы и эстетика революционного авангарда начала XX века: железобетонные и металлические каркасы, крупные глухие объемы, агрессивные цвета, их контраст с белоснежными бетонными и темными

стеклянными объемами и пр. Лаконичные метрические и ритмические ряды стиля восхищают разнообразием. Вестибюли отелей «Ташкент-Шератон» и «Интерконтиненталь» покрыты остекленной скатной фермой. Восточный стиль в них продолжает традиции зданий рубежа XIX–XX вв. Двухэтажный торговый центр «Ташкент-плаза», в соответствии с типологическим смыслом этого английского слова, связывает два городских пространства: площадь на улице Амира Темура с аллей в выставочном комплексе. В международном центре название «плаза» уместно, но не следует забывать, что мы и сами богаты такими важными для города зданиями, — они у нас издревле называются «тим». Крытые куполами торговые улицы тима Аллакулихана в Хиве связывают людный перекресток в крепости Ичан-кала с бурлящим за ее воротами базаром. Приемы корпоративного стиля тиражируются: трижды западающее вниз остекление небоскреба «NBU» перешло на фасады Олий Мажлис. Не выражение конструкции, а ее стеклянная «кожа» становится приоритетом. Ее ради с башни Вычислительного центра Академии наук на углу улиц А. Навои и Ш. Рашидова в Ташкенте были сброшены навесные бетонные панели, чтобы 16-этажный металлический каркас «обернуть» стеклом. Выразить в этом стиле собственную культуру остается, как и в начале века, задачей каждого государства. Корпоративная архитектура может урбанизировать центры наших городов, подняв их ввысь и насытив их новыми функциями и смыслом.

Независимость республики стянула с архитектуры тяжелую бетонную шелуху строительной отсталости советской провинции. Нация стала быстро создавать самую разнообразную архитектуру, базирующуюся на новом социальном заказе, обновленных возможностях строительства и духовно новых идеалах независимости. Столица переходит от прежних «радиусов доступности» схематичных и замкнутых советских районов к свободно развивающимся «полосам доступности» вдоль новых скоростных магистралей. Транспортный каркас столицы, обеспечивая скорейшее время передвижений, становится частью сети,

выводящей столицу и республику в страны региона и мира. Важно видеть сквозь века образцы, величины и ритмы этого непрерывающегося градостроительного процесса, чтобы управлять им успешно.

Примечания:

1. Бухара: прошлое и будущее. – Архитектура и строительство Узбекистана, 1990, 10, стр. 12.
2. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. – Государственный комитет Республики Узбекистан по архитектуре и строительству, Ташкент, 1994. С. 41.
3. Пугаченкова Г. А. Архитектурные руины: реставрация или консервация. // Строительство и архитектура Узбекистана, 1995, 1-2, стр. 37-39.
4. MacLeod C., Mayhew B. Uzbekistan: The Golden Road to Samarkand. Hong-Kong: Odissey, 1999, p. 40.
5. Засыпкин Б. Н. Национальный стиль в архитектуре Узбекистана. 1946. ЦГА РУз, ф. Р-2406, оп. 1, ед. хр. 256, стр. 9-12.

Кушанский город Бактрии-Тохаристана: генезис, развитие, структура

Ввиду почти полного отсутствия письменных источников огромное значение для выяснения многих вопросов, связанных с историей городов Бактрии-Тохаристана кушанского времени, имеют археологические данные. Стационарные многолетние исследования, проведенные на ряде городищ Бактрии-Тохаристана: Айртам, Дальверзинтепа, Дильберджин, Старый Термез, Кей-Кобад-шах, Халчаян, Шахтапа, а также результаты, полученные благодаря стратиграфическим шурфам на других городищах и поселениях; почти повсеместная съемка их планов позволяет ныне рассмотреть историю кушанских городов и поселений во многих историко-культурных аспектах. Особо весомое значение имеют раскопки Тохаристанской археологической экспедиции на городище Кампыртепа, где впервые осуществлено полное вскрытие основной части городища и цитадели, а в пригородной части осуществлены исследования всех объектов. Вкупе все эти полученные данные дают огромный материал по истории кушанского времени, который, однако, до сих пор, к сожалению, не обобщен. Не имея возможности в небольшом докладе изложить все свои суждения о кушанском урбанизме в Бактрии-Тохаристане, остановимся на некоторых аспектах, в частности, на генезисе и структуре городов этой историко-культурной области.

Образование городов Бактрии-Тохаристана — результат сложнейших исторических процессов и влияние разнообразных факторов социально-экономического, политического, естест-

венно-географического, культурного характера, происходивших во взаимодействии и сложнейшем переплетении культурных традиций: автохтонной бактрийской и мигрирующей в эту область эллинистической и индийской культур, дополненных кочевническим компонентом (сакским в меньшей и юечжийско-тохарским — в большей степени). В предкушанское время заметное влияние в сложении культуры города в западной части Бактрии-Тохаристана оказал парфянский компонент.

Генезис.

В происхождении кушанских городов и поселений в настоящее время выявлены три генотипа.

1. Многослойные городища, в своей основе восходящие к ахеменидскому и предахеменидскому времени и, возможно, унаследовавшие черты этого времени (Бактры — Балх, Дильберджин, Джандавлятепа, Калаи-Заль, Хайтабадтепа, Халчаян).

2. Многослойные городища, основанные в эллинистический период (III—II вв. до н. э.) и даже в постахеменидское время (конец IV в. до н. э.) — Дальверзинтепа, Старый Термез, Кампыртепа. Вероятно, именно такие города имеются в южной части Бактрии, однако многие из городищ не изучены стратиграфически. Мы не включили в этот список Ай-Ханум, поскольку этот чисто эллинистический город не обжился в кушанское время.

3. Города и поселения, возникшие в юечжийский и кушанский периоды. В основном это небольшие городки и сельские поселения, что же касается больших городов, то все они относятся по своему происхождению к первым двум генотипам, тогда как в кушанский период происходит их преобразование и изменение структуры.

Структура и планировка.

Кушанские города во многом унаследовали структуру и планировку древних урбанистических поселений, в частности, трехчастное деление (цитадель — собственно город — округа),

которое утверждается уже в ахеменидское время (Кызылтепа). По-видимому, в значительной мере на сложение их структуры повлияли города и поселения эллинистического времени. Как видно на примере Ай-Ханум и Кампыртепа, они состояли из сильно укрепленного верхнего и расположенного у его подножия нижнего города, а также предместья, где расположились гончарные мастерские (Кампыртепа). В кушанское же время преимущественное распространение получают города и городки четкого прямоугольного плана, трехчастной для небольших городов (цитадель, укрепленная стенами жилая часть и небольшой «пригород») и четырехчастной структуры (цитадель-мализо, собственно город шайростано, по-бактрийски «пригород», «округ»).

Реже встречаются города с неправильной внешней конфигурацией. В основу первых были положены определенные градостроительные принципы, основанные на бактрийско-эллинистических традициях – фортификационные и градостроительные традиции. Вторые – формировались стихийно, рядом с цитаделью и в последующем строители приспособляли к уже существующим границам поселений.

Внутренняя планировка бактрийских городов кушанского времени изучена слабо в виду недостаточно объемных раскопок внутри ограждающих их стен.

Вместе с тем исследования, хотя и далеко не полные, таких городов как Дальверзинтепа, Дильберджин и, в особенности, Кампыртепа позволяют уже в определенной мере проанализировать их специфику и характер внутренней застройки. Заметим, что внутренняя планировка отдельных частей города была, по-видимому, различной в зависимости от его размеров и административной значимости.

Цитадель

О планировке цитаделей кушанских городов возможно судить только по полностью вскрытой цитадели Кампыртепа. Для нее

характерны компактность и регулярность планировки, полное использование всей площади. Центральная «улица», шириной 1,8 м делит цитадель на две части: северную и южную. От нее в разных направлениях отходят прямые и Г-образные «тупики», разделяющие эти части на ряд жилых блоков. Так, в северной части имеются пять блоков. Наиболее крупный из них – Центральный – включает около тридцати помещений. Каждый блок состоит из ряда изолированных ячеек. Как правило, в них имеется святилище, жилые, хозяйственные и подсобные помещения, а также складские помещения, в том числе хумхана. Всего в сохранившейся части цитадели вскрыто более 110 помещений, из них более двадцати – хумхана, в каждом из блоков по четыре – пять. В некоторых из них размещались от пятнадцати до двадцати хумов большой емкости.

Такое большое количество хумхана свидетельствует о том, что они предназначались не только для обслуживания населения данного города, а, вероятнее всего, для снабжения продовольствием проходивших здесь караванов.

Таким образом, цитадель Кампыртепа в период правления Канишки теряет свои былые военно-оборонительные функции, превратившись в массив жилого и складского назначения. Следовательно, планировка и социально-административный статус цитаделей был различным – в одних из них, вероятно, в наиболее значимых городах, могли находиться дворец и другие престижные здания, в других – цитадели, выполняющие различные функции.

Собственно город

Как правило, он прямоугольного или квадратного очертания, обнесен крепостными стенами и рвом. Располагался к югу или к северу от цитадели, отделяясь от нее рвом. Рассмотрим планировку кушанского города, выбрав в качестве примера города различного типа: столицу античного Чаганиана – Дальверзинтепа и город у переправы Кампыртепа.

Так, для внутренней планировки Дальверзинтепа характерно достаточно четкое членение центральной улицей на две части — северную и южную, в которых выделяются четыре сектора, в свою очередь, по-видимому, состоявших из отдельных блоков-кварталов; наличие в каждом секторе небольших площадей или хаузов, внутри которых группируется жилая застройка. Причем внутренняя застройка осуществлялась, по-видимому, по социальному принципу. Так, в центральной части Дальверзинтепа находились монументальные здания, возможно, дворцы, группирующиеся вокруг площади с подходящей к ней широкой улицей, а к северу от нее располагался крупный буддийский храм.

Отдельный сектор составлял находящийся в нижней части комплекс, отделенный от других секторов улицей и включающий в себя жилые помещения, святилище, хауз, обширный двор и гончарные мастерские. От других частей города был обособлен и храм, посвященный богине Нане, находившийся в северной части города, с двух сторон которого располагался, вероятно, большой двор. Свидетельством продуманного плана внутренней застройки является и наличие так называемой «военной» улицы вдоль почти всего северо-западного фасада города.

Иной была организация внутреннего пространства основной части Кампыртепа. Для нее характерна тесная застройка жилыми кварталами-блоками (всего выявлено 9 блоков), разделенными между собой узкими, более одного метра улицами или крытыми галереями. Одной стороной эти кварталы-блоки примыкают к стрелковой галерее и оборонительной стене города, другой — выходили ко рву цитадели. Массив застройки группируется с трех сторон от цитадели в виде амфитеатра, в котором помещения одного и того же здания спускаются ко рву ступенчатыми террасами, вырубленными в материковом лессе, причем перепад высот между верхними и нижними помещениями в одном блоке-квартале (блок-1) составляет более 3-х м. По площади блоки-кварталы несколько различаются между собой — 30-40 x 20-25 м.

Здания были двухэтажными, о чем свидетельствует наличие в некоторых из помещений лестниц, которые, однако, могли выходить на крышу зданий.

Пригородная часть

Как показали исследования кушанских городов, пригородная часть занимала в них обширную территорию. Обычно в ней располагались культовые сооружения, погребальные комплексы (Дальверзинтепа, Ялангуштепа, Шахтапа), но, также как в Дильберджине, в пригородной зоне размещались, помимо культовых построек, обширные участки, занятые жилыми домами, в том числе усадьбой богатого ремесленника. Характерно обособление в пригородной части строений различного назначения. Так, на Дальверзинтепа погребальный наус и буддийский храм находились за северо-западной, а загородные усадьбы, керамические печи — за юго-восточной стеной города. В Кампыртепа возвышенная пригородная часть была занята погребальными постройками, а пониженная — в пойме Амударьи, условно названная нами «пристань» — ремесленными мастерскими и портовыми сооружениями.

Таким образом, кушанский город являлся весьма сложным организмом с развитой градостроительной структурой. Города кушанского времени являются, по существу, завершающим звеном в эволюции античного города. В III—IV в. н. э. они приходят в упадок, и дальнейшее развитие городов происходит в иных социальных, политических и экономических условиях. Наступает эпоха средневековья и средневековых городов, которые, как сейчас очевидно, унаследовали от предшествующего времени ряд важных составляющих элементов, в частности — трехчастность (цитадель, собственно город, пригород), организацию внутреннего пространства — членение его на кварталы, обособление культовых и погребальных сооружений, что является свидетельством генетической преемственности древнего и средневекового города Средней Азии.

Раздел 2

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

- Некоторые новые данные к проблеме ранней урбанизации на территории Самаркандского Согда
- Ранний урбанизм в зоне контактов древних земледельцев и скотоводов на примере сырдарьинских регионов
- Ўзбекистон меъмори ва шаҳарсозлиги айвон ўрни
- Ювелирное искусство городов и историко-культурных областей античного Узбекистана
 - Процессы урбанизации и развитие коропластики в период античности и раннего средневековья на территории Узбекистана
 - О столичных городах Чаганиана
 - Суғд колониал ҳаракати. Ипак йўли бўйлаб суғд манзилгоҳлари ва шаҳарлари
 - Илк ўрта асрларда Чоч воҳасида туркий топонимлар
- Городская цивилизация и кочевая степь: еще раз о характере взаимодействий
 - К вопросу о локализации некоторых кварталов средневекового Самарканда
- Семантика архитектуры Темуридского Самарканда
 - Ўрта Осиё хонликларида янги шаҳарларнинг шаклланиш жараёнига доир айрим маълумотлар
 - Шарқ бозорларининг ўзига хос хусусиятлари ҳақида баъзи мулоҳазалар

Некоторые новые данные к проблеме ранней урбанизации на территории Самаркандского Согда

До недавнего времени проблема изучения ранней урбанизации на территории Самаркандского Согда считалась недостаточно разработанной, что было связано с отсутствием поселений и городищ со слоями эпохи культуры лепной расписной керамики. Этот пробел в изучении ранней урбанизации в центральных регионах Среднеазиатского Междуречья значительно восполнен в связи с обнаружением городища Коктепа [4; 5, с. 3].

Проводя археологические работы на городище Коктепа, Узбекско-Французская экспедиция сделала несколько крупных открытий, связанных с вопросами возникновения земледельческой культуры, и особенно поэтапного сложения и распространения культуры лепной расписной керамики.

Раскопки 2002 года, заложенные в северной части «культового комплекса» Коктепа, значительно изменили наши представления о начальных этапах развития монументальной архитектуры. На раскопе И. Д. Иваницкого в слоях эпохи культуры лепной расписной керамики было выявлено не менее 5-ти помещений, поднятых из пахсы. Судя по вскрытой части, они состояли из коридорообразного помещения, из которого три прохода вели в отдельные помещения [6, с. 68-78]. На полу этих помещений была собрана лепная расписная керамика, имелись также отдельные фрагменты станковой керамики, мелкие бронзовые предметы. Весь этот комплекс датируется IX–VIII вв. до н. э. Однако, мы пока не знаем точно, входили ли вышеотмеченные сооружения из пахсы в состав культового комплекса, поскольку они были расположены стратиграфически ниже, чем обводная стена «культового комплекса» из плоско-выпуклых кирпичей.

Мы полагаем, что проблема раннего города для центральных регионов Среднеазиатского Междуречья теоретически разработана еще в недостаточной мере. В отношении южных регионов этот вопрос исследован лучше; так доказано наличие раннего города на территории Шерабадского района Сурхандарьинской области [2; 7; 8; 9]. В частности, А. А. Аскарлов и Т. Ш. Ширинов отметили, что «долгое время началом урбанизации среднеазиатского общества считалась античность, не учитывая при этом более ранних памятников. Между тем городская культура Средней Азии не является кратковременным историческим актом и не привнесена извне; она — продукт длительного развития урбанизационных процессов, начавшихся в южных регионах еще с эпохи бронзы» [2, с. 11].

На территории Согда слои, синхронные сапаллинской культуре, были встречены на трех памятниках. А. С. Сагдуллаев в слоях поселения Даратепа, расположенного в верхней части долины Кашкадарьи, обнаружил два редких для этих мест сосуда: вазу и курительницу сапаллинской культуры [10, с. 50-51]. В 1 км к западу от Пенджикента С. Бобомуллаев обнаружил погребение Зардча Халифа с материалами сапаллинской культуры типа Джаркутана и Дашлы [3]. Синхронные материалы были получены и из могильника Джамского оазиса, расположенного в западной части Самаркандского оазиса.

Одновременные находки следов сапаллинской культуры в двух оазисах древнего Согда — явление не случайное, ибо контакты между древними земледельческими оазисами южных и центральных районов Средней Азии были постоянными. Это свидетельствует о единстве путей развития оседлоземледельческого населения основных оазисов Средней Азии.

Однако стратиграфия Джаркутана показывает, что сапаллинская культура прерывается на моллалинском этапе развития культуры лепной расписной керамики эпохи раннежелезного века, которая охватывала не только Бактрийский регион, но и крупные оазисы всей Средней Азии [1, табл. LXVIII; 11, рис. 18-21].

Как показывают материалы Коктепа, в нижних слоях, где хорошо представлена эпоха культуры лепной расписной керамики, первоначально отсутствовали находки остатков монументального строительства. Но, по мере расширения раскопочных работ в нижних слоях Коктепа, начали выявляться остатки монументальной архитектуры [6, с. 68-77].

Раскопками этого года с уровня первого пола «культового комплекса», расположенного в центральной части городища Коктепа был выявлен комплекс керамики эпохи культуры лепной расписной керамики. Эти находки гончарных изделий являются большим открытием, существенно меняющим наше представление о начальных этапах урбанизации на территории центральных регионов Среднеазиатского Междуречья. Дело в том, что в рельефе внутреннего городища Коктепа, были прослежены два крупных здания — «резиденция правителя» и «культовый комплекс».

В свое время из-за отсутствия достаточных материалов, сооружение «дворцового комплекса» и «культового комплекса» мы относили к началу VII в. до н. э [4, с. 196-212]. В связи с новыми находками на раскопе «культового комплекса» городища Коктепа наши представления о начальном этапе урбанизационного процесса претерпели изменения и могут быть сформулированы следующим образом:

1. В центральных регионах Средней Азии процессы урбанизации начались в эпоху культуры лепной расписной керамики.

2. В процессе урбанизации важную роль играли племена, которые занимались орошаемым земледелием, домашним скотоводством, изготавливали лепную расписную керамику, наряду с легкими каркасными домами с землянками и полуземлянками строили монументальные дома из плоско-выпуклых кирпичей. Как показывают раскопки Коктепа, плоско-выпуклые кирпичи были традиционными для этих мест и уходили корнями в эпоху поздней бронзы.

3. На территории Согда в период Яз-II, Кучук II—III была широко распространена еще местная, старая традиция изготовления лепной керамики (видимо, уже без росписи), из-за чего «типичных крючковидных венчиков типа Яз-II» не следует ожидать. В этих регионах в большей степени ощущается влияние бургулюкской культуры Чачского оазиса.

Примечания:

1. Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977
2. Аскарлов А. А., Ширинов Т. Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
3. Бобомуллов С. Г. Земледельческо-скотоводческая культура верховья Зарафшана во II тысячелетии до н. э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Душанбе, 1996.
4. Исамиддинов М. Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент, 2002.
5. Исамиддинов М. Х., Иваницкий И. Д., Иневаткина О. Н. Об обнаружении нового древнесогдийского городища // Тезисы конференции посвященной 60-летию Ю. Ф. Бурякова. Самарканд, 1994; с. 3.
6. Исамиддинов М. Х., Иваницкий И. Д., Хасанов М. Х. Раскопки в северной части «культового комплекса» и в резиденции правителя» городища Коктепа // Археологические исследования в Узбекистане 2002 год. Ташкент, 2002.
7. Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город (Местные традиции и иноземные модели) // Древний Восток. Города и Торговля (III—I тысячелетия до н. э.) Ереван, 1973.
8. Массон В. М. Алтын-Депе. Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. Л., 1964.
9. Ртвеладзе Э. В. Формирование городов Бактрии-Тохаристана // Тезисы докладов международного коллоквиума «Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н. э. VIII в. н. э.». Ташкент, 1986.
10. Сагдуллоев А. С. Два редких сосуда из Даратепа // ОНУ, 1986, № 3.
11. Шайдуллоев Ш. Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000.

Ранний урбанизм в зоне контактов древних земледельцев и скотоводов на примере сырдарьинских регионов

Северные окраинные регионы среднеазиатской земледельческой ойкумены, связанные с одной из главных рек Сырдарьей — Яксартом, можно выделить в отдельную зону. Здесь процессы культурогенеза с древности протекали в таких природно-экологических условиях, которые определили основную направленность хозяйства — скотоводство, не отличавшееся повышенной мобильностью. Гидрографическая ситуация приречных земель прежде всего определялась состоянием дельты Сырдарьи и ее взаимосвязи с Аралом [1]. В то время, как в южных и центральных оазисах Средней Азии (Маргиана, Бактрия, Согдиана), а затем в Хорезме, с начала раннежелезного века на базе искусственного орошения и земледельческого хозяйства складываются первые древние города, в этой северной зоне обитало население, создавшее полуоседлый земледельческо-скотоводческий хозяйственный комплекс. Зона обитания этих племен, которых в письменных источниках, часто объединяют под общим названием саков, стала промежуточной буферной территорией между южными земледельческими оазисами раннегородской культуры и бескрайним миром подвижных кочевых скотоводов Евразии. Заселявшие её племена были знакомы со строительной техникой (мавзолеи Северного Тагискена). Это, однако, не является признаком сложения городской культуры. С сырдарьинскими регионами принято соотносить расселение саков, «которые за Согдом», или заяксартских саков. В восточной оконечности нашей зоны помещают саков тиграхауда или хаумаварга [2]. В культуре Тагискена отмечено ярко выраженное влияние южных центров развитых цивилизаций — древней

Маргианы, Бактрии, как в области сырцового строительства, так и в некоторых формах керамики [3]. Сырдарьинская зона контактов (авестийская «Страна туров», Туран «Шахнаме»), однако, населена не только скотоводами, в ней упомянуты города. С какого времени, и при каких базовых условиях могла возникнуть здесь древняя урбанизация?

Считаем возможным выделить три этапа сложения раннего урбанизма в сырдарьинских регионах:

- 1) доурбанистический: X – начало IV вв. до н. э. (изучен в основном по погребальным памятникам и, частично, поселениям);
- 2) начальной урбанизации: IV–I вв. до н. э., когда появляются первые поселения городского типа;
- 3) развитой урбанизации: I–III вв. н. э. – становление городской культуры и городов.

На первом этапе в присырдарьинской зоне появились группы населения, прочно осевшие на землю, для которых земледелие, основанное на примитивной ирригации, стало приоритетным занятием, сочетавшимся с придомным скотоводством (Джетыясарская культура в Приаралье; Бургулюкская культура на Средней Сырдарье в Ташкентском оазисе).

Ареал Джетыясарской культуры, сложившейся с начала железного века, демонстрирует дальнейшее развитие сырцовой строительной техники. Здесь появляются первые стационарные поселенческие структуры в форме отдельных сильно укрепленных многоярусных жилых крепостей округлого очертания. Они располагались группами, приуроченными к водным протокам [4]. Исследователь Джетыясар Л. М. Левина отмечает удивительно архаичный облик культуры и строительства, неизменный в течение всего двухтысячелетнего периода жизни в Джетыясарском урочище. Фортификационные сооружения с башнями из пахсы и сырцового кирпича прямоугольного стандарта, стрелковые сводчатые галереи с прямоугольными примитивными бойницами типичны для этой культуры. Каждое джетыясарское городище сопровождалось могильником с подкурганскими грунтовыми захоронениями или

кирпичными склепами. Предполагается преемственность в сложении как строительной техники, так и материальной культуры с Северным Тагискеном, хотя в строительстве налицо ряд параллелей с архаическим Хорезмом (Кюзелигыр) и другой культурой дельты — Чирикрабатской. Этот вывод Л. М. Левиной уже подвергнут сомнению [5], и справедливо указывается на более тесные параллели материального комплекса с Дандыбаево-бегазинской и Тасмолинской культурами Центрального Казахстана. На наш взгляд, большего доверия заслуживает определение основных связей культуры с Западной Сибирью и Центральным Казахстаном, высказанное Б. И. Вайнберг [6]. Возможно, что в планировке округлых поселений крепостей Джетыасаров можно найти и отзвук традиций так называемой зауральской «Страны городов» Аркаима.

Несмотря на мощную фортификацию и сырцовое строительство внутри городищ, джетыасарский ареал, по всей видимости, остался вне рамок процесса урбанизации в Сырдарьинском регионе. За весь долгий период существования культуры здесь не отмечено ни одного образования, которое могло бы претендовать на статус города, хотя гидрография оставалась все это время стабильной, и к тому же северная ветвь международного торгового пути вдоль Сырдарьи пересекала урочище Джетыасаров.

Ещё один очаг прочной оседлости с земледельческо-скотоводческим хозяйством сложился в позднебронзовом веке в Ташкентском оазисе. Это — Бургулюкская культура. В долине Ахангарана изучены вдоль саев цепочки поселений бургулюкцев [7]. Отмечено проникновение их и в долину Чирчика. Северный предел ареала культуры фиксируется на территории современного города Ташкента, где на протоке Джун, в нижнем горизонте городища Шаштепа, изучено бургулюкское поселение, существовавшее с VI в. до н. э. или несколько раньше. По стратиграфии этого городища впервые достаточно точно определена верхняя граница бытования этой культуры — IV в. до н. э. [8]. Уже в III в. до н. э. поселки бургулюкцев стояли в руинах, что стало результатом опустошения Чачского оазиса

первыми волнами кочевых племен, нахлынувших из степей Евразии. Жители бургулюкских поселков имели слабое представление о фортификации и не обладали опытом монументального строительства. Разгром этих поселений инокультурными пришельцами, и запустение, читаемое по стратиграфии Шаштепа, прервали возможное развитие этой в общем примитивной общности по пути урбанизации.

Этот процесс получил дальнейшее развитие в Приарале — в зоне западных дельтовых русел Сырдарьи. Здесь с конца V—IV вв. до н. э. сложилась Чирикратская культура на базе культуры ранних саков и сильного влияния земледельческих оазисов юга Средней Азии [9]. Я считаю, что начало урбанизма в сырдарьинском регионе восходит к этой культуре, и роль ретранслятора южных черт выполняла цивилизация древнего Хорезма, возникшая на грани VII—VI вв. до н. э. Для наиболее развитой части чирикратского ареала характерна оазисная концентрация поселений, часть которых — укрепленного типа. Выделяются два раннегородских центра Чирик-рабат и Бабиш-мулла. Первый считается убежищем и резиденцией вождей. Внешняя оборонительная стена с башнями и бойницами не только вмещала жилые постройки, но давала защиту мавзолеям и погребальным курганам племенной элиты.

Своеобразным обликом отличается другой памятник — Бабиш-мулла, урбанистические черты которого выражены как в правильной квадратной планировке очерченного оборонительной стеной городища с мощным привратным донжоном, так и во внутренней сложной застройке (так называемом Большом доме), в которой видят резиденцию ахеменидского сатрапа IV в. до н. э. Связь культуры с сакской основой прослеживается в унаследованном от эпохи бронзы принципе возведения погребальных мавзолеев типа крестовин, где кремация уже сменяется труположением. Основные градостроительные приемы, как и фортификация и элементы материальной культуры, связывают её с югом (Парфией и Согдом) и древним Хорезмом.

Как показывают результаты исследования, чирикратская культура оказала основное влияние на дальнейшее развитие урбанизации в сырдарьинском регионе. В частности, можно говорить о распространении ее основных элементов в средне-сырдарьинском оазисе. Материалы Шаштепа и Канки [10] позволяют говорить о том, что первоначальный импульс урбанизованная культура в Чаче получила из Восточного Приаралья.

С III по I вв. до н. э. во всей сырдарьинской зоне наступает так называемый «темный» период, заполненный мощными вторжениями одной за другой волн пришлых кочевых племен из степей Евразии.

Суть урбанистического феномена в присырдарьинской контактной зоне в этот период заключалась в том, что рождение городов шло в обстановке постоянных этнических передвижений и вторжения новых кочевых племен. Только письменные источники называют как главных участников этих движений раньше всего дахов, затем асиев, асианов, тохаров, сакарауков, «пришедших из-за Яксарта», затем саков и юечжей. Эта ситуация улавливается и археологией в многообразии облика оставленных ими погребальных памятников.

В этой зоне роль миграций и привнесенных инноваций была велика как нигде, и урбанизационная струя, также привнесенная, распространяется как бы во след прошедших кочевников.

Во всяком случае, именно привнесением навыков градостроительства на Средний Яксарт, где до этого не было почвы для развития городов, можно объяснить начало здесь урбанизма. Конкретно это связано с привнесением элементов чирикратской культуры. Крестообразное здание, окруженное кольцом стен со сводчатым коридором, раскопанное на месте кочевнического могильника на Шаштепа, демонстрирует все основные градостроительные навыки чирикратцев [11]. Эта преемственность выражается как в приемах строительства (от размеров

квадратного сырцового кирпича и форм арок, деревянного каркаса стен) и фортификации (бойницах, выступающих башнях), в планировке городищ (вписанные друг в друга прямоугольные формы или крестовины в кольце стен), так и в элементах керамического комплекса.

Учитывая непрерывные экологические изменения в зоне высыхающих южных дельтовых русел Яксарта, что постепенно, но неуклонно сокращало базовую основу чирикратцев на их прародине, миграция их в поисках новых мест была неизбежна. Исследователи культуры отождествляют ее носителей с парнами письменных источников, и видят южный путь их миграции на территорию Парфии. Со всей очевидностью, какая-то другая часть дахского союза мигрировала вверх по Яксарту, основывая по его течению свои колонии-поселения. Часть мигрантов обосновывалась на средней Сырдарье. Не исключено, что именно ими был принесен с прародины и топоним из «некогда озерной болотной зоны» Приаралья (от бывшего озера Чаечаста), т. е. название «Чач».

Обретя мощную (что типично для зон контактов) фортификацию, хотя и несколько примитивную в деталях, характерную для Приаралья, укрепленные пункты раннего Чача унаследовали и функцию убежища. Окруженная стенами территория вмещала довольно примитивные полуземляночные жилища и погребально-культовые сооружения.

Возникнув в начале «темного» периода этнических перемещений, когда основное направление движения было с севера или северо-запада на юг из степей, занятых носителями сарматоидных культур, ранние урбанизированные центры Чача вряд ли могли испытывать влияние с юга, например из Самаркандского Согда. Прежде всего, потому, что в III в. до н. э., как установлено, изучением памятников в долине Зарафшана, в частности Коктепа и Афрасиаба, прежняя эллинистическая культура ранних городов региона была подавлена волнами кочевников из-за Яксарта [12].

Ранние урбанистические центры по Яксарту переживают этап подъема со II в. до н. э., когда насыщенная программа градостроительства отмечается и в Согде. К этому времени Канка и, видимо, ряд других пунктов Чача демонстрируют начало взлета урбанизма, который впоследствии сыскал Чачу славу «страны тысячи городов».

Примечания:

1. Андрианов Б. В., Итина М. А., Кесь А. С. Земли древнего орошения юго-восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения. // СЭ. 1974. № 5. С. 53, 54.
2. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Под ред М. Г. Мошковой. М., 1992; См. также историографию вопроса о расселении саков: Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
3. Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Позднебронзовый век нижней Сырдарьи. М., 2001. С. 108.
4. Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996. С. 9 и сл.
5. Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Позднебронзовый век нижней Сырдарьи. М., 2001. С. 113.
6. Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. М., 1999. С. 190-193.
7. Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
8. Филянович М. И. Ташкент: становление и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С. 42, 164 и сл.
9. Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикратская культура. М., 1988.
10. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 104-105.
11. Филянович М. И., Богомолов Г. И., Баратова Л. С. Раскопки на городище Шаштепа в Ташкенте. // Археологические исследования в Узбекистане. 2001 год. Ташкент, 2002. С. 159-164.
12. Rapin Cl. La tombe d'une princesse nomade a Koktepe pris de Samarkand / / Completes renclus de l'Academie desinscriptions of Belles lettres. Sciences de l'annee 2001. Paris, 2001. P 75.

Ўзбекистон меъморчилигида ва шаҳарсозлигида айвон ўрни

Айвон Марказий Осиё меъморчилигида иморат тарҳи ва тарзида асрлар давомида зарурий элемент бўлиб келган. Айвоннинг юзага келишига Марказий Осиё иқлим шароитининг таъсири катта бўлган, албатта. Бу ерда ёз жуда иссиқ, қиш эса совуқ келади. Айвон қишда хонанинг жуда совуқ бўлишидан, ёзда эса жуда иссиқ бўлишидан сақлаган. Шунинг учун Марказий Осиё меъморчилигида хонани ҳовли иқлим шароити билан яқинлигини сақлаш ва ҳовлининг ранг-баранг манзараси билан композиция жиҳатидан боғланишига алоҳида эътибор берилган. Мазкур тадбирларни амалга оширишда айвон қўл келган. Айвон хона билан ташқи муҳитни боғловчи қисм вазифасини ўтаган. Унинг ҳовлига қаратилган очиқ томони манзарали хонага олиб кираётгандек ёки аксинча, хонани манзарага олиб чиқаётгандек туюлади.

Айвон баҳор, ёз, куз фаслларида хонадоннинг асосий дам олиш жойи ҳисобланган. Хонадоннинг аъзолари кўп вақтини шу жойда ўтказишади. Унинг деворларига, шифтларига ишланган ранг-баранг, нафис нақшлар ҳам табиат манзараси билан ҳамоҳанг. Шунинг учун ҳам киши ўзини табиат кўйнида ўтиргандек сезади.

Ўзбекистон худудида айвон антик даврда ҳам қўлланганлигидан Сурхандарё воҳасида Холчаён саройи тарҳи гувоҳлик беради. Сарой айвони уч томонидан зал ва хоналар билан ўралган тарҳга эга. Мазкур обида тарҳида айвон барча хоналар учун бир хил хизмат қилувчи ва композиция жиҳатидан уларни бир марказга йиғувчи элемент сифатида гавдаланади.

Самарқанд шаҳрининг Афросиёб саройида эса айвон ўз устунлари билан обиданинг ўрта қисмига пештоқ сифатида қўшилган. Мазкур иккала обидада ҳам айвон иморатнинг тантанаворлигини орттирган ҳамда обида билан қадимий шаҳар турар уйлари мажмуасини композиция жиҳатидан боғланишини таъминлаган.

Илк ўрта асрга оид деворий суратларда иморат иккинчи қаватида балконга монанд кичкина айвончалар тасвирланган. Анников губерниясидан топилган VI–VII асрларга оид мис идишда Марказий Осиё меъморчилигига хос обида тасвири ишланган. Унинг юқори қисмининг икки томонида девор сатҳидан қисман бўртиб чиққан айвончалар-балкончалар ишланган. Панжикент деворий суратларда ҳам балкончалар тасвирланган. Балкончаларни XV–XVI асрларда ишланган миниатюра тасвирларида ҳам кўрамыз.

Айвон диний ва ижтимоий обидаларда ҳам қадимдан қўлланилган. Айрим обидаларнинг ўзи бутунлайича чуқур айвон тузилишида қурилган. Бунга IX–XI асрларга оид Термиздаги Чор-Стун ва Бухородаги Моҳ масжидлари мисол бўла олади. Чор-Стун икки томони очиқ қолдирилган. Шундай композицияни Термиздаги XI–XII асрларга оид шаҳардан ташқаридаги шоҳлар саройида кўрамыз. Галерея турдаги торроқ айвон – йўлак XI асрда қурилган. Доя-хотин карвон саройида қўлланилган. XIV–XV асрларда қурилган салобатли Жомий масжидларида ҳовли майдоннинг атрофи бостирма шаклида бир неча устунларга қатор ўрнатилган чуқур айвон билан айлантирилган. Самарқанддаги Бибиҳоним Жомий масжиди, Бухородаги Калон масжиди шундай тузилишга эга. XVIII–XIX асрларда қурилган маҳалла ва кичикроқ Жомий масжидларида хонақоҳнинг бир, икки, уч томони айвон билан чегараланган тарҳ кенг қўлланилган. Мадрасалар ҳовлисининг тўрт томонида марказий ўқларда бир-бирига қарши жойлашган айвонлар назарда тутилган. Самарқанддаги Улуғбек мадрасаси ва XVI–XVII асрларда қурилган мадрасаларнинг деярли кўпчилигида айвон шундай тартибда жойлаштирилган. XIX асрнинг биринчи ярмида қурилган Хивадаги Тош-ҳовли саройида ҳар бир бўлинма бир устунли чуқур ва баланд айвонга эга.

Айвон ўрта асрларда ҳам ундан кейинги асрларда турар уйларда ҳам кенг қўлланилган. Турар жой меъморчилигида айвон икки, уч, тўрт хона оралигида, уй олд қисмини бутунлай эгаллаган тарҳда (пешайвон) иморат олд ёки ён томонларида галерея (йўлак) сифатида, девор сатҳидан бўриб чиққан балконга монанд ҳолда ҳовли иккинчи қавати очиқ қисмини эгаллаган шийпон сифатида ва алоҳида тўрт, уч томони очиқ бошпана (шийпон) сифатида келиши мумкин.

Айвоннинг турар жой меъморчилигида қўлланилиши ўша жойнинг иқлим шароити ва хоналарнинг жойланиши тартибидан келиб чиққан. Масалан, Хивада иқлим шароитнинг ўзгачалиги, бу ерда ёзда ҳавонинг нисбатан иссиқлиги сабабли, айвон хона ва ҳовли ҳавосини янгилаб туришга мўлжалланган. Бу ерда айвон икки хил тузилишга эга. Улу айвон хона олд қисмини эгаллаган ва хонадан анча баландга кўтарилган. Унинг қаршисида терс айвон – кичикроқ айвон ўрнатилган. Улу айвон битта марказий устунга эга бўлиб кўриниш жиҳатидан минорага ўхшаб кетади. У шамол эсадиган томонган қаратилган бўлиб, шамолни ушлаб ҳовлига йўналтирган. Бу ерда иккала айвон кичкина ҳовлини том билан ёпгандек туюлади.

Бухорода баланд кўп устунли айвон кўп ҳолда ёзги хоналарга кўндаланг ҳолда қўшилган. Бухоро турар уйларида ним айвон кенг қўлланилади. Ним айвон биринчи қават устида оддий айвонга нисбатан торроқ бўлиб иморатнинг бир томонини узунасига эгаллайди. Ним айвон ёз ойларида оиланинг дам олишига мўлжалланган.

Самарқанд турар жой меъморчилигида айвон, турар хоналарнинг бурчагида кўпроқ уларга нисбатан кўндаланг жойлаштирилган. Фарғона турар жой меъморчилигида айвон кўпроқ уч-тўрт хона олдини эгаллаган. Шунинг учун ҳам бундай айвон пешайвон деб юритилган.

Айвоннинг яна бир турига шийпонлар киради. Шийпонлар иккинчи қаватда қурилган. Шийпон Тошкент, Қарши, Шаҳрисабз турар жой меъморчилигида кўп учрайди. Хонадонларда иккинчи қават хоналарини табиат билан боғлашда шийпоннинг аҳамияти катта бўлган. Шийпон иккинчи қават хоналарини табиат манзараси билан боғлашга ва улар оралигида усти ёпиқ ҳовличани яратиш имконини берган.

Кичикроқ ҳовлини айвон тарзида ёпиш ҳоллари ҳам халқ меъморчилигида учрайди. Бунга Марғилонда XIX асрнинг ўрталарида қурилган уйнинг ҳовлиси мисол бўла олади. Айвон шифти марказидаги туйнук ва кўтарилиб тушириладиган Қашқарча панжалари билан ёритилган ва табиат билан боғланган.

Ўзбекистон худудида жойлашган обидаларни ва турар жой меъморчилигига оид материалларни кўздан кечирав эканмиз бу ерда қадимдан бир неча хил тузилишдаги айвон турлари бўлганлиги гувоҳи бўламиз. Жумладан, оддий чуқур айвон турар уйларда; мадраса ва бошқа турлардаги обидаларда кенг қўлланилган. Иккинчи — галерея тузилишидаги айвон. Бундай айвонлар масжид, карвонсарой ва бошқа турдаги иморатларда кенг қўлланилган. Учинчи, шийпон тузилишидаги айвон кўпроқ турар жой меъморчилигида қўлланилган. Тўртинчи балкон тузилишидаги айвонча турар уй ва илк ўрта аср кўшкларида кенг қўлланилганлиги гувоҳи бўламиз. Шунингдек, алоҳида айвонча монанд иморатларни ўрта аср масжидлари тузилишида кўрамиз. Алоҳида қурилган тўрт ёки уч томони очиқ шийпонлардан турар жой меъморчилиги ҳовли ва дала боғ ва ҳовлиларда фойдаланилган.

Айвон ўз вазифасидан ташқари иморат умумий композициясини бадиийлаштирган, унинг меъморий ечимини бойитган. Масалан, Ҳивада Тош ҳовли саройи ва турар уй, айвонларида улу айвон чуқур ва компакт ҳамда минора тузилишида бўлиб унинг марказидаги устун ўймакорлик қилинган нақшу-нигори билан нафақат айвон бутун ҳовли композициясига бадиийлик киритган. Ўзбекистоннинг деярли барча вилоятларида, кўпроқ масжидлар,

Фарғона водийсида эса турар уйларда ҳам айвоннинг юқори қисми кайвон-маркази кўтарилган шаклда ишланиши ҳам иморат тарзига бадиийлик бағишлайди.

Айвон иморат билан шаҳар муҳитини композиция жиҳатидан боғлашга ҳам кўл келган. Жумладан, қишлоқларда, хусусан тоғ қишлоқларида масжид иморати табиий баландликда қурилган ва унинг икки ёки уч томони ўз айвони билан қишлоқ кўчаларига қаратилган. Бундай пайтда айвон ўз вазифасидан ташқари масжид иморатининг асл моҳиятини билдириш ва унинг қишлоқ архитектураси билан ўзаро боғланишини таъминлаган. Шаҳарларда ҳам айвон масжиднинг турар уй мажмуасида доминант бўлишига ижобий таъсир кўрсатган. Шаҳарда масжид учун махсус супа ёки баландлик қўлланилмаган. Маҳаллани кесиб ўтган тор кўчадан бораётган йўловчи бирданига масжиднинг баланд айвонига дуч келади. Бундай ҳолатда айвон биринчидан масжиднинг ҳамма учун очиқлигини намойиш қилса, иккинчидан масжиднинг турар уйлар мажмуасида доминантлигини таъминлайди, учинчидан эса баланд айвон масжид мажмуаси билан маҳалла турар уйларини композиция жиҳатидан боғланишини таъминлайди.

Умуман, айвон Ўзбекистон меъморчилигида антик даврдан буён қўлланилиб, тузилиши, жойлашиши, безаги жиҳатидан шаклланиб келган. У хона билан ҳовли муҳитини боғлаган. Иморатта бадиийлик, тантанаворлик бағишлаган. Иморат билан шаҳар майдони, маҳалла ва кўчаларини композиция жиҳатидан бирлаштирган.

Айвоннинг барча турлари XX асрда қурилган иморатларда ҳам кенг қўлланилган. Масалан, балкон галерея, пештоқ вазифасини бажарувчи чуқур айвонларни Тошкентдаги Навоий номли театрда, Навоий номли музей ва бошқа кўпгина биноларда кўрамиз. Турли тузилишдаги (балкон, лоджия, галерея) айвонлар замонавий турар уйларида кенг қўлланилиб келди. Тошкент шаҳрининг Навоий номли кўчасида 4–5 қаватли турар уйларнинг кўчага қаратилган тарзида айвоннинг балкон, лоджия, пешайвон каби турлари

қўлланилганлиги гувоҳи бўламиз. Мазкур айвончалар уйларнинг тантанаворлигини, қисмларининг мутаносиблигини ва бадиийлигини таъминлайди. Шунингдек, мазкур уйлар ўз айвончалари, балконлари билан кўча композицияси бадиийлиги ва тантанаворлигига ўз ҳиссасини қўшган.

Ҳозирги кунда ҳам айвон меъморчиликнинг асосий қисми бўлиб қолмоқда. Ижтимоий жамоа биноларида барча турдаги айвонларни қўллаш иморатни ҳам тарз ҳам тарҳ, жиҳатдан қулай ва кўркем бўлишига асосий восита бўлаолади. Жумладан, шийпон тузилишидаги бўлинманинг замонавий иморатлар марказида қўлланилиши иморатнинг кўп жиҳатларини очиб беради, яъни қишки боғ, турли хил дам олиш майдонлари (ошхона, кутубхона, шифохона, вестибюл) яратиш имконини беради. Шунингдек, иморатни композиция жиҳатидан салобатли бўлишини ва яхлитлигини таъминлайди. Иморат марказининг доминант бўлишига имкон яратади. Бундай шийпонни иморатнинг функцияси ва тузилишига ҳараб бир неча қисмида қўллаш мумкин.

Замонавий жамоа биноларида галерея тузилишидаги айвоннинг қўлланилиши иморатнинг композиция жиҳатидан тантанавор бўлишига хизмат қилади. Галерея устунлари қисмини тоқилар тизими билан тугатиб иморат тарзини бойитиб унга бадиийлик киритиш мумкин. Янги қурилган Республика Олий Мажлис иморати ва Амир Темур музей биноси фикримиз исботи бўлаолади. Айвон иморат кириш қисмида пештоқ вазифасини ҳам бажаради. Бундай тадбир ҳозирги кунда замонавий биноларда ҳам муваффақиятли қўлланилмоқда. Айвон-пештоқ иморат кириш қисми тантанаворлигини таъминлашда ва бадиийлаштиришда қўл келади. Мисол сифатида Тошкентдаги Ҳамза театри иморати тарзини келтирсак бўлади. Айвонни ҳар қандай тузилишдаги иморатда турли композицияда қўлласа бўлади. Жумладан, айлана, ярим айлана, тўғри-тўртбурчак ва бошқа тарҳдаги иморатларга мослаштириш мумкин. Шу ўринда Тошкентда мустақиллигимиз илк йилларида қурилган Амир Темур музейи мисол бўла олади.

Амир Темур музейи айвонлари ярим айлана тузилишида Амир Темур боғ-парки томон очилган. Бу тадбир боғ-парк ансамблининг композиция жиҳатидан Амир Темур музейи иморати билан боғланшини таъминлаган. Шунинг учун ҳам боғ-парк ансамбли Амир Темур музейи биноси билан композиция жиҳатидан яхлит. Яъни парк ансамблида Амир Темур музейи баланд ярим айлана айвони туфайли боғланган ва доминантлик вазифасини бажарган.

Ҳар қандай турдаги иморат тарзини балкон — айвончаларни ҳар хил тартибда, ҳажмда, композицияда жойлаштириш йўли билан бадиийлаштириш мумкин.

Алоҳида тарҳга эга шийпонлар боғ ва паркларни қуркамлаштириб, дам олиш жойларида қулайлик яратиш имконини беради ва ўша жой муҳитига тантанаворлик бағишлайди.

Умуман, айвон меъморчиликнинг ажралмас бир бўлаги десак ва шаҳарсозлик санъатида хиссаси катталигини эътироф этсак, хато қилмаймиз. У ҳар доим меъморий обидаларимизга, турар-жой меъморчилигимизга кўрк бағишлаб келган ва яшаш учун қулай шароит яратиб берган, бундан кейин ҳам шундай бўлиб қолади. Айвон шаҳар ансамбллари композиция жиҳатидан бирлаштиришда, турар уй мажмуаси билан жамоа иморатларини, боғ-паркларни ва турли майдончаларни боғлашда зарур омил бўлиб келган. Шунинг учун ҳам айвонни кенг қўламда қўллаш мақсадга мувофиқдир.

Ювелирное искусство городов и историко-культурных областей античного Узбекистана

Исключительным разнообразием и многочисленностью отличаются украшения из золота, серебра и бронзы, найденные в античных городах Узбекистана: Ялангтуштепа, Старом Термезе, Дальверзинтепа, Калаи-Мире, Кампыртепа и т. д. Технологический и стилистический анализ выявляет разнообразие художественных средств и совершенство технологических приемов, свойственных бактрийским ювелирам: чеканку, зернь, скань, перегородчатую и выемчатую эмаль, литье, ковку припоем, басму, тиснение. Античное ювелирное искусство представлено не только самими изделиями, но и предметами, в которых они отливались.

Самым распространенным технологическим приемом изготовления украшений было литье. Фактами, подтверждающими существование одной из отраслей ювелирного производства, являются литейные формы, найденные в помещениях Дальверзинтепа. Одна форма небольшая, 62x30x15 мм, в форме неправильного прямоугольника, выполнена из мрамора темно-серого цвета с зеленоватыми налетом, тщательно отполирована. Форма одно-сторонняя, т. е. литейные углубления имеются только на одной стороне. На ней вырезаны три полукружия. К каждому углублению ведут литники, по которым заливался металл. Отлитые модели применялись как накладные украшения, т. е. являлись частью ювелирного изделия, а соединенные половинки представляли собой самостоятельное украшение, например, ялангтуштепинские колокольчики, кампыртепинские заколки для волос.

Вторая формочка — двухсторонняя, сделана из светло-серого сланца. Размеры 50x83x6 мм. Литейные углубления имеются на одной широкой плоскости и на одной узкой продольной. На

боковой плоскости имеются восемь углублений, два штифта для скрепления формы, четыре полукружия разных диаметров, два углубления в форме лепестков и два штифта для перстня. Следов литников нет. Возможно, литники были во второй половине формы, хотя их отсутствие и выпуклая поверхность площадки с углублениями дает основание полагать, что эта сторона предназначена не для отливки, а для тиснения из тонких золотых пластин, которые специальными инструментами вдавливались в форму, при этом для смягчения применялся воск.

Об уровне развития стеклоделия в Узбекистане свидетельствуют находки стеклянных бус, составляющих большую часть всех археологических находок. Это говорит о наличии мастерских ремесленников, специализировавшихся на изготовлении стеклянных бус. Обнаруженные находки – образцы очень тонкой и высокохудожественной обработки с применением золота и серебра.

Многослойные орнаменты, которыми покрыты бусины, подтверждают, что мастера использовали повторную оплавку стекла, которая позволяла отливать «глазчатые» бусины. Фаянсовые ребристые бусины выполнялись как отливом в специальных формах, так и специальной огранкой стекла.

Высокий уровень развития стеклоделия достигался благодаря узкой специализации мастеров. Технологические операции производились в стеклудвух мастерских дифференцированно, что позволяло наладить серийный выпуск бусин. Одной из наиболее распространенных была техника «тянутой трубки».

Фактами, подтверждающими, что в Бактрии было свое стекло, является химический его состав, проанализированный нашими учеными.

В античных бусах одного из ведущих государств античной Средней Азии – Северной Бактрии – обнаружено повышенное содержание калия, свидетельствующее о том, что уже в античное время на данной территории существовали калиевые стекла, которые можно

отнести к «бактрийской школе». Дополнительным подтверждением местного характера их изготовления являются микропримеси стронция и бария.

Основное количество стеклянных бус из Северной Бактрии по результатам химического анализа относится к типу натриево-кальциево-магнезиально-алюминиевых стекол с повышенным содержанием алюминия, они считаются самыми распространенными в Средней Азии.

В античный период благодаря торговым связям по Великому Шелковому пути в города Узбекистана проникали изделия из различных стран. Египетско-кушанские связи отразились в находках большого количества бус и подвесок из «египетского фаянса». Вопреки распространенному мнению о том, что в Средней Азии имелись только изделия из египетского фаянса, опираясь на химико-технологические анализы, исследователи пришли к выводу, что бактрийские стеклодувы выплавляли свой фаянс на основе золы растений, произрастающих на солончаковых местных почвах. Изделия же из «египетского фаянса» — привозные и относятся к самому древнему стеклу — натриевому, полученному в результате варки стекломассы на натуральной соде.

О связях с Индией и Ираном свидетельствуют как подлинные ювелирные украшения, так и изображенные на персонажах монументальной живописи и буддийской скульптуре из Фаязтепа, Дальверзинтепа, Каратепе. Так, на гребне из слоновой кости, найденном на Дальверзинтепа, имеются изображения женских фигур с украшениями, вероятно, из Западной Индии. Это крупные сферические бусы, скорее всего, из камня. На руках — четырехъярусные, замкнутой формы браслеты и, наконец, на ногах ножные браслеты, массивной формы с точечным орнаментом. Эта сцена, во-первых, дает представление о ювелирных украшениях Индии, во-вторых, сам гребень также можно отнести в определенной степени к ювелирным изделиям, поскольку в некоторых прическах гребень закалывался в волосы и являлся их украшением.

Два химических типа стеклянных бус Северной Бактрии похожи на индийские. Один тип — натриево-кальциевый, другой — магниевое-золистое стекло с повышенным содержанием окиси магния, окиси калия и глинозема.

Другая группа украшений индийского происхождения — это мелкие изделия из слоновой кости и перламутра, головные заколки для волос, нагрудные подвески в виде уточки, коня, полумесяца, бус-разъединителей ромбической и звездчатой формы.

Индийского происхождения были и округлые сердоликовые бусы с наведенным белым орнаментом в форме пятиугольников, окрашенные в черный цвет или неокрашенные. Другой тип сердоликовых бус с растительным орнаментом и шестиконечными звездами, вероятно, иранского происхождения. О торговых связях с Индией свидетельствуют и бусы из коралла, раковин-каури.

Индо-буддийское влияние прослеживается в ожерелье, найденном на Дальверзинтепа. Оно представляет собой однорядное нагрудное украшение, изготовленное из пяти шнуров, которые соединялись застежкой в виде двух полых, изогнутых цилиндров. Аналогичные ожерелья часто украшали адорантов, бодхисаттв в Гандхарской скульптуре. Браслеты из Бактрии из золота с раструбообразными расширяющимися несомкнутыми концами аналогичны браслетам из Таксилы. Гандхарское влияние отражено и в короoplastике Согда, в частности, в головных уборах персонажей.

Золотая бляха из Дальверзинского клада, на которой изображен свернувшийся кольцом зверь, ухвативший пастью одну из лап, по тематике относится к «звериному стилю». Этот стиль играл определенную роль и в изобразительном искусстве давняцев. Яркий пример тому — фрагмент головного убора с изображением петуха на стержне с подвесками в виде полумесяца и диска.

В Хорезме была обнаружена фигурная пряжка в виде кошачьего хищника, а также группа подвесок-амулетов зооморфного характера.

Эллинистические влияния отражены в ювелирных украшениях с изображением греческих божеств и героев: Афины, Афродиты, Ники, Геракла и т. д. К примеру, инталия на пекторали из золотого клада Дальверзинтепа с изображением Геракла, хорезмские железные браслеты, связанные по форме с эллинистическими, плакетка для головного убора с изображением богини, исполненная в эллинистических традициях местными мастерами, и др.

Китайский импорт отражают бронзовые зеркала, нефритовая печать с изображением яка из Соха, заколки-шпильки для волос.

В античный период на территории Узбекистана существовали большие города, в которых функционировали художественные мастерские, выполнявшие на высоком уровне все виды ювелирных работ. Найденные в них ювелирные украшения отражают разнообразие торговых и культурных взаимоотношений с другими регионами Востока и Запада.

Процессы урбанизации и развитие коропластики в период античности и раннего средневековья на территории Узбекистана

Возникновение города связано с глубокими качественными изменениями системы организации общества. Процесс урбанизации в древних обществах отражал социальные закономерности и оказывал на них стимулирующее или сдерживающее воздействие. В общей форме этот процесс может быть разделен на три этапа. На первом в крупных центрах отмечается накопление культурного и экономического потенциала; на втором — происходит приобщение к городской культуре сельского населения («культурная колонизация»); на третьем — сельская и городская периферия превращаются в органическое составное звено деятельности ведущих центров.

На территории современного Узбекистана в древний период процессы урбанизации усиливаются в первой трети I тыс. до н. э. Центрами оазисов, базирующихся на небольших речках или замкнутых ирригационных системах, становятся крупные поселения с цитаделями, причем аморфная планировка отражает стихийный характер процесса их образования. Вторая эпоха урбанизации в древней истории Узбекистана, условно именуемая античной, характеризуется интенсификацией этого процесса, что нашло отражение в сознательной политике градостроительства. Социальная обстановка в античный период определяет все нарастающую роль больших городов, в которых концентрируются гражданская власть и воинские силы, торговые узлы и ремесленные производства, жреческие корпорации и религиозные общины, контингенты чернорабочей и иной obsługi. Не только столичные города, но и крупные областные центры расширяются по

площади, обносятся новыми могучими укреплениями, заполняются плотно теснящейся застройкой. Интенсивному процессу урбанизации соответствуют выработанные фортификационные, планировочные и строительные каноны, выражающие функцию города как военно-политического и идеологического центра. В выработке этих канонов большую роль сыграла интродукция в местную среду принципов эллинской городской культуры [4, с. 97]. Именно в это время вновь возрождается такой вид искусства, как малая пластика.

Появление этой особой ветви прикладного искусства явилось показателем возросших эстетических запросов широкой городской среды. Следует, однако, подчеркнуть, что на территории Средней Азии этот вид керамических изделий был связан с культовой идеологией [2, с. 205].

В период античности коропластика была самым распространенным видом искусства и пользовалась огромным спросом среди местного населения. Терракотовые фигурки можно было свободно приобрести на рынках города. Терракоты выполнялись мастерами-керамистами и по тому, как была выполнена статуэтка, можно было судить о профессионализме мастера. Статуэтки подразделялись на культовые и светские. Светские статуэтки предназначались чаще всего для украшения домов или играли роль детских игрушек. Культовым поклонялись, с помощью них исполнялись разного рода ритуалы, они выставлялись как в храмах, так и в дворцах и домах жителей. Идолы, запечатленные в коропластике, были антропоморфны и изображали различных богов. Они охраняли дома и людей от злых духов, неудач, несчастий, а также приносили благополучие. Статуэтки Средней Азии были рассчитаны на фронтальное рассмотрение, также как и монументальная скульптура, расположенная во дворцах и храмах. Некоторые из них носились при себе, о чем говорит потертость фигурок. Обнаруженные статуэтки свидетельствуют о пестроте религиозных верований в Средней Азии.

Период античности являлся очень сложным временем, для осмысления которого необходимо окунуться во все перипетии,

начиная с того момента, когда Средняя Азия была завоевана Александром Македонским и до крушения Кушанского царства и завоевания его Сасанидами. За этот период происходит не только смена одной династии другой, но и полное изменение этнического состава населения, смешение, а вместе с ним и, возможно, переоценка ценностей. Все происходившие изменения коснулись и эволюции стиля в коропластике, так как именно терракота, являясь самым массовым видом искусства, была также и выразителем идей большинства.

Древние жители Средней Азии, судя по терракотам, создавали богов «по образу и подобию своему». В терракотах нашли отражение характерные особенности человеческого облика, которые мастер видел повседневно. Но он ставил перед собой задачу передать в человеческом облике божественное начало. Коропласты стремились подчеркнуть значительность божества торжественной, неподвижной позой, выражением лица, бесстрашного и безучастного ко всему земному, символами и жестами, несущими определенную смысловую нагрузку. Проникновение греческих богов, индуизма, буддизма и других религий также обогатило иконографические образы местных божеств. Со временем вырабатываются определенные правила в их изображении, которые закрепляются традицией как обязательные. Так возникают каноны, которые в значительной мере определяют характер среднеазиатского искусства [1, с. 30-32].

Историко-культурный период с IV в. до н. э. по IV в. н. э. выражен изменением стилей и его ведущих направлений. Так, конец IV – первая половина III вв. до н. э. и середина III–II вв. до н. э. характеризуется как греко-бактрийский, экспрессивно-психологический стиль; I в. до н. э. – I в. н. э. – эллинизированно-бактрийский, экспрессивный и идеализирующий; II–IV вв. – кушано-бактрийский – иератически-трансцендентный и прокламативный [3, с. 45].

На протяжении почти всего античного периода самым многочисленным образом оставался женский образ богини, покровительствующей материнству, семейному очагу, благоденствию

и плодородию. Менее многочисленны мужские образы, хотя именно они более разнообразны в своей передаче — это и статуэтки, изображающие богов и правителей, и герои-всадники или воины, будды, бодхисатвы и другие. Также популярны изображения животных, которые, по представлению местных жителей, также являлись хранителями домашнего очага или символизировали плодородие:

Сплав местных и привнесенных традиций породил самобытность и неповторимость античного искусства Узбекистана, представляющего как сложное, но целостное явление.

Распад Кушанского государства на мелкие владения, вторжение кочевников во второй половине III в. н. э. привели к упадку и запустению большинства античных городов Средней Азии. Выработка терракот также претерпевает изменения. Происходит огрубление всего облика фигурок, пластика и формы зачастую упрощены. Типичный пример — идол, в котором довольно сложно отличить женское начало от мужского. Объемные статуэтки немногочисленны, преобладают налестки на сосудах и на оссуариях магически-заклинательного назначения, отвращения от злых духов. Отсюда налестки — маски в виде полуморды-полурожи и фигуры с грубо выполненными формами, и лица с нарочито утрированными и деформированными чертами. Но основополагающие тенденции стилового развития в коропластике формируются не в кочевнической среде, а в областях древних городских культур Согды, Хорезма, Тохаристана.

В коропластике VI–VIII веков происходит дальнейшая трансформация образов, в которой переплетаются преемственность и традиции с одной стороны, и формирование новых образных форм и типов, с другой. По-прежнему блестящим центром коропластики является Самарканд, известны и находки из северотуркестанских городов, где существовали колонии согдийцев, но уже почти сходит на нет былое коропластическое искусство областей Амударьинского оазиса.

Процесс развития городов значительно осложнило арабское завоевание Средней Азии. Необходимо подчеркнуть противоречивость этого явления. С одной стороны, арабское завоевание и сопутствующие события привели к разрушению производительных сил и частичному запустению городов. С другой — последовавший период политической стабилизации и вхождение в систему централизованного государственного организма Халифата способствовали новому циклу урбанизации Средней Азии, наблюдаемому в IX—X вв. Высокий уровень урбанизации домонгольской Средней Азии подтверждается тем, что большая часть населения страны жила в городах. Но с приходом арабов и привнесением сюда исламских канонов, связанных с запретом изображения человека, коропластика как вид изобразительного искусства перерождается и сохраняется в массовом народном искусстве в зооморфных образах.

Примечания:

1. Мешкерис В. А. *Коропластика Согда*. Душанбе, 1977.
2. Пугаченкова Г. А. *Искусство Бактрии эпохи Кушан*. М., 1979.
3. Пугаченкова Г. А. *Искусство Бактрии: эволюция стиля*. // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.
4. Ртвеладзе Э. В. *Формирование городов Бактрии-Тохаристана*. // *Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н. э. — VIII в. н. э.)*. ТДК. Ташкент, 1986.

О столичных городах Чаганийана

Сурхандарьинская область Южного Узбекистана является зоной древнейшей городской культуры на территории нашей страны. Урбанистические процессы развивались здесь начиная с эпохи бронзы. На примере историко-культурной области, занимавшей земли по нижнему и верхнему течению реки Сурхан и известной с эпохи раннего средневековья под названием Чаганийан, можно проследить за развитием столичных городов как центров экономической, политической, религиозной и производственной жизни.

Археологическими исследованиями в Чаганийане выявлены два крупнейших памятника — Дальварзинтепа на территории Шурчинского района, и городище Будрач в Денауском районе. Исследованиям этих городищ посвящена обширная литература. Дальварзинтепа предлагалось отождествить со столицей юэжжей Ходзо [1] или Цяньши (Ланьши) [2], а городище Будрач является руинами средневекового города Чаганийан (арабизированная форма названия — Саганийан), столицы одноименного владения [3].

Каждый из этих городов был в свое время столицей владения, и их история показательна в плане эволюции урбанизма в Бактрии-Тохаристане.

Дальварзинтепа. Расположено на правом берегу Сурхандарьи, на территории, орошаемой саем и системой каналов. Имеет площадь ок. 40 га, представляет собой прямоугольный шахристан (собственно город), обведенный мощной стеной с башнями и ориентированный углами по странам света. В южном углу расположена цитадель. Первоначальное укрепленное поселение возникает на месте цитадели в III в. до н. э., то есть в греко-бактрийский период. Вокруг городка располагалось неукрепленное поселение, состоявшее, по-видимому, из жилищ полуземляночного типа. Около 130 г. до н. э. царство греков в Бактрии пало

под ударами саков и юэчжей. Пришедшие всерьез и надолго, новые хозяева страны, расставшись с кочевническими традициями, приступают к активному строительству городов и крепостей, используя при этом богатые градостроительные традиции покоренного населения. В I—III вв. город имел трехчастную структуру: мощная цитадель; обширный город, разделенный сеткой улиц на кварталы, в которых располагались жилые и ремесленные здания, дворцы богатых горожан, храмы и святилища различных культов; пригородная территория, на которой рассредоточенно располагались погребальные сооружения, небольшие усадьбы, винодавильня и т. д. Город, занимавший стратегически и экономически важное положение в центре обширной долины Сурхана, но при этом также достаточно удаленный от внешних границ государства, безусловно, развивался очень интенсивно в период расцвета Кушанской империи. Великолепные храмы и дворцы, украшенные монументальными настенными росписями и скульптурой, произведения прикладного искусства и крупнейший золотой клад, найденные в ходе археологических раскопок — все это свидетельства неуклонного роста благосостояния городского населения.

Крушение государства Кушан, вызванное походами войск молодой и агрессивной Сасанидской империи, не привело к гибели города. Жизнь в нем продолжается довольно интенсивно, хотя налицо безусловные изменения в идеологической сфере — поверх буддийского храма, располагавшегося в центре города, строится жилье.

Кушано-сасанидский слой на городище — последний. Затем жизнь прекращается, город гибнет, и лишь территория цитадели вновь обживается в VI—VIII вв. В VI—VII вв. оплывшие городские стены используются для погребений в склепах [4]. Что же стало причиной гибели города? В свое время это объяснялось неким социально-экономическим кризисом, ознаменовавшим крушение рабовладельческого строя и переход к феодализму. Однако подлинной причиной, думается, стал не абстрактный кризис,

а конкретное вторжение в IV в. хионитских племен, о происхождении которых имеются различные мнения, в Бактрию-Тохаристан. По нашему мнению, под именем хионитов стали известны кочевые и полукочевые племена Кангюя, населявшие степные районы по Средней Сырдарье и вокруг согдийских оазисов. Они воспользовались ослаблением сасанидской власти в бывших кушанских владениях, так как Иран был занят войнами с Римом, и хлынули на территорию Тохаристана, став причиной гибели многих городов и оазисов [5]. Возможные «автографы» завоевателей, а именно тамги, вырезанные на стене богатого домовладения, были найдены на Дальварзинтепа. Среди них есть знак, очень напоминающий тамгу хионитов-алхонов [6].

Новой силой, довольно скоро подчинившей хионитов и кидаритов (которых одни исследователи склонны отождествлять с хионитами, а другие, опираясь на скудные данные письменных источников, считают потомками кушан), стали эфталиты (происхождение которых также является темой многолетних дискуссий). По-видимому, именно они возрождают главный город владения Чаганийан, однако не на прежнем месте, а в нескольких километрах выше по течению Сурхандарьи, у места впадения в нее Кызылсу. Выбор места для сооружения новой столицы был не случаен — здесь располагалась небольшая двухчастная крепость, построенная в кушанский период [7]. Очевидно, что и при строительстве нового города были учтены выгодные особенности местности: положение в центре долины, позволявшее контролировать главные пути, ведущие с севера на юг, и с запада на восток, а также обилие водных ресурсов у слияния рек Сурхан и Кызылсу.

Трудно дать определенный ответ на вопрос о том, в чем была причина переноса столицы. Среди возможных причин: значительные разрушения города и его фортификации; разрушение системы водоснабжения города; политические резоны. Возможно, что причины были политико-декларативными: новые властители нуждались в новом политико-административном центре. Так или

иначе, но уже в V в. строится город, занимавший площадь ок. 50 га. Шахристан имеет подтрапециевидную форму; укрепления кушанского времени включаются в состав города, образуя его юго-восточный угол с цитаделью и административно-дворцовым комплексом [8]. К сожалению, вся территория собственно города (шахристана) и его средневековых пригородов (рабад) практически уничтожена при распашке под хлопковые поля в 60-х и 70-х годах прошлого века. Этот факт, а также то обстоятельство, что памятник многослойный — город развивается на одном месте вплоть до монгольского завоевания — не позволяют четко представить его внутреннюю структуру в эпоху раннего средневековья, т. е. в эфталитский и тюркский периоды. Очевидно, что город пережил арабское завоевание, продолжая сохранять главенствующее положение, и в X в. был центром обширного владения династии Мухтаджидов, бывших вассалами Саманидов. В средневековых источниках упоминается, что Чаганийан был по территории больше Термеза, но населения в нем было меньше, и что в центре города была красивая мечеть с колоннами из жженого кирпича, в каждый дом была проведена вода (9). Археологически выявлены остатки керамического производства; находка и исследование Бударачского клада бронзовых изделий позволили сделать уверенный вывод о том, что в X — первой половине XI в. в городе существовало бронзолитейное производство [10].

Чаганийан имел трехчастную структуру; его рабад занимал обширный участок и на правом берегу Кызылсу. Однако успешное развитие города не раз нарушалось в результате военных действий. Монгольское завоевание привело к гибели города в пределах шахристана. В темуридское время городская жизнь частично возрождается на территории бывшего рабада к северу от города, однако после прихода Шейбанидов эта территория забрасывается окончательно и выше по течению Кызылсу строится Дех-и Нав — «Новое селение». Оно становится центром Денауского бекства. Ныне Денау — крупнейший город Сурхандарьинской области, «столица» Денауского района, сохраняющая за собой важнейшую роль традиционного экономического центра для всей Сурханской долины.

Подводя итог, отметим, что в судьбе двух столичных центров Чаганийана прослеживаются все основные черты среднеазиатского урбанизма. В их возникновении, развитии и гибели отражены географические, социально-экономические и историко-культурные особенности региона, а также бурные военно-политические события, происставшие в Средней Азии на протяжении более чем 15-ти веков.

Примечания:

1. Пугаченкова Г. А. К итогам исследований Дальверзинтепе // *Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана*. Ташкент, 1978, с. 176-221.
2. Абдуллаев К. К локализации столицы Юэчжей // *Города Центральной Азии на Великом шелковом пути. Тезисы докладов конференции*. Самарканд, 1994, с. 6-7.
3. Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 18-21; Ртвеладзе Э. В. Новые археологические данные к истории городища Будрач // *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 18. Ташкент, 1983, с. 173-187.
4. Болелов С. Б. Погребения в пещерных склепах на юге Узбекистана // *Материальная культура Востока*. Москва, 1999, с. 39-60.
5. Zeimal E. V. *The Kidarite kingdom in Central Asia // History of civilizations of Central Asia. Vol. III. The crossroads of civilizations: A. D. 250 to 750*. Paris, 1996, с. 126-127.
6. Ильясов Дж. Я. Алхоны – хиониты или эфталиты? // *Археология, история и культура Средней Азии. Тезисы докладов конференции*. Ташкент, 2002, с. 52-54.
7. Ртвеладзе 1983, с. 186.
8. Ртвеладзе 1983, с. 173-174.
9. Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия* // Бартольд В. В. *Сочинения*, т. 1. Москва, 1963, с. 123.
10. Ильясов Дж. Я. *Художественный металл Чаганийана X – первой половины XI вв.* Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1998.

Суғд колониал ҳаракати. Ипак йўли бўйлаб суғд манзилгоҳлари ва шахарлари

Дастлаб савдо манфаатлари учун асос солинган карвон йўлларига нафақат иқтисодий, маданий мақсадлар балки асрлар давомида сиёсий ва геосиёсий мақсадлар учун ҳам зарурат бўлган. Ўрта Осиёга юриш қилишдан олдин Аҳмонийлар ҳам (мил. ав. VI аср), юнон-македон қўшинлари (мил. ав. IV аср) ва кейинги асрлардаги истилочилар ҳам аввал зарурий маълумотлар тўплаб, кейин ҳарбий ҳаракатларини бошлаганликлари шубҳасиз. Бундай маълумотлар кўпроқ савдогарлар томонидан етказилган. Милоддан аввалги I аср охирида яшаб ўтган юнон тарихчиси ва географи Страбон «Ўн етти китобли География» асарида: «Гирканиядан шарқда то Суғдиёнагача, Тавр ортидаги (мамлакатлардаги) қабилалар аввал форсларга, сўнгра македонияликларга ва парфияликларга маълум эди»¹, деб бежиз айтмаган.

Бироқ Ўрта Осиёнинг етакчи этносларидан бири-суғдларнинг ўз юртларидан чиқиб бошқа ўлкаларни колония қилиши умуман бошқа мақсад ва вазиятлардан келиб чиқди. Буни биз милоддан аввалги VIII–VI асрларда Кавказдан то Испаниягача бўлган денгиз соҳилларида ташкил топган грек колониялари билан қиёслашимиз мумкин. Шу каби илк суғд манзилгоҳлари ҳам Шарқий Туркистон қадар чўзилганлиги Буюк Ипак йўлидаги муҳим сиёсий ихтисодий ва маданий ходиса эди. Бунинг ёрқин мисоли ушбу йўналиш бўйича жойлашган суғд манзилгоҳларининг топономик манзарасида ўз аксини топган. Суғддан шарқда жойлашган Уструшона, Чоч, Фарғона, Ўтрор воҳаси, Еттисув, Талас водийси, Қашғар, Хўтон, Турфон воҳалари ва Жанубий Олтой каби тарихий ўлкаларда асосан турклар яшаган бўлса-да, бу худудларнинг топономик

харитаси суғдларнинг минтақага таъсир йўналишини чизиб беради. Эътибор берадиган бўлсак, суғдий кат, кент, деҳ, диз каби қишлоқ, кўрғон, қалъа, шаҳар номларини билдирувчи атамалар Ипак йўли бўйлаб бир тизимда жойлашган². Ушбу суғд шаҳар ва манзилгоҳлари нафақат савдо, балки ҳунармандчилик ва деҳқончилик марказларига ҳам айланган. Ўлкалардаги сиёсий, маданий ва мафкуравий ҳаётга таъсир ўтказган³.

Суғдлар катта нуфузли турк муҳотида, ҳатто хитойлар орасида ҳам ассимиляциялашувига қадар ўз урф-одат ва анъаналарини сақлашга интилганлар. Дунгуан вилояти (Шарқий Туркистон)да жами 13 та суғд қишлоғи мавжуд бўлган. У ерда яшаган суғдлар хитой манбаларига кўра, оловга сифинишган ва ўз ибодатхоналари бўлиб, уларнинг тузилиши ҳам таърифлаб берилган⁴.

Умуман олганда, суғдлар дастлаб Чоч, Фарғона, Исфанжоб, Сиёб билан қалин муносабатда бўлганлар. Кейинчалик суғдларнинг савдо санъати хитойларни ҳам ўзига жалб қилган⁵.

Фарбда суғд манзилгоҳи сифатида Қрим ярим оролидаги Судак ёки Суғдак шаҳри деб ҳам талқин этилади⁶.

Агар суғд манзилгоҳларини санаб ўтадиган бўлсак, улар сирасига Уструшонада Жиззах-Дизак, Чочда Паркент-Фариканд, Пискент, Нукет (ҳозирги Тўйтепа), Илоқда Тункент, Туккент, ҳозирги Жанубий Қозоғистондаги Чимкент ҳамда тарихий шаҳарлар: Бўдухкет, Жувикат, Манкент, Сюткент, Жанкент, Хамукат, Исфижоб каби қатор топонимик манзилгоҳларни, Шарқий Туркистонда Ёркент ва бошқа шаҳар номларини киритиш мумкин бўлади. Фарғонада Ахсикентдан ташқари, бизнинг фикримизча Кўқон шаҳрининг аталиши ҳам суғдча деб талқин қилиш мумкин. Кўқон муҳим савдо йўлида жойлашган бўлиб, «Фарғона тарихи» муаллифи Ибрат⁷ ва академик В. В. Бартольд⁸ кўрсатиб ўтганидек Хўккан – «хўкиз ковлаган» ёки хўк-канд – «хўкиз шаҳри» эмас, балки хw-хў(в)-савдо, kand⁹ – кент – шаҳри деб, изоҳлаш асосли кўринади. Кўқон географик қулай ўринда бўлиб, Чоч ва Суғд

савдогарлари келиб қўним топган, эҳтимол савдо ярмаркалари уюштирган манзилгоҳ бўлган. Сўнгра XI асрдан шаҳар мақомини олган.

Юқориди тилга олинган шаҳар ва манзилгоҳларда ҳам турк, ҳам суғд аҳолиси яшаган жумладан, XI аср алломаси Маҳмуд Қашғорий: «Балосоғунда яшаган суғдлар Самарқанд ва Бухоро ўртасидаги Суғддан бўлиб, турклашиб кетганлар»¹⁰, деб ёзган эди. Айниқса, Еттисувдаги кўплаб шаҳарларнинг номланиши суғдий эканлиги¹¹, Суғд ва Еттисув аҳолиси ўртасидаги қон-қардошлик алоқалари орқали ҳам билса бўлади. Яна Маҳмуд Қашғорий суғдлар туркларнинг кийим ва урф-одатларини қабул қилганлиги ҳақида ҳам маълумот бериб ўтган¹². Бундан ташқари Панжикентдан топилган Муғ архивининг Nov. 3 ва Nov. 4 ҳужжатлари никоҳ битими бўлиб, суғд қизи Дуғдунча Еттисувдаги суғд шаҳри навекатлик Чер ҳомийлигида, турк аслзодаси Ўттегинга турмушга чиқарилиши ҳуқуқий асослари қайд этилган. Навекат-янги шаҳар Чу дарёсининг ўнг соҳилида бўлиб, Тургаш хоқонлиги пойтахти Суёб-(суғдча Қорасув)дан тўрт фарсах шарқда жойлашган¹³. Яна шу каби ҳолатни Шарқий Туркистоннинг Чинончканд шаҳридан Упачах исмли аёл номидан Самарқандга йўлланган мактубда кўрамиз. Упачахни Йон-Сийон Ута ўғли сотиб олгани маълум қилинади¹⁴. Йон-Сийон 7 та буддавий турк бўлган.

А. Н. Бернштам таҳлилига кўра Еттисувнинг суғдлар томонидан колония қилиниши икки босқичда: III—V ёки VI асрларда ва VII асрдан кейин амалга оширилган¹⁵ дейилади. Аммо суғаларнинг нафақат Еттисув, балки Хитойга қадар колония қилишининг биринчи босқичи милoddан аввалги IV аср билан белгиланиши асослидир. Буни С. Г. Кляшторний¹⁶, Л. И. Чугуевский¹⁷ каби тадқиқотчилар ўз асарларида урғулаб ўтганлар. Биз ҳам айнан шу даврни бошланғич колония даври сифатида эътироф этамиз. қолаверса, Чу водийсида олиб борилган археологик тадқиқотлар ҳам кейинги V—VI асрларда бу ерда ривожланган ўтроқ маданият ёдгорликлари мавжудлигини исботлаган¹⁸.

Хитойшунос Э. Г. Пуллейбланк суғдлар «нафақат моҳир савдогар, балки мусаввир, хунарманд ва янги дин тарғиботчиси эдилар. Суғдлар Марказий Осиёга келиб, Ипак йўли бўйлаб ўрнашдилар, то Хитойнинг ички вилоятлари қадар» кириб бордилар¹⁹, деб таъриф берган эди. Хитойлар орасида Самарқандлик – Кан, Бухоролик – Ань, Тошкентлик – Ши, Фарғоналик – Тсао, Кабудонлик – Цао, Тохаристонлик – Ло, Кешлик – Шы каби фамилиялар пайдо бўлди. Улар 9 фамилия бўлиб²⁰, барчаси Ўрта Осиёликлар: суғдлар, тохарлар, чочликлар ва фарғоналиклар эди.

Турк хоқонлиги даврида (552–745), хоқонлик пойтахти Суёбдан тортиб, деярли барча шаҳарларда турк-суғд муҳити ҳукмрон эди. Пойтахтда ва йирик савдо манзилгоҳларида катта ярмаркалар ташкил этилиб, унда кўплаб хориждан келган савдогарлар ҳам қатнашганлар²¹. Илк ўрта асрлар учун турк-суғд шаҳар манзилгоҳлари нафақат суғдий топономик кўринишда, балки туркий топономик манзилгоҳлар ҳам диққатга моликдир. Жумладан, Чочда ва Илоқда²² Абрлиғ, Намудлиғ, Ислиғ, Олмалик каби турк-суғд шаҳарлари қайд этилган²³.

Уйғур хоқонлиги даврида (745–840) суғдлар пойтахт шаҳар маданий ҳаёти ва қурилишида етакчилик қилдилар. Ўрта Осиё намунасидаги Ўрдабалиқ ва Бойбалиқ шаҳарлари, Хангай қароргоҳи ва уйғурларнинг Тувадаги шаҳар-қалъаси қад ростлади²⁴. Суғдларнинг хоқонлик саройида хизмат қилган аёнлари, шаҳар ва қишлоқлардаги савдогарлари, деҳқон ва хунармандлари колония манзилгоҳлари ва Ўрта Осиё шаҳарлари Чоч, Самарқанд ва Бухоро билан доимий сиёсий, иқтисодий ва маданий алоқани боғлаб турдилар. Кези келганда Ватанларидан сиёсий, иқтисодий ва маънавий кўмак олдилар. Бу эса Хитой саройининг туркларни ҳам иқтисодий, ҳам сиёсий изоляция қилишга қаратилган режаларини олдини олди ва турк хоқонларини мустақил фаолиятини таъминлаб турди²⁵.

Асрлар давомида шаклланган, карвон йўллари бўйлаб жойлашган ўнлаб суғд манзилгоҳлари эса нафақат суғдларнинг, қолаверса туркларнинг ҳам ҳаётида муҳим ўрин тутди. Агар суғдлар азалий

шаҳарсозлик анъанасига эга бўлган бўлса, ўз мураккаблиги билан турк санъати ва маданияти ҳам ундан сира қолишмас эди. Туркларнинг шаҳарларга ўрнашиши натижасида маданиятлар симбиози ўзининг янада ёрқинроқ ва серқирра ҳосилини бера бошлади²⁶. Суғдлар колонияларга ўз таъсирини ўтказиш билан бир қаторда, ўзлари ҳам турклар таъсирида Маҳмуд Қашғорий таъкидлаганидек «уларнинг урф-одати ва анъанасини қабул қилдилар». Суғд тили халқаро савдо-сотик, алоқа тили даражасига етди. Шу билан бирга турклар ва суғдлар ёнма-ён яшаган жойларда табиий равишда суғд-турк икки тиллиги шаклланди. Суғд ёзуви таъсирида қадимги туркий рун ёзуви такомиллашди. Уйғур ёзуви эса суғд ёзуви асосида вужудга келди. Турк хоқонлиги минтақада сиёсий барқарорликни таъминлаган бўлса, суғдлар иқтисодий юксалиш, маданий ранг-баранглик, этник симбиоз учун муносиб ҳисса қўшдилар. Хуллас, Буюк ипак йўли бўйлаб жойлашган манзилгоҳ ва шаҳарлар турк-суғд бирлигининг марказларига айланган эди.

Изоҳлар:

1. Пьянков В. И. Средняя Азия в античной географической традиции: искусствоведческий анализ. М., 1977. С. 9.
2. Рысбергенова К. К. Древние топонимы по маршруту «Великого шелкового пути» Шелковый путь и Казахстан. Алматы, 1999. С. 141-142.
3. Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура Центральной Азии. Тюркологический сборник. М., 1973. С. 258.
4. Хўжаев А. Сўғайларнинг Хитойга бориб қолиши // Мозийдан садо. Тошкент, 2002. 2 (14). 42-бет.
5. Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970, С. 122,125.
6. Бартольд В. В. Сочинение Т. III. -М. : Наука, 1965, С. 489-490; Скиба В. Возвращение к шелковому Пути // Спутник, 1993, №2, С. 6-12
7. Ибрат. Фарғона тарихи // Мерос. Тошкент, 1991. 285-б.
8. Бартольд В. В. Сочинение Т. III. М., 1965, С. 462;

9. савдо, канд-канд сўзлари учун лугат қаранг: Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. М., 1962, С. 200,202.
10. Маҳмуд Қашгорий. Девону лугатит-турк. I-жилд. Тошкент, 1960. 65-б.
11. Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья соч. Т. II, ч. I. М., 1963. С. 466-467.
12. Маҳмуд Қашгорий. Девону лугатит-турк. I-жилд. Тошкент, 1960, 65-а.
13. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. М., 1962. С. 18, 27-28.
14. Исҳоқов М. Номи азал Туркистон // Ўзбекистон адабиёти ва санъати, 1993 йил, 12 ноябрь, 1, 5-бетлар.
15. Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 6. М. -Л., 1940. С. 34-43.
16. Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура Центральной Азии // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 258.
17. Чугуевский Л. И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана. // СНВ, вып. X. М., 1971, С. 147.
18. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и населения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. С. 168-169.
19. Гафуров Б. Г. Таджики. Кн. I. Душанбе, 1989. С. 329-330.
20. Чугуевский Л. И. Юқоридаги мақола 149-150 бетлар:
21. Хўжаев А., Юқоридаги мақола, 41-бет.
22. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Соч. Т. 2. ч. 1. М., 1963. С. 467.
23. Буряков Ю. Ф. К истории раннесредневекового Чача // O'zbekiston tarixi, 2002, №3. С. 16.
24. Кляшторный С. Г. Древнетюркская письменность и культура Центральной Азии // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 258.
25. Шу асар, 259-бет.
26. Гюль Э. Ф. Проблема этнокультурных взаимодействий в античном и средневековом искусстве Узбекистана // Дисс. док. искус-ния. Ташкент, 2002. N. 17.

Илк ўрта асрларда Чоч воҳасида туркий топонимлар

Илк ўрта асрларда Чоч воҳаси географик жойлашувига кўра ўтроқ ва кўчманчи ҳаёт кечирувчи этнослар орасида алоқалар жадал кечган ўлка сифатида гавдаланади. Шу боис Марказий Осиёдаги урбанистик жараёнларни ўрганишда Чоч воҳаси тарихини тадқиқ этиш муҳим аҳамиятга эга. Воҳанинг илк ўрта асрлар тарихини ёритиш учун ўша пайтда бу ерда мавжуд бўлган жой номларини тадқиқ қилиш муҳим аҳамиятга эга. Бу ўз навбатида ўша давр ижтимоий-сиёсий, маданий ҳаёти ҳақида тарихий тасаввурлар бериш билан бирга, Чоч воҳасида қандай этнослар яшаганлигини аниқлашга ёрдам беради. Воҳа топонимикаси бўйича бир қанча тадқиқотлар амалга оширилган бўлиб, улар орасида В. Бартольд, М. Массон, Ҳ. Ҳасанов, С. Қораевларнинг ишлари алоҳида ажралиб туради. Айниқса, Чочнинг қадимги ва илк ўрта асрлардаги шаҳар ҳамда қишлоқларининг ўрнини аниқлашда археолог Ю. Буряковнинг тадқиқотлари алоҳида диққатга сазовор. Чоч топонимлари бўйича тадқиқот олиб борган олимлар воҳада мавжуд жой номларининг аксариятини илмий жиҳатдан изоҳлаб берганлар. Уларнинг эътироф этишича, воҳадаги жой номларининг салмоқли қисмини туркий ва суғдий номлар ташкил этади.

Илк ўрта асрлар Чоч воҳаси топонимларини тадқиқ қилиш шуни кўрсатадики, уларнинг катта бир қисмини туркий номлар ташкил қилиб, улар ўз тузилишига кўра, соф туркий, туркий-суғдий ва суғдий-туркий компонентлардан ташкил топган.

Чоч — ҳозирги Тошкент воҳаси ва шаҳрининг илк ўрта асрлардаги номи. Э. Ртвеладзе фикрича, ушбу ном дастлаб Эрон шоҳи Шопур I шарафига битилган Каба-и Зардушт ёзувларида (III аср), III—IV асрларда қанг ҳукмдорлари томонидан зарб қилинган тангаларда ва IV асрга мансуб кумуш идиш сиртида учрайди [1]. VI—VIII

асрларга мансуб турк-суғд тангалари орасида ҳам «Чоч» номи битилган тангалар учрайди. Айниқса, мазкур асрларга оид ҳисобланаётган сопол идиш парчасида туркий-руник ёзувда «Чоч» сўзининг учраши диққатга сазовордир [2].

Чоч топонимининг илк манбаларда учраши, келиб чиқиши ва луғавий маъноси ҳақида турлича фикрлар билдирилган. Баъзи тадқиқотчилар Чоч атамасини Авестода тилга олинган Чайчаста кўли номи билан боғласалар-да, бу тахмин ўз тарафдорларини топмади. Баъзи тадқиқотчиларга кўра, мазкур топоним м. ав. III асрда қуйи Сирдарёдан воҳага кўчиб келган қабила томонидан келтирилган [3]. Айрим тадқиқотчилар Чоч сўзини эроний ҳисобласалар, баъзилари уни туркий деб биладилар. Чоч топонимини эроний ҳисобловчилар уни этимологик жиҳатдан очиб беришмаган [4]. Кўпчилик тадқиқотчилар «Чоч» сўзи маҳаллий тилда «тоғ» ва «тош» маъноларини англатган, деб қарайдилар [5]. Аммо, маҳаллий тил қайси тил оиласига мансуб бўлганлиги масаласи гарчи, бир қатор тахминлар билдирилган бўлса-да ҳалигача очиқ қолмоқда. Топономист Ҳ. Ҳасанов фикрига кўра, «Чоч» сўзининг луғавий маъноси суғдийча «тош» демакдир [6]. Лекин, суғд тилида «тош» маъносидаги сўз бошқа эроний тиллардагига яқин *snk* (санк, форс-тожикча – санг) шаклда қўлланилган бўлиб, унинг «чоч» ёки шунга яқин бир варианты маълум эмас. Аксинча, Чоч сўзини унинг кейинги варианты ва давомчиси бўлган туркий «тош» сўзи билан боғлиқ деб ҳисоблаш учун бир қанча далиллар мавжуд. Биринчидан, Чоч воҳасига доир қадимги ва ўрта асрларга тааллуқли турли манбаларда унинг сўнгги номи бўлмиш Тошкент – «Тош шаҳар» мазмунини берадиган маълумотлар учрайди. Жумладан, Беруний ўзининг «Ҳиндистон» асарида ёзишича, «Шош шаҳарнинг номи, у турк сўзидан олинган бўлиб, Тош-канд – тош-қишлоқ деган маънони англатади» [7], «Тошкент – Тош қалъа демакдир. Птоломейнинг «География» китобида у «Бурж ул-Ҳижора» (Тош қалъа) деб аталган» [8]. Маҳмуд Кошғарий ҳам ўз асарида «Таркан – Шошнинг номи. Унинг асли номи Тошканд бўлиб, тошдан қурилган шаҳар демакдир» деб ёзади [9]. Бу маълумотларни хорижий манбалардаги

маълумотлар ҳам тасдиқлайди. Хусусан, илк ўрта асрларга оид хитой йилномаларида Чоч воҳаси – Ши, Чоч давлати эса Ши-го (*хит.* го – «давлат») тарзида қайд этилади [10]. Француз олими Э. Шаванн хитойча «ши» сўзи ва уни ифодалайдиган иероглиф тош маъносини билдиришини исботлаб берган [11]. Бундан келиб чиқадики, хитойликлар Чоч сўзининг маъноси «тош» эканлигидан хабардор бўлишган ва уни ўз тилларига таржима қилиб «Ши» шаклида ишлатганлар.

Демак, дастлабки шакли Чоч бўлиб, луғавий жиҳатдан тош маъносини билдирган ушбу топоним араб истилоси натижасида Шошга, кейинчалик эса Тошкентга айланган. Бироқ, «чоч» сўзининг «тош»га айланиш масаласи ҳалигача очиқ турибди. Гарчи, Ҳ. Ҳасанов ушбу топонимнинг асоси «тош» бўлиб, уни араблар «шош»га айлантирган, деб таъкидласа-да, унинг бу фикрига қўшилиш қийин [12]. Бизнинг тахминимизча, ушбу топонимнинг асоси «чоч» бўлиб, у қадимги турк тилининг бирор лаҳжасида (эҳтимол Тошкент воҳаси туркийларида) «тош» сўзининг эквиваленти бўлган. Хусусан, тош сўзининг қадимги туркчада «чош» тариқасида [13] Чоч сўзига яқинроқ шакли варианты бўлганлиги ҳам ушбу тахминни кучайтиради. Шуни ҳам таъкидлаш жоизки, туркий тилларда – т ундошининг – ч ундошига алмашиш (баъзан акси – ?). Б) ҳодисаси мавжуд. Дарвоқе, бу ҳодиса ўзбек тили шевалари ичида Тошкент шевасида кўпроқ учрайди. Масалан, чўнтак – «чўнчак», «тушмоқ» феъли «чушмоқ» каби. Бизнингча, тош сўзини ҳам Тошкент воҳаси қадимий аҳолиси шунга ўхшаш тарзда «чоч» ёки «чош» тариқасида талаффуз қилган бўлишлари мумкин.

Эҳтимол, Чоч сўзининг келиб чиқиши Тошкент воҳасининг энг қадимий номларидан бири бўлмиш қанғ сўзи билан алоқалидир. Чунончи, тоҳар тили (А лаҳжаси)да *kenka*-«тош» маъносини билдирган [14]. Балки, қадимда қанғ номининг туркий варианты сифатида Чоч номи пайдо бўлгандир.

Хуллас, юқорида кўриб чиқарилган маълумотлардан маълум бўлишича, воҳанинг қадимий номларидан бўлмиш Чоч сўзининг

луғавий маъноси тош бўлган ва шу ном асосида Тошкент номи келиб чиққан. Бироқ, бу номни тўғри маънода тушунмаслик керак. Чунки, ушбу номдаги воҳа ҳам, шаҳар ҳам тошли бўлмаган. Бир гуруҳ тадқиқотчиларга кўра, тош номи бу ернинг эпитети сифатида вужудга келган [15].

Илоқ — ҳозирги Оҳангарон водийси ва дарёсининг илк ўрта асрлардаги номи. Илоқ сўзининг луғавий маъноси ҳақида турлича фикрлар билдирилган; 1) туркийча Илақ — айлақ (яйлов) [16], 2) М. Андреевнинг кўрсатишича, илоқ — темирчи-хунарманд маъносини англатган [17]. Дарёнинг ҳозирги номи — Оҳангарон тожик тилида худди шу маънони билдиради. 3) Илоқ — ҳозирги туркчада *илик*, татарчада *илэк* «тинч оқар, тиниқ сув» маъносида ишлатилади [18]. Фикримизча, ушбу топонимни дастлаб гидроним бўлган, деб ҳисоблаш маъқулроқ. Чунончи, Урал дарёсининг чап irmoғи Илек ёки Илек суви, Тожикистонда Душанбе шаҳрининг шимоли-шарқидаги сой Оби Илоқ (ҳозирда Элак) деб юритилади. Шунингдек, Жўнғория текислигидаги Или дарёси Маҳмуд қошғарийнинг «Девону луғатит турк» асарида ва ўрта аср манбаларида Ила ёки Ила суви тариқасида қайд этилади [19]. Бу маълумотлар эса Илак, Илек, Ила номларининг ўзаги битта эканлигини ҳамда қадимги туркчада дарё ва irmoқларга нисбатан қўлланилганини кўрсатади.

Тункет — илк ўрта асрларда Илоқ (Оҳангарон) водийсининг бош шаҳри. Ушбу шаҳар номи илк маротаба VI–VII асрларга тааллуқли тангаларда Туноқанда шаклида учрайди [20]. Маҳмуд Қошғарий Тункет шаҳри ҳақида шундай ёзади; «Самарқанд — Семизканд, Тошканд — Шош, Ўзканд, Тунканд номларининг ҳаммаси туркчадир» [21]. Э. Умаров фикрича, Тункат асли *Тўнкат* бўлиб, қадимги туркча *тўн* «тўнғич, биринчи» + *кат* (*кант*) «шаҳар» сўзларидан ташкил топган ва луғавий жиҳатдан «биринчи шаҳар» маъносидадир [22]. Дарвоқе, *Тункат* шаҳри Илоқ водийсининг биринчи даражали шаҳри бўлган ва бу ерда IX–X асрларгача пул зарб қилинган.

Жабғукет — илк ўрта асрларда Бинкет (Тошкент)дан 2 фарсах (13–15 км) юқорида бўлган шаҳар бўлиб, «Худуд ал-олам»да (246-варақ) ва Муқаддасийнинг «Аҳсан ат-тақосим фи маърифат ал-ақолим» (X аср) асарларида қайд қилинган [23]. В. Бартольд тахминича, собиқ Ниёзбек қалъаси ўрнида бўлган ушбу шаҳарнинг номи туркийча *ябғу* (*жабғу*) унвони билан боғлиқ бўлиб, луғавий жиҳатдан «Жабғу шаҳри» деган маънони билдиради [24]. Жабғукет Шош воҳаси Турк хоқонлиги таркибига кирган пайтда (VI–VII асрлар) турк ҳукмдорлари қароргоҳи сифатида пайдо бўлган, деб ҳисобланади.

Хотункет — илк ўрта асрларда Бинкет (Тошкент)дан 2 фарсах (13–15 км) юқорида бўлган шаҳар. Араб географларидан Истахрий «Масолик ал-мамолик» (X аср), Ибн Ҳавқал «Китоб сурат ал-арз» (X аср) ва Муқаддасий асарларида тилга олинган [25]. Тадқиқотчилар фикрича, шаҳар номи қадимги туркча *хотун* унвони билан алоқалидир [26]. Ушбу шаҳар Шош воҳаси Турк хоқонлиги таркибига кирган пайт (VI–VII асрлар)да турк ҳукмдорлари қароргоҳи, аниқроғи хоқонлик хонадонига мансуб маликанинг қароргоҳи сифатида пайдо бўлган.

Маърузада *Соблиқ*, *Қалас* (Келес), *Чатқал*, *Наҳри Турк* ва *Олмалиқ* топонимларининг келиб чиқиши тадқиқ этилган.

Шунингдек, IX–XI асрларга тааллуқли араб-форс географлари асарларида Арпалиғ, Намудлиғ, Итлик, Неқалиқ каби Чоч воҳасига тааллуқли катта-кичик шаҳарлар эслатиб ўтилади. Тадқиқотчилар уларнинг аксариятини туркий характерли топонимлар деб ҳисоблайдилар [27]. Булар қаторига Ардланкет, Барскет, Туккет сингари шаҳарларни ҳам қўшиш мумкин.

Ушбу топонимларни таҳлил қилишни кейинги тадқиқотларимизга қолдирган ҳолда, шуни айтиш мумкинки, илк ўрта асрларда Чоч воҳасида мавжуд бўлган топонимларнинг салмоқли бир қисмини туркий номлар ташкил қилган. Бу эса илк ўрта асрлар Чоч тарихи бўйича қуйидагича хулосалар чиқаришга имкон беради;

- ушбу топонимларнинг бир қисми милоднинг дастлабки асрларига тааллуқли эканлиги қадимдан воҳа аҳолисининг бир қисмини туркий этнослар ташкил қилганлигини кўрсатади;

- илк ўрта асрларга келиб Чоч воҳасида туркийча шаҳар номлари кўплаб учрай бошлаши бу даврда туркийларнинг ўтроқлашуви жадал кечганлигига гувоҳлик беради;

- VI асрнинг иккинчи ярмидан – VIII асрнинг иккинчи чорагигача Чочнинг Турк хоқонлиги таркибида бўлиши ҳам воҳада туркий топонимларнинг вужудга келишига замин ҳозирлайди;

- VII асрнинг иккинчи чорагида Чочда туркий тудунлар сулоласининг ташкил топиши ва ушбу сулоланинг то VIII аср ўрталаригача бу ерда етакчилик қилиши, шунингдек, воҳанинг бир неча қисмида туркий ҳокимликларнинг пайдо бўлиши натижасида туркий жой номлари сонининг ортишига шароит яратилади;

- илк ўрта асрларда туркий-суғдий компонентли топонимларнинг вужудга келиши бу даврда Чоч воҳаси турк-суғд симбиози фаол кечган ҳудудлардан бири бўлганлигини кўрсатади.

Изоҳлар:

1. Rtveladze E. V. *Pre-Muslim Coins of Chach // Silk Road Art and Archaeology*, 5, Kamakura 1997/98, p. 308-309
2. Буряков Ю. К истории раннесредневекового Чача // *O'zbekiston tarixi*, №3, 2002, с. 11
3. Мукминова Р. Г., Филанович М. И. *Ташкент на перекрёстке истории*. Ташкент, 2001, с. 17
4. Rtveladze E. V. *Pre-Muslim Coins of Chach*.
5. Муҳаммаджонов А. *Қадимги Тошкент*. Тошкент, 1988, 52-б.
6. Ҳасанов Х. *Географик номлар сири*. Тошкент, 1985, 99-б.
7. Абу Райхан Бируни. *Индия*. Избр. Произ. Том. II, Тошкент, 1973, С. 471; Шониёзов К. *Қанғ давлати ва қанғлилар*. Тошкент, 1990, 49-б.
8. Ҳасанов Қ. *Ўрта Осиё жой номлари тарихидан*. Тошкент, 1965, 37-бет

9. Маҳмуд Кошғарий. Девону лугатит-турк. 1-жилд (Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов). Тошкент, 1960, 414-б.
10. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II, М. -Л., с. 273, 288; Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции. вып. 6. СПб, 1903, р. 140-142
11. Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux, р. 140.
12. Ҳасанов Ҳ. Ўрта Осиё жой номлари тарихидан., 38-б.
13. Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974. С. 25
14. Menchen-Helfen O. The World of the Huns. Berkeley, 1973, р. 372-373, п. 100
15. Мукминова Р. Г., Филянович М. И. Ташкент на перекрёстке истории. Ташкент, 2001. С. 17
16. Буряков Ю. К истории раннесредневекового Чача, с. 14
17. Андреев М. С. Местности Туркестана, Интересные в археологическом отношении // Среднеазиатский вестник. Ташкент, 1896, с. 16-28; Шониёзов К. Қанғ давлати ва қанғлилар. Тошкент, 1990, 52-б., 59-изоҳ
18. Севортян Э. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 346; Дўсимов З., Эгамов Х. Жой номалариинг қисқача изоҳли лугати. Тошкент, 1977, 115-б.
19. Маҳмуд Кошғарий. Девону лугатит-турк. 3-жилд, 253-б.; Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1, М., 1973, с. 109,131
20. Ртвеладзе Э. В. Монеты Тунуканда (Тунката) и других владений // Нумизматика Центральной Азии, VI, Ташкент, 2002, с. 46-47
21. Маҳмуд Кошғарий. Девону лугатит-турк., 3-жилд, 164 бет
22. Умаров Э. Этюды по древнетюркской ономастике // Ўрта Осиё археологияси, тарихи ва маданияти. Халқаро илмий конференция маърузалари тезислари. Тошкент, 2002, с. 114
23. BGA (Bibliotheca geographorum arabicorum. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni-Bataavorum, 1967), III, 264
24. Бартольд В. В. Сочинение. т. I, М., 1963, с. 230; Қораев С. Географик номлар маъноси., Т., 1978, 52-б.
25. BGA, I, 330, 345; BGA, II, 386, 405; BGA, III, 486, 264
26. Қораев С. Географик номлар маъноси., 140-бет
27. Буряков Ю. К истории раннесредневекового Чача, с. 16

Городская цивилизация и кочевая степь: еще раз о характере взаимодействий

Взаимодействие оседлых и кочевых народов – важнейшая черта исторического развития среднеазиатской цивилизации, одна из ключевых проблем исторической науки; этой теме посвящено немало трудов, подчас противоречивых. Публикации последнего десятилетия, представляющие самые разнообразные точки зрения, позволяют оценить современную позицию ученых в отношении этой проблемы. Если исследователи, оторванные от реалий современной региональной науки, до сих пор придерживаются негативных оценок (напр., С. Хмельницкий: «Несчастьем, если не проклятием средневековой цивилизации Средней Азии было сосуществование двух недружественных укладов – кочевого и оседлого» [1], то среднеазиатские ученые уже давно перешли к позитивным (см.: К. Байпаков: «город и степь – не два антагонистических мира, а его экономическая база» [2, с. 9], Р. Мукминова: «основой взаимоотношений оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов были мирные торгово-хозяйственные контакты» [2, с. 51], Т. Ширинов: «отношения имели преимущественно позитивный характер» [2, с. 36], М. Пардаев: «чаще в форме мирного сотрудничества, чем конфронтации» [2, с. 56] и т. п.). Данная тема рассматривалась и в аспекте различных исторических периодов (древность, античность, средневековье), и в обобщающем, культурологическом плане, и в плане этнических взаимодействий; одни авторы отмечали влияние города на степь, другие – степи на город. Но, несмотря на многогранность охвата темы, во всех случаях речь идет большей частью о торговых или военных контактах, обмене продуктами производства, культурном влиянии города на степь. Степь рассматривается преимущественно как реципиент цивилизованной городской культуры, поставщик

сырья, вооружения, а город — как поставщик идей (религиозных, художественных и проч.), продуктов земледелия и ремесла; что касается культурного влияния степи на город, то этот вопрос, как правило, не рассматривается вовсе, в силу традиционного непризнания за степью способности быть лидером в гуманитарной сфере. Между тем, анализ исторических и художественных процессов позволяет с новой точки зрения взглянуть на роль степных народов в формировании среднеазиатской цивилизации в целом и урбанистической культуры, в частности.

Античность: у истоков сложения Великой Кушанской империи, по уровню своего развития не уступавшей Риму и Ханьскому Китаю, находились степные кочевые племена. Юэчжи стремились «перенять» особенности городского образа жизни (возводили дворцы, чеканили монеты и проч.), однако были не только «ассимилированы высокоразвитой городской культурой» [2, с. 46], но и выступали как активная доминанта ее развития. Именно с юэчжами связано развитие одного из ведущих направлений античного искусства — династийного, ярким примером которого является дворцовый комплекс Халчаян (I в. н. э.). Его великолепная скульптура, которую отличает выразительность и точность линий, полна сюжетов и образов, связанных с реалиями степной жизни (сцены сражений и охоты, образы воинов); она является отражением восприятия степняками развитой эллинистической художественной традиции, привнесшей в условное по стилю и зооморфное по кругу образов степное искусство черты реализма и антропоморфизма. Аналогичная ситуация складывалась в Хорезме и Парфии, урбанистически развитых регионах, где к власти также пришли представители степных кочевых племен; как и в Бактрии, в искусстве античного Хорезма и Парфии ярко просматривается влияние степного мира.

Раннее средневековье. Значительна роль степных кочевых народов в развитии городской культуры в эпоху Тюркского каганата: инфильтрация кочевого населения ведет к укрупнению городов, причем во главе некоторых стоят тюркские правители, что не

могло не отразиться на эстетических приоритетах; исследователи отмечают также «активный процесс урбанизации в кочевых районах (Южный Казахстан, Семиречье)» [3, с. 61]. В научной литературе до сих пор превалирует точка зрения о преимущественном культурном влиянии согдийцев на тюрков. Действительно, оно было значительным, проявилось в различных сферах духовной жизни (формирование уйгурской письменности и проч.), однако трудно согласиться, например, с тем, что «иранские и согдийские ремесленники оказали значительное влияние на развитие торевтики кочевых народов; заимствовалась технология изготовления художественного металла, изобразительные сюжеты и мотивы орнаментации» [2, с. 68], ведь в среде кочевых племен торевтика изначально была высокоразвитым видом ремесла. Тюркская торевтика – достижение самих тюрков, ее генезис связан с традициями степного искусства. Это становится ясно, если сравнить стилистику стенных согдийских росписей, иранской торевтики и торевтики тюрков. Если для согдийских и иранских памятников характерны традиционная условность, статичность изображений, то тюркским присущ реализм и верность натуре. Именно тюркская торевтика оказала значительное влияние на художественный металл согдийцев и иранцев, обогатив его сюжетами, связанными с реалиями жизни степи. Значителен «степной» компонент и в «городских» памятниках Уструшаны, Ферганской долины, Восточном Туркестане.

В эпоху *мусульманского средневековья* политическая власть в регионе, после некоторого перерыва, вновь переходит в руки тюркских династий, представителей степного кочевого мира (Сельджукиды, Караханиды и проч.). Одновременность процессов «мусульманского ренессанса» и «тюркского внедрения» (К. Босворт) дает возможность заметить, что кочевники-тюрки, принявшие ислам, не только привносят в города собственные художественные традиции (керамика, торевтика), но и в значительной степени стимулируют развитие исламского искусства; именно с их приходом происходит становление нового облика художественной культуры.

Так, геометризм, лежащий в основе тюркского средневекового искусства и система геометрического орнамента в исламском искусстве (гирихи) не могут не вызывать желания для проведения широких аналогий. Общеизвестна также роль племенных и тамговых знаков кочевых племен в сложении кирпичного архитектурного декора раннеисламских памятников. Что касается мусульманского растительного декора, то его классические элементы имеют различный генезис – от Китая до Византии, и этот широкий диапазон также наталкивает на мысль о причастности тюрков, исторически выступавших как посредники между разными странами, к его сложению. Мировосприятие, воспитанное степной культурой, четко прослеживается и в миниатюре.

В период *позднего средневековья* вновь наблюдается активное внедрение кочевников «не только в сельские, но и в городские центры» [3, с. 63], и вновь кочевники не просто ассимилируются городской культурой, но вносят определенный вклад в ее развитие. Последний четко прослеживается по памятникам искусства: керамика Гурумсарая (ее декор возник под влиянием «кочевнических» бесфоновых узоров), некоторые виды ювелирных изделий Бухары (тумор, бибишак), ювелирная школа Хорезма и проч.

В целом урбанистическую культуру Узбекистана, как и Средней Азии в целом, нельзя рассматривать вне культуры степного кочевого мира; корни роста городов и городской культуры зачастую связаны со степью. В различные исторические периоды кочевники, переходя к оседлому образу жизни, способствовали сложению развитых городских цивилизаций. В свое время еще Наршахи в «Истории Бухары» отмечал, что именно с кочевниками, перешедшими к оседлому образу жизни, связан рост городов Бухарского оазиса. При этом они не только воспринимали культуру земледельцев, но выступали как активная доминанта ее развития. Следует также отказаться от стереотипа, что «средневековая городская цивилизация была преимущественно таджикской» [3, с. 88], тюркам городская среда обитания была

столь же присуща, как и степные кочевья. Более того, кочевым народам исторически принадлежала катализирующая миссия: факты не раз свидетельствовали о том, что с вливанием кочевников в города происходила активизация общественных и художественных процессов.

Примечания:

1. Хмельницкий С. Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – нач. XIII вв. Берлин – Рига, 1996.
2. Цивилизация Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность. Тезисы докладов Международной научной конференции. Самарканд, 2002.
3. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Сборник статей. М., 1990.

К вопросу о локализации некоторых кварталов средневекового Самарканда

В историко-биографическом сочинении «Ал-Канд фи зикр 'улама' Самарканд» («Сладкое в познании ученых Самарканда»)¹, написанном на арабском языке известным среднеазиатским ученым-энциклопедистом Наджм ад-дином Абу Хафсом 'Умаром ибн Мухаммадом ан-Насафи ал-Матуриди (460 – 537/1068 – 1142), приводятся ценные сведения по исторической топографии средневекового Самарканда. Сведения ан-Насафи о Самарканде представляют интерес потому, что он провел в этом городе большую часть своей жизни и, следовательно, хорошо знал его топографию.

Всего в сочинении ан-Насафи приводятся сведения о 15 кварталах (*махалла*)² Самарканда:

*Баб-Дастан*³. По данным ас-Сам'ани он был смежным с кварталом Уштабдиза, который находился у городской стены⁴.

*Варсанин*⁵. По данным ас-Сам'ани, этот квартал назывался также Варсанан и Йаркас⁶. Йакут называет Варсанин кварталом 'или селением'⁷. Ал-Истахри упоминает ворота Варсанин в стене рабада⁸. В самаркандском документе XVI в. упоминается квартал Варсин, расположенный в пригороде Самарканда темуридского времени⁹.

*У начала моста Гатифар*¹⁰. По данным ас-Сам'ани, это был большой и красивый квартал, расположенный в самом городе¹¹. Квартал с кладбищем Гатифар упоминается также в персидской версии сочинения ан-Насафи¹², а также в сочинении Абу Тахира Ходжи (Ку-и Гатифар)¹³ и вакфном документе XI в.¹⁴ В Самаркандском документе XV в. упоминается улица Ку-йи Пул-и Гатифар, расположенная близ ворот Шейх-заде¹⁵.

Начало Дававанак, в нем находится улица Мукатил¹⁶.

Дарвазача, в нем находится улица Растудж, в конце которой находится мечеть Изз¹⁷.

*Кайджундак*¹⁸.

*У реки (нахр) ал-Кассарин*¹⁹, в нем находилась мечеть напротив ханакаха. Этот же квартал упоминает и ас-Сам'ани²⁰.

*Магудиза*²¹. Согласно персидской версии, в нем находилось кладбище, в котором была могила 'Али ибн Исхака ал-Хантали²².

*Майдан*²³, в нем было кладбище²⁴. Он находился недалеко от соборной мечети и квартала Шухнак²⁵.

Тахуна, в нем была улица Иладж Бун²⁶.

*Уштабдиза*²⁷. По данным ас-Сам'ани, это большой квартал у городской стены, смежный с кварталом Баб-Дастан²⁸.

Фагафах, в нем находилось кладбище Мухаммада ибн Абды²⁹. Абу Тахир Ходжа упоминает местность Фана фатх внутри крепости Искандара, где находился квартал Мулийан с мавзолеем Ходжи Абди Дарун³⁰.

*Фагидиза*³¹. Ас-Сам'ани дает чтение Фагидаз³², а Йакут — Фагандара³³.

*Фарахи (Ифрахи) Амир Наванд*³⁴ или просто *Амир Наванд*³⁵. Ас-Сам'ани упоминает квартал Баб Наванд³⁶.

Шухнак, около соборной мечети, недалеко от квартала Майдан³⁷.

Из всех этих кварталов 8, а именно: Дававанак, Дарвазача, Кайджундак, Магудиза, Майдан, Тахуна, Фагафах и Шухнак, в других источниках не упоминаются. Кроме того, в квартале Нахр ал-Кассарин, согласно ан-Насафи, находилась мечеть напротив ханакаха, а квартал Баб Наванд назывался Фарахи (Ифрахи) Амир Наванд, которые также в других источниках не упоминаются. Следовательно, данные ан-Насафи о них являются уникальными.

Названия трех кварталов, а именно, Магудиза, Уштабдиза и Фагидиза, имеют в своем составе компонент *диза*, указывающий на то, что в доисламское время они находились за пределами старого города и представляли собой пригородные сельские поселения расположенные вокруг крепости или укрепленного замка владетеля³⁸. Впоследствии они слились с городом и превратились в его кварталы, но их старые названия сохранились, свидетельствуя об их загородном происхождении³⁹.

Квартал Уштабдиза, согласно ан-Насафи, находился у городской стены около квартала Баб-Дастан. Первый компонент в его названии — *уштаб*, по всей вероятности, указывает на то, что он может иметь отношение к буддизму. О распространении в Согде буддизма в эпоху раннего средневековья есть указания письменных источников⁴⁰, которые подтверждаются археологическими данными⁴¹.

По данным Ибн ал-Факиха, в VII-VIII вв. в окрестностях Балха находился храм Наубахар, главный купол которого назывался ал-Ашбат. По величине этот купол составлял приблизительно 100 локтей и имел по своему периметру круглые галереи. На вершине этого купола были установлены огромные флаги⁴². Название «ал-Ашбат» является искаженной формой слова *уштаб*, которое в свою очередь, является арабизацией санскритского слова «ступа». Недалеко от селения Наубахар, расположенного в окрестностях Балха на берегу канала Джу-и Кызыл Рабат, выведенного из реки Балхаб до сих пор возвышается огромная сырцовая руина, которая является остатками главной ступы раннесредневекового храма Наубахар⁴³. Есть основания предполагать, что и в самаркандском квартале Уштабдиза в доисламское время был расположен буддийский храм, от названия главной ступы которого, возможно, и получил свое название этот квартал. Его соседство с кварталом Баб-Дастан⁴⁴ и городской стеной косвенно указывает на то, что он непосредственно примыкал к доисламскому городу, т. е. городищу Афрасиаб.

Предполагается, что самаркандский *намозгох* (араб. *ал-мусалла*), т. е. загородная мечеть для праздничных молитв, расположенная в местности к западу от Афрасиаба, была построена на месте буддийского храма (*бехар*⁴⁵), по имени которого назывались западные ворота Самарканда — Наубахарские⁴⁶, находившиеся в южном конце западной городской стены⁴⁷. По некоторым данным, соборная мечеть Самарканда домонгольского времени, расположенная к западу от цитадели, также была построена на месте капища идолопоклонников⁴⁸.

Эти данные свидетельствуют о том, что в западной или северо-западной части городища Афрасиаб был расположен буддийский культовый центр раннесредневекового Самарканда. Исходя из этих данных, есть основания предполагать, что средневековый квартал Уштабдиза, упоминаемый в письменных источниках, находился именно в западной части Афрасиаба, или прилегающей к нему загородной территории. В доисламское время здесь, по всей вероятности, компактно проживали идолопоклонники, т. е. буддисты, поклонявшиеся своим святыням. После арабского завоевания его жители приняли ислам, но следы их прежней религии сохранились в названии квартала, в котором они проживали⁴⁹.

Буддийская ступа *уштаб*, скорее всего, могла находиться на месте намозгоха, поскольку соборная мечеть средневекового Самарканда была расположена на территории самого города, а квартал Уштабдиза, судя по всему, находился за его пределами. Однако, его восточная граница могла непосредственно примыкать к городской стене и находиться по соседству с кварталом Баб-Дастан.

Квартал Магудиза, на территории южного пригорода Самарканда⁵⁰. Первый компонент его названия *маг*, возможно, связан с *магами* или *мугами*, как среди народа называли огнепоклонников. В арабских источниках для их обозначения использовался термин *ал-маджус*, что является арабизированной формой того же слова *маг*. В XII в. ас-Сам'ани упоминает в

Самарканде улицу (*сикка*) ал-Маджус, т. е. Огнепоклонников⁵¹. По данным ал-Истахри, с южной стороны через Кешские ворота в Самарканд входил высокий навесной канал (или акведук), установленный на аркадах и покрытый свинцом⁵². Это сложное и дорогостоящее ирригационное сооружение круглый год охранялось огнепоклонниками (*ал-маджус*), за что с них не взималась подушная подать (*джизья*)⁵³. Возможно, что улица, тянувшаяся снизу вдоль этого канала с юга в северном направлении, где жили огнепоклонники⁵⁴, и называлась ал-Маджус, что могло быть арабской калькой местного названия квартала – Магудиза.

Квартал Нахр ал-Кассарин, судя по его названию, находился у реки или проточной воды (*нахр*), где проживали белильщики тканей (*ал-кассарин*). Такое же название в X в. носила река, бравшая начало из гор Сийам, и протекавшая около южных городских ворот средневекового Кеша⁵⁵, т. е. Аксударья⁵⁶. Самаркандский квартал Нахр ал-Кассарин упоминается только в источниках XII в.; следовательно, он должен был находиться уже на территории нового города, расположенного в южном пригороде раннесредневекового Самарканда, т. е. городища Афрасиаб, куда к этому времени уже переместился центр городской жизни. Что касается самаркандской реки Нахр ал-Кассарин, около которой находился квартал белильщиков тканей, то этой рекой, по всей вероятности, был один из 4 каналов, протекавших в южном пригороде Самарканда⁵⁷. Конечной целью ремесла белильщиков тканей, так же как и любого другого вида ремесел, всегда являлся базар, где ремесленники могли бы сбывать свою продукцию или оказывать свои услуги населению. Следовательно, квартал белильщиков тканей должен был находиться не только на берегу проточной воды, но и недалеко от базара. Из всех городских каналов Самарканда для этой роли больше всего подходит Музахин (Навадан), протекавший совсем недалеко от площади Регистан⁵⁸. В XII в. в этом районе был расположен крупнейший торгово-ремесленный центр Самарканда⁵⁹, где среди множества других имелись также *тимы* и крытые торговые ряды (*сафф*) продавцов

тканей «карбас»⁶⁰, с которыми, по роду своей профессиональной деятельности, вероятно, и должны быть связаны белильщики тканей.

Местоположение квартала Тахуна, вероятно, также должно быть связано с одним из самаркандских каналов, так как его название (*тахуна*) в переводе с арабского означает «мельница». Можно предположить, что жители этого квартала занимались производством муки, и сами же пекли хлеб на продажу. Следовательно, этот квартал также должен был находиться недалеко от базара в районе площади Регистан, где в XII в. среди множества прочих имелись также специализированные торговые ряды хлебопеков⁶¹. Однако, с большей степенью вероятности название квартала Тахуна можно связывать не с мучными, а с так называемыми «бумажными» мельницами, т. е. мельницами, использовавшимися в процессе изготовления бумаги⁶². Известно, что производство знаменитой самаркандской бумаги было начато в Самарканде начиная с середины VIII в.⁶³, после чего в течение многих веков весь мусульманский мир обеспечивался ее высококачественной продукцией вплоть до середины XIX в.⁶⁴. Перед самым русским завоеванием на берегу арыка Сиаб, в месте, где в него впадал Аб-и Машхад, в районе моста Абдуллахана на отводных от Сиаба арыках были расположены в огромном количестве бумажные мельницы и склады материала для выделки бумаги. Эта местность была единственной в Самарканде, где находились бумажные мельницы⁶⁵. Вполне вероятно, что название Тахуна в средние века носил именно этот квартал, в котором были расположены дома и мастерские производителей знаменитой самаркандской бумаги.

Таким образом, сведения о кварталах средневекового Самарканда, содержащиеся в сочинении «ал-Канд» Абу Хафса ан-Насафи, значительно дополняют и уточняют данные других средневековых источников о развитии его городской структуры. Сочинение ан-Насафи содержит еще не изученные сведения по исторической топографии средневекового Самарканда. Исследование этих новых

материалов и введение их в научный оборот является одной из наиболее актуальных проблем отечественной исторической науки.

Примечания:

1. Единственная неполная рукопись этого сочинения хранится в библиотеке Сулеймания в Стамбуле (*Turhan Valide*, 70. L. 1 R – 198 R). Его сокращенная версия (Мунтахаб ал-Канд), составленная учеником ан-Насафи Абу-л-Фадлом Мухаммадом ибн Абд ал-Джалилом ас-Самарканди, хранится в Национальной библиотеке в Париже (*Arabe*, 6284. L. 1 V – 75 R) (далее Мунтахаб ал-Канд). Стамбульская рукопись была издана дважды: Назар Мухаммадом ал-Фарйаби (Мадина: Мактабат ал-Каусар, 1412/1991) и Йусуфом ал-Хади (Техран: Айина-и Мирас, 1420/1999). В данной работе нами было использовано издание Назар Мухаммада ал-Фарйаби (далее: Ан-Насафи).
2. В источниках IX – начала XIII вв. термином махалла обозначались как городские, так и пригородные жилые кварталы Самарканда. См.: Куренной В. Н. Рабады в свете общей проблематики среднеазиатского города VII-XII вв. // *Средневековые города Средней Азии и Казахстана*. Л., 1970. С. 62 – 63. В позднесредневековых источниках термин махалла применяется уже только в значении «пригород» и противопоставляется термину балда (т. е. «город»). Самаркандские махаллат располагались между внешними крепостными и древними городскими стенами. См.: Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XV в. По материалам «Вақфнаме». Ташкент, 1966. С. 79.
3. Ан-Насафи. С. 188, № 306; 265, № 467, 482, № 896.
4. Абу Са'д 'Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам'ани. *Ал-Ансаб* / Изд. 'Абд ар-Рахмана ал-Му'аллими ал-Йамани. В 10 томах. Байрут: Мухаммад Амин Дамадж, 1980 – 1981 (далее: Ас-Сам'ани). Т. 1. С. 265; Т. 2. С. 8.
5. Ан-Насафи. С. 195, № 320.
6. *The «Kitab al-ansab» of 'Abd al-Karim as-Sam'ani / Reproduced facsimile from the manuscript of the Br. Museum with an introduction by D. Margoliouth*. London, 1912 (further: *As-Sam'ani*). L. 596 R.
7. Йакут ал-Хамави. *Му'джам ал-булдан*. В 8 томах. Ал-Кахира, 1906 (далее: Йакут ал-Хамави). Т. 8. С. 415.
8. *Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Viae regnorum / Ed. M. J. de Goeje*. BGA. Pars 3. Lugduni-Batavorum, 1967 (further: *Al-Istakhri*). P. 317.
9. Самаркандские документы XV-XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане) / Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович). М., 1974 (далее: Самаркандские документы). С. 346.
10. Ан-Насафи. С. 200, № 331; 345, № 618.

11. Ас-Сам'ани. Т. 7. С. 10; Т. 9. С. 112 – 113.
12. Кандия Малая / Пер. с фарси, предисл. и прим. В. Л. Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 8. Самарканд, 1906 (далее: Кандия Малая). С. 265, 277.
13. Абу Тахир Ходжа. Самария. Описание древностей и святынь Самарканда / Пер. с перс. В. Л. Вяткина // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 6. Самарканд, 1898 (далее: Абу Тахир Ходжа). С. 180.
14. В документе XI в. дается несколько иное чтение – 'Ахира, что, по всей вероятности, следует читать как Гатифар, и отмечается, что здесь находился базар Самаркандского Согда. См. : Khadr M. Deux actes de waqf d'un Qarahanide d'Asie Central avec un introduction par Claude Cahen // Journal Asiatique. Paris, 1967. Т. CCLV. P 326.
15. Самаркандские документы. С. 188.
16. Ан-Насафи. С. 276, № 491; Мунтахаб ал-Канд. Л. 33 V, 34 R.
17. Ан-Насафи. С. 404, № 740. Название Дарвазача в переводе с персидского означает «маленькие ворота». В средневековой Бухаре упоминаются ворота (баб) Дарвазача, около которых был расположен базар (сук) с таким же названием, который находился около Самаркандских ворот (См. : Al-Istakhri. P. 309). Возможно, что и самаркандский квартал Дарвазача находился около однопименных ворот, расположенных в стене внутреннего города, и предназначенных не для прохода вьючного транспорта, а только для пешеходов.
18. Ан-Насафи. С. 345, № 618.
19. Мунтахаб ал-Канд. Л. 20 V.
20. Ас-Сам'ани. Т. 10 С. 345.
21. Ан-Насафи. С. 369 – 370, № 671.
22. В персидской версии дается чтение Маудиза, что, на наш взгляд, является ошибкой переписчика, поскольку в согдийском и тюркском языках звука, а следовательно и буквы айн не имеется. См. : Кандия Малая. С. 264.
23. Ан-Насафи. С. 470, № 871.
24. Там же. С. 172 , № 278.
25. Там же. С. 187, № 304.
26. Там же. С. 418, № 768.
27. Там же. С. 118, № 190; Мунтахаб ал-Канд. Л. 23 R.
28. Ас-Сам 'ани. Т. 1. С. 265. См. также: Йакут ал-Хамави. Т. 1. С. 254.
29. Ан-Насафи. С. 425, № 783.

30 Абу Тахир Ходжа. С. 49.

31 Ан-Насафи. С. 363, 659; 507, № 934.

32 Ас-Сам'ани. Т. 9. С. 320.

33 Йакут ал-Хамави. Т. 6. С. 387.

34 Ан-Насафи. С. 411, № 754.

35 Ан-Насафи. С. 47, № 52. В другом месте ан-Насафи называет улицу (сиккат) Амир Наванд. См. : Ан-Насафи. С. 275, № 480.

36 Мунтахаб ал-Канд. Л. 572 V. См. также: Йакут ал-Хамави. Т. 8. С. 328.

37 Ан-Насафи. С. 187, № 304. Помимо этих кварталов ан-Насафи упоминает также нисбы, образованные от названий самаркандских кварталов, известных из других источников. К таким относятся нисбы ал-Бабкисси, образованная от названия квартала Баб Кисс (Ан-Насафи. С. 523 – 524, № 972). Нисба ал-Ганджараки, возможно, также относится к одному из кварталов Самарканда по названию Ганджарак, один из носителей которой жил по улице Ибн Нукран (Ан-Насафи. С. 45–46, № 49), а другой слушал лекции в медресе Дар ал-Джузджаниййа (Ан-Насафи. С. 37, № 33).

38 Наличие согдийского топоформанта диз или диза, означающего «замок, крепость, укрепление», указывает на то, что в доисламское время эти крепости с поселениями являлись центрами отдельных феодальных уделов, возглавляемых так называемыми кадиварами, т. е. мелкими дихканами, занимавшими более низкую ступень в местной аристократической иерархии. Дресвянская Г. Я. К районированию археологических памятников раннего средневековья. // Общественные науки в Узбекистане, 1985, № 10. С. 29.

39 В средневековом Самарканде домонгольского времени было еще три квартала и улицы, имевших в составе своих названий компонент диза: Сангдиза, Джакардиза и Кушандиза, первые два из которых определенно были расположены за пределами раннесредневекового города.

40 О распространении буддизма в Самарканде в VII – начале VIII вв. имеются указания китайских исторических хроник и буддийских паломников Сюань-Цзана и Хой Чао. (См. : Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М. : Наука, 1992. С. 436 – 438). В одном из согдийских документов начала VIII в. с горы Муг (В – 7 Verso) упоминается буддийский монах (sraman). См. М. Исхоков. Унутилган подшоликдан хатлар. Филология. (Сугд хужжатларидан таржималар). Ташкент: Фан, 1992. 55, 57 бетлар.

41 В долине Санзара (Самаркандская обл.) было открыто культовое сооружение I-III вв. н. э. ; в нем были крупные бронзовые статуи Будды, вокруг которых стояли бронзовые фигуры сидящих львов. (См. : Литвинский Б. А. Распространение буддизма в Средней Азии. // Центральная Азия в

кушанскую эпоху. Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 1968). В 2-х томах. Т. 2. М., 1975. С. 191 – 198). На городище Сарык-тепа в Яккабагском районе (Кашкадарьинская обл.) найны одна глиняная и одна терракотовая плитки с изображением Будды. См. : Лунина С. Б., Усманова З. И. Терракотовая плитка с изображением Будды из Сарыктепа. // ОНУ, 1990, № 4. С. 65 – 67.

42. Ibn aj-Fakih al-Hamadani. Compendium libri Kitab al-buldan. / Ed M. J. de Goeje. Bibliotheca geographorum arabicorum. Pars 5. Lugdini-Batavorum: E. J. Brill, 1967. P. 323 – 324.

43 Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана. // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969 – 1973 гг. М., 1976. С. 148 – 149.

44 Наличие термина баб (ворота внутреннего города) в составе этого названия указывает на его связь с внутренним городом и на его возможное в нем местонахождение.

45 Этот термин производится от слова vihara, что в переводе с санскрита означает «место поклонения». См. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения в 9 томах. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 215.

46 Название Наубехар (nava vihara – новый монастырь) носил также огромный буддийский монастырь, расположенный в окрестностях Балха, который в эпоху раннего средневековья был крупнейшим буддийским культовым центром всего Тохаристана. См. Камалиддинов Ш. С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. Ташкент, 1996, с. 303 – 308.

47 Вяткин В. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. Ташкент, 1926, с. 12, 18.

48 Кандия Малая, с. 150.

49 В документе XV в. упоминается квартал Даха-йи Хиндуван, расположенный в юго-восточном пригороде Самарканда. (Самаркандские документы, с. 191, 398). Судя по его названию, в прошлом в нем проживали выходцы из Индии. Однако, сведений, указывающих на наличие здесь буддийских культовых сооружений в источниках не имеется.

50 Если бы он находился в северном пригороде, то его название должно было бы фигурировать в более поздних источниках в качестве селения (как, например, Матурид или Сангдиза). К западу от старого города находился квартал идолопоклонников (см. ниже), а к востоку – гора Кухак (Чупан-ата). Следовательно, квартал Магудиза, скорее всего, находился в южном пригороде Самарканда.

51 Ас-Сам'ани. Т. 10, с. 366.

- 52 Этот канал, называвшийся в XII в. «свинцовым потоком» Арзиз (джу-йи Арзиз), был выведен из оросительного канала для орошения шахристана. См. : Кандия Малая, с. 252, 265, 287.
- 53 Al-Istakhri, p. 316.
- 54 Огнепоклонники, вероятно, были жителями прилегающего к каналу квартала, иначе трудно было бы объяснить причину, по которой им как «неверным» было поручено столь ответственное задание, имевшее важное значение для всей общественной жизни мусульманского города.
- 55 Эти южные ворота Кеша назывались Баб ал-Кассарин, т. е. Ворота Чистильщиков. См. : Abu-I-Kasim Ibn Haukal an-Nasibi. Opus geographicum / Ed. M. J. de Goeje. BGA. Pars 2. Lugduni-Batavorum: E. J. Brill, 1967. P. 501.
- 56 Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Сочинения в 9 томах. Т. 1. М., 1963. С. 188.
- 57 Вода поступала в Самарканд с юга и при входе в город растекалась по 4 каналам, а именно, Джакардиза, Музахин (Навадан), Искандергам и Сапграсан (Сангдиза), каждый из которых в свою очередь также делился на два (Кандия Малая. С. 287 – 288).
- 58 Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Болшаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 221.
- 59 Буряков Ю. Ф., Ташходжаев Ш. С. Историческая топография Самарканда XI – начала XIII вв. // Афрасиаб. Вып. 4. Ташкент: Фан, 1975. С. 10 – 12.
- 60 Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. . Ташкент: Фан, 1976. С. 46.
- 61 Khadr M. Deux actes de waqf d'un Qarahaniid d'Asie Central avec un introduction par Claud Cahen // Journal Asiatique. Paris, 1967, t. CCLV. P. 317 – 318. Лавки хлебопеков упоминаются также в документе ХУ1 в., согласно которому хлебопекарня (дуккан нанвай) находилась на базаре Мухаммад Чап, расположенного между медресе Шайбани-хана и воротами Аханин, южнее канала Сийаб. См. Самаркандские документы. С. 315, 388.
- 62 Хабибуллаев Н. Ёрта Осиёда когоз ишлаб чикариш тарихи. Тошкент: Фан, 1992. 60 – 78 бетлар.
- 63 Мукминова Р. Г. К истории производства Самаркандской бумаги в ХУ1 в. // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 155 – 160.
- 64 Мукминова Р. Г. Очерки. С. 95 – 103.
- 65 Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 7. Самарканд, 1902. С. 22.

Семантика архитектуры Темуридского Самарканда

Урбанистическая культура в рамках определенной исторической цивилизации обладает общими, универсальными качествами. Но существование у городов индивидуальных, узнаваемых черт рождает феномен Культуры конкретного Города. Одно из проявлений этого — культурная идентификация жителей определенных городов в средневековом исламском мире, включавшаяся в имя собственное: «бухарец» — ал-Бухари, «термезец» — ат-Термези, «самаркандец» — ас-Самарканди и т. д. В системообразующие компоненты культуры города входит его архитектура, отличающаяся как вид искусства особой глобальностью и долговечностью, открытостью и декларативностью. Обладая знаковым, символическим содержанием, она имеет все свойства культурного текста. На каждом историческом отрезке времени символами города выступают характерные знаковые архитектурные объекты. Они образуют своеобразный семантико-архитектурный код его культуры. Это дает основание для использования в исторических и культурологических исследованиях семантико-архитектурного метода, возможности которого иллюстрирует пример Темуридского Самарканда.

Самарканд Темура

К 60-м годам XIV века, когда Амир Темур пришел к власти в западной части Чагатайского улуса, Самарканд только начинал возрождаться после разрушения монголами. При Чагатайских ханах, принципиально не имевших городов-резиденций, новый Самарканд был лишен царской архитектуры. Для арабского путешественника Ибн Батуты единственным символом города этого времени был мавзолей мученика веры Кусамы Ибн Аббаса, еще при Караханидах провозглашенного святым покровителем Самарканда.

Избрав Самарканд своей столицей, Сохибкиран определил идею его возрождения. Самарканд снова стал Царским Городом. Его первым символом стала грандиозная правительственная цитадель с четырехэтажным дворцом Кук-Сарай. Окольцованный при Темуре оборонительными стенами, Самарканд стал городом-декларацией, символом новой империи. Его новая архитектура была ответом Сохибкирана на цивилизационный вызов евразийских столиц, воплощая рождение самобытного среднеазиатского имперского стиля. Статус мирового города Самарканд выражал огромнейшими арочными порталами и высокими голубыми куполами, изысканным орнаментом из изразцовой майолики, сложным геометрическим гирихом, соединившим звезды, свастику с именами Аллаха, Пророка и исламскими благопожеланиями. Соборная мечеть Самарканда (Биби-ханым) как центральная мечеть империи затмила масштабами современные ей мечети исламского мира.

Уже при строительстве цитадели Сохибкиран делает еще один принципиальный шаг — он переносит на крепостную стену останки шейха Нур ад-Дина Басира, имевшего высший суфийский ранг «Кутб Чахар-Духум (Четырнадцатый столп)» и строит здесь его мавзолей. Будучи хорошо видим из разных сторон города, мавзолей как бы являлся одним из «бастионов» темуровой крепости, освящая власть Сохибкирана над Самаркандом. Позднее недалеко от цитадели был построен мавзолей ученика Нур ад-Дина Басира — Бурхан ад-Дина Сагарджи, чей прах был перенесен сюда из Китая — мавзолей Рухабад. Сооружение этих двух мавзолеев в центре имперской столицы утверждало культ суфийских шейхов в качестве государственного приоритета. Благодаря вниманию правителя, они вместе с мавзолеем шейха Шамс ад-Дина Куляла в Кеше обретали статус главных исламских сакрально-культурных святынь. Отметим, что все три шейха были связаны с тарикатом «сухравардийа», что косвенно указывает на суфийскую традицию, принятую самим Сохибкираном. Почтение царской семьи к суфийским идеалам было продекларировано также сооружением в Самарканде ханака Биби-ханым, Туман-Ага, Мухаммад-

Султана, которые были местом радений и духовного общения суфиев и их последователей.

Принципиальной чертой архитектуры Самарканда при Амире Темуре стало утверждение культа самой царской семьи. В ряду мавзолеев священного мемориала Шахи-Зинда, берущего начало от мавзолея Кусама Ибн Аббаса, были построены мавзолеи родных сестер Сохибкирана и его супруги Туман-ага. А напротив соборной мечети был возведен мавзолеем старшей жены Темура – Сарай-Мульк-ханым. Появление в Самарканде этих архитектурных сооружений, как и строительство фамильного некрополя Темуридов в Кеше, выражало идею духовного союза правящей династии и исламских святых как ее покровителей на земле и небе. Мавзолеи святых и членов царской семьи объединялись в один ансамбль, что давало возможность претендовать фамилии царя на определенную святость. Не случайно погребения Темуридов имеют сегодня в народном сознании все атрибуты культовых мазаров исламских святых.

В последнее десятилетие жизни Амир Темур готовил себе преемником внука Мухаммада-Султана – первого чингизида среди его потомков, имевшего в силу этого все права на верховную власть в тюрко-монгольском мире. Он был объявлен наследником и соправителем Темура. Его имя включено в хутбу и в текст чекана монет. От имени Мухаммада-Султана на продолжении линии «мавзолеем Кутб Чахар-Духум – Рухабад» были построены медресе и ханака, что символизировало духовную связь принца с этими святыми. Но внезапная кончина внука в 1403 году разрушила планы Темура. Однако и после кончины темурид и чингизид Мухаммад-Султан оставался имперским символом, необходимым столице. Дед построил с южной стороны двора медресе и ханаки Мухаммад-Султана склеп с его гробницей. Над склепом возвели монументальный мавзолеем с ребристым темно-синим куполом, известный сегодня как Гур-и Эмир. Образовавшаяся архитектурная ось «Цитадель с Кук-Сараем и мавзолеем Кутб Чахар-Духум» – «Мавзолеем Рухабад» – «Медресе и Ханака Мухаммад-Султана» –

«мавзолей Гур-и Эмир» стала характерным культурным кодом Самарканда Темура. Символическое значение этого хорошо понимали и современники Сохибкирана, несмотря на готовность мавзолея Темура в Кеше, похоронившие его в Гур-и Эмире рядом с внуком.

Самарканд Улугбека

Спустя четыре года после смерти Амира Темура в 1409 году его младший сын Шахрух добился прекращения внутренних распри и признания себя верховным правителем империи Темуридов. В результате этого Самарканд уступил статус имперской столицы Герату и в течение последующих сорока лет был столицей удела сына Шахруха — Мирзо Улугбека. Это был правитель принципиально иной ментальности. Если Темура в основном направлял свою энергию вовне — на завоевания, то Улугбек вовнутрь — на культурную самореализацию.

При Улугбеке Самарканд обрел свой духовный центр, на столетия вперед ставший символом-идентификатором города — Регистан. На центральной площади было выстроено величественное медресе. По своему масштабу этот Дом Знаний сопоставим с самыми крупными имперскими постройками Темура, что утверждало новые государственные приоритеты. Начиная с Улугбека, медресе из сакрально-культурной зоны перемещается в светский центр среднеазиатского города. В Самарканде хорошо сознавалась взаимосвязь между новым медресе и правителем, который лично преподавал здесь. Медресе до наших дней носит имя Улугбека. Когда был казнен сын и убийца Улугбека Абдулатиф, его голову выставили на медресе его отца как символ возрождения традиций Улугбека. Признание доминирующего значения медресе Улугбека на площади выразилось в том, что спустя два столетия весь Регистан перестроили в ансамбль из трех медресе.

Архитектурным противовесом и дополнением медресе на площади служила сооруженная напротив огромная суфийская ханака, купол которой Бабур называл «самым большим в мире».

Это архитектурное противостояние (композиция «кош») отражало реальный дуализм во времена Улугбека классического исламского, естественно-научного образования и мистико-суфийского познания. На южной стороне площади на месте старой соборной мечети были построены новая джума-мечеть и отделанная деревом мечеть Мукатта. На северной – караван-сарай Мирзои, доходы с которого были отписаны в пользу медресе. Эти четыре элемента ансамбля Регистан: медресе и ханака, мечеть и караван-сарай, в своем единстве очень точно передают средствами архитектуры культурный код Самарканда Улугбека.

Беспрецедентным в истории Самарканда было появление при Улугбеке у стен города огромной астрономической обсерватории. Она поражала необычной цилиндрической формой и своей функцией как научного центра по измерению положений звезд и движений светил. Это был культовый символ интеллектуализма правителя и его окружения, выражающий естественно-научные и мистико-астрологические интересы Улугбека. Если персонификация Амира Темура в архитектуре Самарканда произошла через имперские постройки, культовые мемориалы суфийских шейхов и царской фамилии, то Мирзо Улугбека – через медресе и ханаку Регистана, обсерваторию и мавзолей первого руководителя медресе – астронома Казы-заде Руми.

Именно Улугбек завершил строительство Гур-и Эмира и реализовал его как главную сакрально-политическую святыню и некрополь Темуридов. При нем здесь рядом с Амиром Темуром и Мухаммадом-Султаном были погребены останки Сейида Барака, Шахруха и Мираншаха. Улугбек установил нефритовое надгробие Темура, которое соединяет генеалогию Темуридов и чингизидов, возводя ее к халифу Али. До сих пор остается загадкой приписываемая Улугбеку западная пристройка к мавзолею. Она якобы связана с захоронением в западной нише склепа сейида Умара, сына Амира Куляла. Однако еще В. В. Бартольд и А. А. Семенов указали на недостоверность этого факта. Не исключено, что здесь погребен

духовный наставник Улугбека, чьи естественно-научные склонности и суфийско-шиитские идеалы позднее были преданы забвению.

Семантика уничтожения и реставрации архитектуры

Архитектура города всегда динамична и соединяет в себе объекты разных периодов истории. Устойчиво сохраняются те строения, которые не только материально выдерживают время, но и заново перекодируются в последующих культурах, воспринимаясь в их рамках как оберегаемый символ прошлого. Уничтожение или реконструкция объектов архитектуры есть сознательно стремление изменить символический код Города. Нам, например, потому неизвестна домонгольская архитектура Самарканда, что победа Чингиз-хана привела к уничтожению урбанистической культуры Средней Азии и тотальному разрушению городской архитектуры как ее символа и носителя. Конфликт с посттемуридской культурой, невозможность перекодироваться и интегрироваться в нее, привел к гибели таких принципиальных объектов Темуридского Самарканда, как обсерватория и ханака Улугбека, медресе и ханака Биби-Ханым, дворец Кук-сарай, медресе Мухаммад-Султана и др.

В этом смысле реконструкция архитектурных памятников является не просто их восстановлением и консервацией, а востребованием в настоящее семантического содержания духовных, эстетических ценностей прошлого. Обсерватория Улугбека не будет восстановлена как архитектурный объект, к чему многие годы призывает М. С. Булатов, пока она не станет необходима современной культуре, новому культурному коду Самарканда.

Ўрта Осиё хонликларида янги шаҳарларнинг шаклланиш жараёнига доир айрим маълумотлар

Сўнгги Ўрта асрларни қамраб олган XVI–XIX асрнинг биринчи ярми мобайнида Ўрта Осиёда мавжуд қадимий шаҳарлар – Самарқанд, Бухоро, Тошкент, Хива, Қарши, Термез, Урганч қабиларнинг ривожланиши баъзи шаҳарларнинг таназзулга юз тутгани, айтилиши вақтда янги шаҳарларнинг вужудга келиш жараёни билан биргаликда кечди.

Кўрилаётган давр мобайнида Ўрта Осиё худудида янги шаҳарларнинг вужудга келиши таҳлил этилар экан, бу жараёнга хос бир қанча умумий ва хусусий қонуниятлар мавжуд. Улар Ўрта асрлар жамиятининг сиёсий, ижтимоий-иқтисодий, табиий-иқлимий шарт-шароитлари билан узвий боғлиқ кетган. Бундай шарт-шароитлар жумласига ҳудудлардаги табиий-иқлимий ҳолат, дарёлар ирмоқлари оқимининг ўзгариши ва сувсизлик оқибатида айрим ҳукмдорлар даврларида сунъий суғориш системаларининг ривожлантирилиши; сиёсий номутаносибликлар даврида марказий ҳокимиятнинг сусайиши натижасида чекка ерларда сиёсий-иқтисодий марказларнинг шаклланиши; ҳудудий савдо-иқтисодий алоқаларнинг ривожланиши ва бу алоқалар амалга ошириладиган йўллар устида, улар кесишган ерларда янги марказларнинг вужудга келиши; шунингдек, айрим ҳукмдорларнинг иродаси билан янги шаҳарларни барпо этилиши қабиларни киритиш мумкин.

Ушбу масалалар ичида энг асосийларидан бири сифатида, турли воҳа ва уларда шаклланган шаҳарларнинг сув билан таъминланиш

муаммосини кўрсатиш мумкин. Ўрта Осиёнинг тадбиркор ва меҳнаткаш халқи жуда қадим замонлардан бу ҳудуднинг асосий сув томирлари бўлмиш Амударё, Сирдарё, Зарафшон кабиларнинг имкониятларидан ҳар томонлама оқилона фойдаланишга ҳаракат қилганлар. Улардан турли воҳа ва сувсиз ерларда сунъий суғориш каналларини чиқариб суғорма деҳқончилик билан шуғулланганлар. Бу сув иншоотлари бўйида ўз навбатида шаҳарлар бунёд этилган ва мамлакат иқтисодиёти ривожланиб борган. Аксинча, айрим сиёсий, ижтимоий-иқтисодий сабабларга кўра бу суғориш системаларининг таназзулга юз тутиши бу ҳудуд иқтисодий аҳволининг ёмонлашувига, айрим шаҳарларнинг тараққиёти тўхтаб қолиши ва уларнинг йўқлик томон кетишларига олиб келган. Бунинг классик намунасини Ҳива хонлиги шаҳарлари мисолида кузатиш мумкин.

XVI аср бошларида Хоразмнинг йирик шаҳарлари сифатида Вазир, Урганч, Кат, Ҳазорасп ва Хивалар машҳур эди.

Вазир XVI аср биринчи яримларида мамлакатнинг сиёсий маркази вазифасини ҳам ўтаган. Халқ оммасининг Эрон шоҳи ноиблари — доруғаларга қарши кўтарган ҳаракатлари оқибатида Вазирда ҳокимият тепасига келган Элбарс-хонни, тарихчининг ёзишича «хон кўтардилар»¹ ва Вазир бир муддат пойтахт вазифасини ҳам ўтаб турган. Инглиз савдо компаниясининг вакили Антони Женкинсон 1558—1560 йилларда Ўрта Осиёга саёҳати ҳақида ёзар экан, Вазир хусусида қуйидагиларни алоҳида қайд этган эди: «Бутун бу мамлакат фойдаланадиган сув Оксусдан чиқарилган ариқлардан олинадики, бу дарёни қуришига олиб келади; шунинг учун у илгариги даврлардаги каби Каспий денгизига қуйилмайди. Яқин келажакда бутун бу мамлакат талон-тароҳ этилиб, Оксуснинг суви етишмаслиги оқибатида чўлга айланади»². Дарҳақиқат, европалик кишининг башоратона айтган бу сўзлари яқин келажакда амалда нафақат Вазир, балки Хоразмнинг айрим бошқа шаҳарлари мисолида ҳам ўз тасдиғини топди. Бир вақтлар сунъий суғориш системаларининг ривожланганлиги яшнаган шаҳарлар инқирозга юз тута бошлади.

Шаҳарларни боғлаган ва уларнинг хўжалик ҳаётида муҳим ўрин тутган Амударёнинг чап irmoғининг ўз ўзанини ўзгартириши оқибатида бу шаҳарлар сувсизликка дучор бўлдилар³. XVII аср муаррихи Абулғозининг (1603–1664) ёзишича, бу воқеа унинг туғилган йилидан ўттиз йил илгари содир бўлган эди. Оқибатда Урганч сингари Вазир ҳам сувсизликка дучор бўлган эди. Вазир аҳли ҳам Урганч аҳолиси каби шаҳарни бирданига ташлаб кетганлари йўқ. Урганчда бўлгани каби Вазирда ҳам ҳукмдорлар шаҳар ҳаётини бир маромда ушлаб туришга ҳаракат қилганлар. Хусусан, Абулғозининг отаси Арабмуҳаммад-хон, Тук қалъасининг юқорисида бу шаҳарларни сув билан таъминлаган ариқ қаздирган. Бу ҳақида муаррих: «Бизнинг хон Тук қалъасининг юқорисидан бир ариқ қаздириб турурлар. Фақир дунёга келмасиндин бир йил бурун. Мезон бўлганда сақасини кўмарлар эрди. Сувнинг оёғи буйғур борди. Андин Ачи тенгизига борди. Ёлғиз буғдой экилур эрди. Отли киши ўн кунда буғдойнинг тошиндин айланиб кела билмас эрди», – деб қайд этади⁴. 1593 йил Вазирни қамал қилган Бухоро ҳукмдори Абдулла-хон ҳам сувсизликка учраган шаҳарни сув билан таъминлашга ҳаракат қилди. Унинг буйруғи билан – қуриган дарё irmoғи ёқалаб қудуқлар қазилиб, сув масаласи нисбатан ҳал қилинди. Лекин тез орада қаттиқ жазирама оқибатида улар ҳам қуриб қолдилар⁵.

Сувсизликдан таназулга юз тутган шаҳарлар аҳлини янги барпо этилган қалъаларга кўчириш ва янги шаҳарларни барпо этиш ишлари кейинги даврларда ҳам давом эттирилди. Бу жараён Абулғозининг меросхўри Ануша-хон (1663–1687) даврида ўзининг юқори нуқтасига кўтарилди. Бу ҳукмдор сувсизликдан азият чеккан Вазир, Кат шаҳарлари аҳолисини бошқа ерларга кўчириб, улар учун янги шаҳарларга асос солди. Хусусан, бу ҳукмдор даврида Вазир аҳли янги бунёд этилган Кичик Вазирга ва Чигатойга кўчирилган эди. Бу воқеани муаррих қуйидагича шарҳлайди: «Ўша асрда Вазир аҳли икки гуруҳга бўлиниб (шаҳардан) кўчдилар: бир гуруҳ Гурландан шимолроқда қалъага асос солдилар, бошқаси эса ҳозирда Чигатой номи билан машҳур Анбар ва Шоҳобод ўртасида қалъа қуриб, шу ерда жойлашдилар»⁶.

Бу ҳаракатлар бошқа шаҳарларни ҳам сувсизликдан қутқариб қола олмади, уларнинг аҳолиси яшаш жойларини ташлаб кетишга мажбур бўлдилар. Бу шаҳарларнинг ичида энг азими Урганч эди. У Маҳмуд ибн Валининг кўрсатишича «қадимги форслар подшолари давридан» бошлаб Хоразмнинг пойтахти бўлган. Шаҳарнинг мамлакат сиёсий ва иқтисодий ҳаётидаги мавқеи ҳамма даврларда юқори бўлган.

XVI аср 70-йилларига келиб Амударёнинг ўз йўналишини ўзгартириши натижасида бу шаҳар ҳам сувсизликка учраб, мамлакатнинг сиёсий ва иқтисодий ҳаётидаги етакчи мавқеини йўқота борди. XVII аср муаллифи Маҳмуд ибн Вали бу воқеа ҳақида шундай ёзади: «Ҳозирда, Жайхуннинг ундан (Урганчдан – Г. А.) кетиши натижасида пойтахт унга (Хоразмга – Г. А.) тегишли Хивага кўчирилган»⁷. Бу ўринда Хива хони Абулғози-хоннинг ушбу маълумоти диққатга сазовордир. У ёзади: «Биз дунёга келмасдан ўттиз йил илгари Аму суви, Хост минорасининг юқорисини қора айғир тўқайи дерлар, ул ердин йўл ясаб оқиб, Тук қалъасина бориб, Сир тенгизина қуйғон эркандир. Ул сабабдин Урганч чўл бўлубти. Раъият Урганч чўл бўлса ҳам ўлтуруб, хон бошлиқ сипоҳ халқи ёз. Аму сувининг ёқасинда муносиб ерларда экин экиб ўлтуриб, экинни олгандин Урганч борурлар эркандир»⁸. Келтирилган бу маълумотдан Абулғози-хон туғилган – 1603 йилдан 30 йиллар илгарироқ – 1570 йилдаёқ Урганч сувсизликка учраганлиги аён бўлиб, хон бошлиқ сипоҳлар томонидан эса сувли ерда экин экилиши шаҳар иқтисодий ҳаётини бир маромда ушлаб туришга ҳаракат қилинганлиги, шаҳар бирданига ташлаб кетилмаганлигидан далолат беради.

Абулғози-хон 1646 йил Урганч аҳлини улар учун қурилган янги қалъага кўчирди. Янги қалъа бу ерда шаклланган шаҳарга – Янги Урганчга асос бўлди. Бу воқеа ҳақида XIX аср муаллифи қуйидагиларни қайд этади: «У (Абулғози-хон – Г. А.) Урганч аҳолисини кўчирди, Хонқадан ғарбда қалъа қуриб (кўчиб келганларга) кўп ер берди. Ҳозир Урганч – жуда ободонлаш-

тирилган ва гуллаб-яшнаётган ер бўлиб, Хоразмнинг бош савдо маркази ҳисобланади»⁹. Эски Урганч эса шу даврдан бошлаб «қўҳна Урганч» деб атала бошлади.

Қўҳна Урганч аҳоли томонидан ташлаб кетилиб, шаҳар таназзулга юз тутган бўлсада, XVIII аср иккинчи ярми ва XIX аср биринчи ярмида халқ меҳнати ва олий ҳукмдорларнинг саъй ҳаракатлари туфайли унинг қайта тикланиш жараёни юз берганини кузатиш мумкин. 1851 йил Хоразмга Эрондан келган Ризақули-хон элчилигининг ҳисоботидан аниқланадики, бу даврда қўҳна Урганчга канал ўтказилган бўлиб, бу ерда туркман-йомутлар деҳқончилик билан шуғулланар эдилар. «Қўҳна Урганч ҳозирда, Хива хони Муҳаммад Амин-хоннинг ҳаракатлари билан маданий аҳволга кела бошлади», — деб ёзади Ризақули-хон¹⁰.

XIX аср 40-йилларида М. Иванин ҳам қўҳна Урганч ҳақида ёзар экан. «Бу ерда яқинда бозор таъсис этилди ва аҳоли кўчиб кела бошлади», — деб қайд этади¹¹.

Абулғози-хоннинг ўғли Ануша-хон даврида Янги Кат шаҳрига ҳам асос солинган. Маҳмуд ибн Вали об-ҳавоси анча салқин бўлган бу шаҳар ҳақида ёзиб, «унинг бугдойи ва мевалари яхшидир», — деб қайд этар экан, афсус билан «ҳозирда у ташлаб кетилган», — деб таъкидлайди¹². Шаҳарнинг ташлаб кетилиши сабалари ҳақида XIX аср муаллифи қуйидаги маълумотни беради: «Ануша-хон даврида Кат дарёси қуриб қолди ва унинг аҳолиси (фаровонлиги) таназзулга юз тутди. Етти Гумбаздан шимолроқда хон улар учун кучли қалъа қурди, Ёрмиш деб аталган ариқ қаздириб, уни Оқ кўлга етказди»¹³. Узунлиги 96 км. ни ташкил этган бу канал Амударёдан қазилган бўлиб, Урганчдан 15 км. Шарқдан ўтар ва Оқ кўлга қуйилар эди¹⁴. Бу қалъа шу даврдан бошлаб Янги Кат деб атала бошланди ва шу тариқа янги шаҳарга асос солинди. Хувиллаб қолган Эски Катда аҳоли бу ерда жойлашган шайх Аббос-мозорини зиёрат қилиш учун келиб турар эди. Академик Я. Ф. Гуломовнинг таъкидлашича, «XIX асрда бу ерда яна янги Шайх Аббос (Шаббос) номи билан шаҳар вужудга келди»¹⁵.

Ануша-хон даврида бошқа янги шаҳарларга ҳам асос солинди. Улардан бири Шоҳобод эди. Кўп саъй-ҳаракатларини қўшни давлатлар худудини босиб олишга қаратган Ануша-хон Хуросоннинг Машҳадини босиб олгач «шоҳ» унвонини қабул қилди. Бу воқеадан сўнг 1681 йил Хива хукмдори томонидан «Хонқадан шимолроқда ва Янги Урганч ва Янги Катдан жануброқда катта ариқ қаздириб, уни Анбар ва Манакка етказди ва сув юборди. Анбардан шарқда у катта қалъа қаздирди ва уни Шоҳобод деб атади. Пур-Файз ариқнинг номи бўлсада, ҳозир у Шоҳобод ариғи сифатида машҳур» эди¹⁶.

XVII аср иккинчи ярмида Хива хонлигида яна бир шаҳар қалъа — Ғозиобод вужудга келди. Я. Ғ. Ғуломовнинг таъкидлашича, туркманларни пойтахт шаҳарга ўтказмаслик мақсадида ғарбий-стратегик аҳамиятга эга бўлган бу шаҳар Абулғози-хон томонидан қурилган бўлиши эҳтимолдан ҳоли эмас¹⁷.

Шундай қилиб, Ўрта Осиёда кўриладиган давр мобайнида бир қатор шаҳарлар мавжуд бўлиб, уларнинг айримлари баъзи тарихий, сиёсий, табиий-иқлимий шароитларга кўра тарих саҳнасида йўқола борди. Уларнинг ўрнига янги шаҳарлар вужудга кела бошладилар ва Ўрта Осиё хонликларининг сиёсий, ижтимоий-иқтисодий ва маданий ҳаётида муҳим роль ўйнади. Янги шаҳарларнинг вужудга келиш жараёнида давлатнинг роли катта эди. Ҳокимият тепасида турган хукмдорларнинг саъй-ҳаракатлари билан янги шаҳарларнинг ривожланиши учун керакли моддий асослар яратилди, таназзулга юз тутган шаҳарлар аҳолиси яшаш учун зарур шарт-шароитлар мавжуд бўлган ерларга кўчирилди. Янги шаҳарлар давлатнинг раҳнамолиги, шаҳар жамиятининг турли ижтимоий қатламлари вакиллари ва унда яшаган аҳоли иқтисодий фаолияти ривожининг самараси сифатида тараққий этиб бордилар ва Ўрта Осиё хонликлари ҳаётида муҳим роль ўйнадилар.

Изоҳлар:

1. Абулғозий. Шажарайи турк. Чўлпон, 1992. 121-122-б.
2. Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию. 1558-1560гг. (Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.) Перевод английского Ю. В. Готье. М., 1938. С. 176.
3. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. (Соч. Т. 3. С. 176; Его же. Сведения об Аральском море) Соч. Т. 3. С. 85.
4. Абулғозий. Шажарайи турк. . . 162-б.
5. Бартольд В. В. К истории Хорезма в XVI в. // Соч. Т. 3. С. 258-259.
6. Мунис. Фирдавс ал-икбал // МИКХ. С. 455; Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. . . С. 178.
7. Маҳмуд ибн Вали. Морс тайн относительно доблестей благородных (география). Введение, перевод, примечания и указатели Б. А. Ахмедова. Т., 1977. С. 43.
8. Абулғозий. Шажарайи турк. . . 167-б.
9. Мунис. Фирдавс ал-икбал // МИКХ. С. 152.
10. Отчет о посольстве в Хорезм Риза-Кули-хана. // МИТТ. Т. 2. М., 1938. С. 293.
11. Иванов М. Хива и река Аму-Дарья // Туркестанский сборник. Т. 50. С. 173-174.
12. Махмуд ибн Вали. Указ. соч. С. 36.
13. Мунис. Фирдавс ал-икбал // МИКХ. С. 454.
14. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Т.; 1957. С. 200.
15. Уша асар. 202-б.
16. Уша асар. 200-б.
17. Уша асар. 207-б.

Шарқ бозорларининг ўзига хос хусусиятлари ҳақида баъзи мулоҳазалар

Тарихий манбаларнинг гувоҳлик беришича, IX-X асрларда Ўрта Осиё шаҳарларида бозор иқтисоди ихтисослашиб профессионал машғулотга айланган ва XV-асрнинг охири ва XVI-аср орасида янада ривожланган. Бу даврда ички ва ташқи савдо ҳам ривожланади ва бу ҳолат хусусан, Самарқанд ва Бухоро каби шаҳарларнинг қиёфасида ёрқин намоён бўлади. XVIII–XIX асрларда Самарқанд ва Бухоро шаҳарлари билан бир қаторда Тошкент, Хива, Қўқон ва Ўрта Осиёнинг бошқа шаҳарларининг роли ортган ва мазкур марказларда йирик, ҳам майда бозорлар фаолият кўрсатарди.

Аввало шуни таъкидлаш жоизки, ўзбекларда бозорга бориб савдо-сотик қилишни «*бозор-ўчар қилиш*» дейилади. Хўш шу ўринда савол туғилади, **бозор** дегани савдо қилинадиган жой эканлиги маълум, лекин **ўчар** дегани қандай маънони англатади?. **Бозор** сўзининг эроний тиллардаги қадимий шакли **вазар**, илк даврларда **вачар**, **вацал**, суғдий текстларда **вацар** бўлган бўлиб, маъноси-бозор, савдо қиладиган жой¹. Ўзбек тилида **бозор-ўчар** жуфт сўз, синоним ва бир ўзақдан ҳосил бўлган. **Ўчар** вачар сўзининг адаптация шакли, суғд тилидан ўзгартириб қабул қилинган, **вачар** қадимий эроний тиллардан форс-тожик тилига **бозор** шаклида ўтган. Демак, ўзаро алоқалар маркази бўлган бозор сўзининг ясалишида турли ҳалқларнинг ўзаро маданий алоқалари акс этган экан.

Шаҳарларнинг йирик савдо марказларига айланишида савдо-сотик бўладиган ерлар-бозорларнинг аҳамияти беқиёс эди. Одатда шаҳарларнинг мавжудлигини кўрсатувчи белгилардан бири — бозорларга доимо алоҳида аҳамият берилган. Бозорларнинг катта-кичиклиги, бойлиги ва бошқа жиҳатлари шаҳарларнинг мамлакатда тутган ўрни ва сиёсий вазият билан чамбарчас боғлиқ

бўлган². Агар мамлакатда иқтисодий таназзул кечаётган бўлса бозорларнинг аҳволи оғирлашган, аксинча бўлса бозорлар гуллаб яшнаганлигини кузатиш мумкин.

Шарқ бозорлари Фарб дунёсидаги савдо манзилларидан кўплаб ўзига хос хусусиятлари билан ажраб турган. Жумладан, Ўрта Осиё шаҳарларида шаҳарнинг маркази, яъни юраги бозорлар ҳисобланган ва айнан шу боис ҳукмдор саройи ёки қасри эмас балки айнан бозорларгина кўплаб Шарқ шаҳарларининг топографик маркази бўлган. Шунингдек Ўрта Осиё шаҳарларида жамиятнинг турли вакиллари: мансабдор шахслар, хунармандлар, савдогарлар, зиёлилар ва бошқалар билан бир қаторда йирик ер эгалари ҳам яшар эди. Бу эса бевосита Ўрта Осиё шаҳарлари тарихий тараққиётининг айрим даврларида Фарбий Европа шаҳарларидан ажратиб турувчи хусусиятларидан биридир³.

Ўрта Осиё бозорлари қурилиши жиҳатидан бир қанча умумий хусусиятларга эга бўлган. Одатда бозорлар одамлар гавжум бўладиган шаҳарнинг марказий қисмида катта кўчалар кесишган ерларда ва кўчалар бўйлаб вужудга келган. Йирик шаҳарларда тижорий ишлаб чиқаришни ўзида акс эттирадиган битта асосий бозор бўлган. Бундай бозор кўпинча асосий кўчалар кесишадиган жойларда ўрнашган бўлиб, «чорсу», «чохарсу» деб юритиларди. «Чорсу» сўзи дастлаб зардуштийларнинг муқаддас Авеста китобида *човрусук* (тўрт томонлама) шаклида учрайди ва «бозор» маъносини англатган. Кейинчалик бу сўз *чаҳарсу* ва ниҳоят *чорсу* шаклини олган⁴. Чорсулар асосан усти ёпиқ гумбазли бозорлар бўлиб уларнинг майда остки бўлимларда маълум моллар сотилар эди Бундан ташқари, форс тилида ёзилган манбаларда *чаҳарбозор* (чорбозор) деган сўз ҳам учрайди⁵.

Ўрта Осиёда қадимдан Чорсу билан бирга раста деб юритиладиган махсус жойлар, ҳамда *тим* ва тоқ деб аталадиган кубба кўринишидаги бозорлар ҳам бўлган.

Тим сўзи жуда қадимий сўз бўлиб, бир неча маъноларни англатган. Ҳозирги ўзбек адабий тилида усти ёпиқ бозор ёки раста

томи *тим* дейилади, бозор қоровули тимбон дейилган. Араблар келмасдан илгари Ўрта Осиёда *Тим* деганда ҳар қандай бозор тушинилган ва бу сўзнинг «бозор» маъноси сўнги вақтларгача сақланиб қолган. *Тим* сўзи Тожикистоннинг Муғ тоғидан топилган қадимги (VIII-аср) суғд ёзувларида ва араб тилида ёзилган манбаларда учрайди. Суғд тилида ҳам *Тим* «дўкон», «савдо биноти» маъноларини англатган⁶.

Тимлар архитектура жиҳатдан узунчоқроқ шаклда, гиштдан қурилган бўлиб, усти ёпиқ савдо иншоатини ташкил қилган. Унда турли расталар жойлашган. *Тоғлар* эса меъморий жиҳатдан квадрат, олти қиррали ёки саккиз қиррали, усти гумбаз билан ёпилган, гиштдан қурилган иншоатлар бўлиб, уларнинг ички деворларига ёпиштириб бунёд этилган хужралар дўконлар вазифасини ўтар эди⁷.

Шарқ бозорларининг топографик жиҳатдан жойлашиши диққатга сазовордир. Шаҳарнинг марказий қисмида асосан заргарлар, саррофлар, темирчилар, турли кийим-кечаклар билан савдо қилувчи ва бошқа кўпгина бозорлар жойлашган бўлса, қишлоқ хўжалиги ва чорва бозорлари шаҳарнинг четида ёки унинг ташқарисида жойлашган. Биз бундай манзарани Самарқанд бозорларининг бугунги кўринишида ҳам кузатишимиз мумкин. Жумладан, Самарқанднинг машҳур Сиёб бозори шаҳарнинг марказий қисмида жойлашган бўлса, шаҳардан чиқавёришда Мороқанд, Айний ва Арабхона номли мол бозорлари мавжуд. Шу ўринда таъкидлаш жоизки баъзида чорва бозори сотилаётган ҳайвон турига қараб «от бозор», «қўй бозор», «мол бозор»га бўлинган. Бу бозорлар атрофида ўз навбатида чорва учун зарур бўлган пичан ва еб-хашак бозорлари бўлган.

Бозор ўртасида савдо майдони бўлиб, у ерда ҳам турли моллар билан савдо қилинган. Йирик шаҳар бозорларининг маълум қисмларида алоҳида моллар билан савдо қилинган. Яъни ҳар бир бундай бозорларда пахта бозори, ғалла бозори, гуруч бозори, боққоллик моллари билан савдо қилинадиган бозор, кийим-бош (тўн, пойабзал, дўппи) бозорлари мавжуд бўлган. Бир қатор

бозорларнинг алоҳида қисмида чорва моллари билан ҳам савдо қилинган. Лекин чорва моллари билан савдо қилинадиган бозорлар одатда шаҳар четида ташкил қилинган. Шунингдек, аҳоли зич яшаганлиги ва атроф-ҳудуд қишлоқ хўжалиги экинлари бўлганлиги учун чорвани кўпайтириш имкони бўлмаган ва у ҳам ён-атрофини дашт зоналаридан келтирилган ва аҳолининг гўштга бўлган талаби қондирилган. Ургут ва Ғўс бозорларига қорамол, қўй, эчки асосан Пастдарғом туманидан келтирилган. Шунингдек, айнан мазкур бозорларга сотиш учун беда, сомон, янтоқ, ем келтирилган.

Бозорлар нафақат шаҳарлардаги, балки унинг атрофидаги иқтисодий ҳаётнинг ривожланишига ҳам ижодий туртки бўлган. Шаҳар атрофи ва қишлоқларда етиштирилган маҳсулотлар-пахта, зиғир, ғалла, шоли, тамаки, чорвачилик маҳсулотлари ва бошқа кўпгина бошқа маҳсулот турларига шаҳарларда талаб катта бўлган. Бу маҳсулотлар шаҳар маҳсулотларнинг айримлари шаҳар ҳунармандлари учун хом-ашё ҳисобланган. Бу эса кўплаб ҳунар турларининг, хусусан, қишлоқ эҳтиёжларини қондиришга ихтисослашган соҳаларнинг ривожланишига самарали таъсир кўрсатган. Шу тариқа, шаҳар иқтисодиётининг етакчи соҳаси-ҳунармандчилик билан қишлоқлар ўртасида вужудга келган ўзаро алоқадорлик бир томондан, қишлоқлардаги иқтисодий тарақиётни, иккинчи томондан эса шаҳар хўжалигини шу жумладан шаҳар бозорларининг ривожланишида асосий омил бўлган.

Ўрта Осиё бозорлари кўплаб умумий кўринишларга эга бўлиши билан бирга баъзи шаҳарларда мавжуд бўлган бозорлар бошқа шаҳарларда учрамаган. Масалан, айрим манбаларда ипакчилик кенг тараққий этган худудларда «бозори барги тут» номи билан машҳур бозорлар бўлганлиги тилга олинади. Жумладан, «Самарқандда XIX-асрда бундай бозор мавжуд бўлиб, ипак қурти боқувчилар барг танқислиги сезилганда уни шу ердан сотиб олганлар. Шаҳардаги Шердор мадрасаси ёнидаги кўчат бозоридан эса бошқа дарахтлар билан бир қаторда тут дарахтининг «балхий» ва «хоразмий» навлари кенг миқёсда сотилган»⁸.

Бухоро ва Самарқанд шаҳарларидаги бозорларда махсус қўлёзма китоблар сотиладиган жойлар бўлган. Шунингдек, XVII асргача Самарқанддан бошқа мамлакатларга экспорт қилинадиган маҳсулотлар ичида ёзув қоғозлари алоҳида ўринда турган.

Самарқандда ҳозирда ҳам йирик марказий бозорлар билан биргаликда шаҳар гузарларида жойлашган кичик бозорчалар ҳам мавжуд. Уларда асосан кундалик эҳтиёж учун зарур бўлган озиқ-овқат, баққоллик моллари билан савдо қилинади. Жумладан, бундай бозорлар қаторига Мармар, Сартепа, Тошоҳур, Хўжа Аҳрор ва шу каби кўплаб универсал деҳқон бозорларини киритиш мумкин. Шу ўринда таъкидлаш жоизки, Ўрта Осиёнинг бошқа минтақаларида бўлгани сингари Зарафшон воҳаси ҳудудидаги бозорлар ҳам турли номлар билан юритилган. Кўпроқ шаҳар ёки қишлоқ номи билан юритилган. Айни вақтда ҳафтанинг қайси кунда бозор бўлишига қараб ҳам бозорлар номланган. Чунончи, «Пайшанба бозор», «Жума бозор» ва ҳақозо. Шунингдек бозор маълум бир этник жамоа гўж жойлашган ҳудудда жойлашса, шу этник жамоа номи билан ҳам бозор номланган. Масалан «ўзбек бозор», «тожик бозор», «араб бозор» ва ҳақозо.

Хулоса қилиб айтиш мумкинки, Шарқда энг қадимги даврлардан бошлаб маҳаллий аҳоли томонидан яратилган ва қолаверса бошқа юртлардан олиб келинган турли-туман маҳсулотларни сотиш ички ва ташқи савдо ҳамда савдо иқтисодий иншоатлар-бозорлар, дўконлар, карвонсаройлар тизими ривожланишига олиб келган. Ўз навбатида эса Шарқ бозорлари урбанизацион жараёнларида доимо муҳим мавқега ва ўринга эга бўлган.

Изоҳлар:

1. Расторгуева В. С., Молчанова Е. К. Среднеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки М., 1081. С. 55.
2. Агзамова Г. Сўнги ўрта асрлар Ўрта Осиё шаҳарларида хунармандчилик ва савдо., 2000. 39-бет.

3. Мукминова Р. Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в X–XVII вв. Ташкент, 1985. С. 130.

4. Қораев С. Географик номлар маъноси. Тошкент, 1978. 150-бет.

5. Яна шуни айтиш керакки, суқ сўзи араб тилида ҳам бозор маъносини англатади. Бухородаги бир гузар бозор номи билан Суқитарохи деб аталган; Қораев С. Географик номлар маъноси... 150-бет.

6. Қораев С. Географик номлар маъноси... 121-122-бетлар. Шунингдек араб сайёҳи Ёқутнинг ёзишича (X-аср), Хуросонда тим «карвонсарой» маъносини маъносини англатган. форс тилидаги луғатларда ҳам Тимга «карвонсарой» деб изоҳ берилган.

7. Агзамова Г. Сўнги ўрта асрлар Ўрта Осиё шаҳарларида хунармандчилик... 44-бет.

8. Агзамова Г. Сўнги ўрта асрлар Ўрта Осиё шаҳарларида хунармандчилик... 44-бет; Адамолли Ю. Разведение шелковочных червей в Средней Азии // Материалы для статистики Туркистанского края. Вып. 1. СПб., 1872. С. 5.

Раздел 3

ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Центральное-азиатское общество и женщина (XIV-XIX вв.)
 - Средневековый город в поэзии
- Особенности традиционной театрально-зрелищной культуры тюркоязычных народов Центральной Азии XX века
 - Новые театральные формы городской культуры
 - Географический индекс трансконтинентальных музыкальных явлений
- Бастакорлик и жодиёти шаҳар муҳитида: ўтмиш ва замон
 - Мақом санъати шаҳар маданияти тизимида
- Место и роль музыкального фольклора в городской культуре
 - Роль историко-культурной среды городов в формировании живописи Средней Азии начала XX века
 - Музейные собрания предметов ремесленничества и декоративно-прикладного искусства Ташкента XVIII-XX веков
 - Кино как феномен урбанистической культуры
- XX аср шашар маданиятида сиёсий графиканинг шаклланиши (Ўзбекистон графикаси ривожининг баъзи масалалари)
 - Традиционные ремесла и современная городская среда

Центрально-азиатский город и женщина (XIV–XIX вв.)

Женщина всегда вызывала восхищение средневековых поэтов и мыслителей, воспевавших ее красоту, ум, благородство. Алишер Навои, например, ценил женщину, «достойную своего мужа», которая «приведет в порядок дом свой», в котором будут уют и «желанный покой». Поэт делит всех женщин на три группы. Восхищение вызывают у него благородные женщины. «Благородные... знают лишь правду, все время вспоминают господа как языком, так и сердцем. Ученых правоверию они поучают, от их дуновенья великие святые пользу получают. Таких женщин божьи посланники-пророки восхваляли, считая их сестрами приближенных к ним ангелов. Голову свою они покрывают тканью целомудрия, а свое лицо – шелком женской чести. Да не снимает господь с такой головы такой платок, пусть не снимет этого покрывала с такого лица злой рок, пусть не осквернит его порок».

В многочисленных произведениях Навои неоднократно упоминаются и мастерицы, изготавливавшие разные ремесленные изделия.

Сведения о рядовых женщинах большей частью сохранились в актовых материалах. Особое место среди последних занимают деловые документы, оформленные в кази-хона – судейском помещении, удостоверенные печатью судьи (казия). Составление этих и многих других документов было связано с древней традицией канцелярского производства в странах мусульманского Востока, большинство их писалось по заранее установленному шаблону.

Как видно из юридических документов, женщины могли сочетать ведение хозяйства в доме с изготовлением ремесленных изделий, при этом некоторые из них достигали такой степени мастерства,

что к их собственному имени обычно начинали добавлять название ее профессии.

Имена женщин упоминаются в сборниках актов в связи с разделом наследства (их доля была значительно меньше, чем у представителей мужского пола), разводом с мужем, в брачных договорах, в договорах об уплате алиментов и т. п. Особый интерес представляют письменные договора, составленные в судейском помещении в присутствии матери при поступлении ее сына на обучение к мастеру-устозу. Будущий ученик-шагирд передавался мастеру для приобретения той или иной специальности, согласно имеющимся в нашем распоряжении документам, на срок от одного до пяти лет. Мальчик, которого (из двадцати пяти договоров в одиннадцати) приводила в кази-хана мать, на протяжении указанного срока оставался в доме мастера, помогая ему и постепенно приобретая специальность. В дальнейшем часть учеников женилась на дочерях своего учителя и еще больше сближалась со своим устозом.

Непосредственное участие принимала женщина и в процессе обучения в школе. На одной из миниатюр изображены учащиеся и мальчик, которого наказывают в назидание другим. Седобородый человек держит в руках палку. Ученик лежит на спине, его приподнятые ноги поддерживают, чтобы бить палкой по пяткам, а женщина в платке сидит рядом, наблюдая за наказанием, вероятно, своего сына. Надо полагать, что мать была заранее оповещена о его наказании.

Сохранились также письменные договора о занятии, образованных женщин обучением детей. Девочка приходила в дом женщины-учительницы, которая должна была «относиться к ней как мать». При этом обучение было платным: в юридическом документе указана денежная сумма, уплачиваемая за каждый день обучения девочки.

Краткие, но весьма ценные сведения позволяют судить о степени образованности девочек и девушек из богатых семей. Для их обучения имелись специальные классы, что нашло отражение,

например, на миниатюре конца XV — начала XVI вв. : в худжре, расположенной несколько выше комнаты, где обучались мальчики, находится девочка с тетрадкой в руках и книгой на специальной подставке; на другой миниатюре расположилась группа девочек во главе с учительницей.

Нам не встретилось упоминание о возрасте обучающихся девочек. Относительно мальчиков упоминается в одном случае, что он стал учиться в пять лет, в другом — в шесть.

Как видно из письменных памятников, представительницы правящих семей могли получить хорошее образование. Об этом свидетельствует, например, то, что в Кабуле 18 января 1529 г. женой Захириддина Мухаммада Бабура Махим-бегим была написана грамота (фарман), составленная ею по образцу указов, «собственноручно написанных» самим Бабуром.

Выдающийся историограф своего времени дочь Бабура Гульбадан-бегим (род. в 1522 г. в Кабуле) написала известное сочинение «Хумаюн-нома», в котором наряду с другими интереснейшими данными приводятся сведения о женщинах.

В паланкинах, верхом на лошади или осле, женщины участвовали в путешествиях. Сохранились записки, которые подавали некоторые из них высокопоставленным лицам с просьбой выделить денежную сумму, например, для возвращения из Хорасана в Мавераннахр.

За вознаграждение выступали перед зрителями танцовщицы и певицы: так, певица Чакари Чанги в 1512 г. выехала из Герата в составе каравана, направлявшегося в Самарканд.

По распоряжению и на средства представительниц знатных домов строились медресе, мечети, ханако, гробницы, а также мактабы, бани и другие гражданские сооружения. Среди них можно отметить старшую жену Амира Темура Сарай-Мулк-ханым (Биби-ханым), дочь Казан Султана, по распоряжению которой было построено медресе в Самарканде. Умная и предприимчивая, она

принимала активное участие в государственных делах, в том числе и в дипломатических встречах Амира Темура.

Некоторые из жен темуридских правителей были известны как поэтессы. Одаренной в стихотворном искусстве считалась в Герате одна из жен Абу Саида – Рукайат-бегим. Согласно Зайниддина Васифи, известный поэт и историк Бинаи, принимавший участие в устраиваемых Рукайат-бегим маджлисах-мушоира, говорил: «Маджлисы Рукайат-бегим покидали мы каждый раз посрамленными».

Выдающуюся роль сыграли в культурной и общественной жизни государства женщины-поэтессы Коканда Увайси и Надира-бегим. Их творческая деятельность не ограничивалась ставшими широко известными поэтическими произведениями на узбекском и таджикском языках. Они оставили глубокий след в центрально-азиатской литературе. По распоряжению Надиры-бегим были построены в Коканде караван-сарай, торговые ряды, медресе, мечети, баня и другие здания. Она принимала непосредственное участие в управлении Кокандским ханством.

В отдельных случаях женщины из привилегированных слоев общества могли занимать высокие посты: они выступали как вакфодатели и мутаваллии. Одна из них – Михр Султан-ханым, будучи представительницей правящей династии, в 1528 г. вместе со своим сыном Пулат (Булат)-Султаном отправила своих представителей в Агру, к Захириддину Бабуру, устроившему прием по поводу очередной победы в Индии. Наряду с послами государства Шайбанидов, Сефевидского Ирана и Хиндустанских княжеств, они с почетом были приняты Бабуrom и одарены богатыми подарками.

Женщины могли иметь своих духовных наставников-муршидов. Дочь казахского хана Касыма Казак-ханым, ставшая женой Убайдулла-хана Шайбанида, например, была муридом известного джуйбарского шейха Ходжа Ислама.

В отдельных письменных памятниках и особенно миниатюрах нашла отражение одежда женщин тех лет. Испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо описывает костюм жены Амира Темура Сарай-Мульк (Биби)-ханим. На торжественный пир, устроенный Амиром Темуром, на котором присутствовал Клавихо, она пришла в длинном, волочившемся по земле шелковом одеянии, расшитом золотом. Подол его несли около пятнадцати женщин. Ее лицо было закрыто белой легкой тканью, а на голове было что-то наподобие высокого шлема из красной материи, которая ниспадала на плечи. Головной убор был украшен жемчугом, рубинами, бирюзой и другими камнями, «очень красиво оправленными». Ее черные волосы красиво ниспадали на плечи. В сочинениях упоминаются также белила и румяна для лица, краска для волос, бровей и ресниц.

Немногочисленные факты из первоисточников отражают тяжелое, бесправное положение женщин из беднейшей части населения, в их числе — малообеспеченных ремесленников. Так, долговая расписка, составленная в Самарканде и удостоверенная печатью казия 13 октября 1589 г., обязывает ремесленника-читгара (набойщика узоров на ткань) повиноваться распоряжениям скупщика готовых тканей, должником которого он являлся. В противном случае он должен был развестись со своей женой, мнение которой в данном случае во внимание не принималось.

Другой пример касается Хосроу-шаха, в конце XV — начале XVI в. являвшегося фактическим правителем обширной территории, включавшей Кундуз, Хисар, Бадахшан и Кухистан. Он и его приближенные развратничали и отличались жестокостью. Когда один из его вельмож решил позабавиться и захватил жену одного из жителей, Хосроу-шах приказал прогнать мужа, пришедшего с жалобой на того вельможу, заявив: «Она жила с тобой несколько лет, пусть же с ним побудет несколько дней». Подобные факты, как и сведения о рабнях, которых продавали, покупали и могли безнаказанно убить, встречаются в письменных памятниках довольно редко, но они убедительно отражают положение и незащищенность женщин, особенно из числа

беднейшего населения и рабов. Из поколения в поколение передавали свои навыки женщины, принимавшие роды. Некоторые зарабатывали на пропитание тем, что омывали покойниц, выполняли роль плакальщиц, за денежную плату служили банщицами. В крупных городах, например, Бухаре, имелась баня для невест, которых обслуживал специальный персонал.

Как следует из изложенного, в системе города женщины выполняли широкий спектр социальных функций. Это были женщины, принимавшие участие в управлении государством, женщины-мутавалли, имеющие дело с мужчинами – преподавателями медресе, с персоналом, обслуживающим медресе, субарендаторами и другими представителями мужского пола, женщины – строители монументальных зданий. Все это свидетельствует о месте и роли в жизни государства и городской культуры отдельных женщин, принадлежавших к правящей династии. Эти примеры, как и присутствие на торжествах, организованных Амиром Темуром, одновременно мужчин и женщин, упоминания в рукописях о выступлениях перед присутствующими и изображение в миниатюрной живописи музыкантш, певиц и танцовщиц, свидетельствуют о том, что в среднеазиатском городе того времени не было полной изоляции женщин.

Примечания:

1. *A History of the Moghuls of Central Asia being the Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. An English version ed with commentary, notes and map by N. Elias, the translation by D. Ross. London, 1895; Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. Введение, перевод А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. Т., 1996.*
2. *Ahsan-ul-Tawarikh. History of the Safavi Period of Persian History, 15th and 16th centuries, by Hasan-i Rumly.*
3. Руи Гонсалес де Клавихо. *Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М., 1990.*
3. Гулбадан Бегим. *Хумоюннома. Т., 1959.*

4. Zahir al-Din Muhammad Babur. Babur-nama (Vaqayi). Critical edition... by Eiji Mano. Kyoto, 1995.
5. Маджму'а-йи васаик, рукопись ИВ АН РУз, № 1386.
6. Навои А. Махбуб ал-кулуб, М. -Л., 1948.
7. Зиё А. Амир Темури давлатида аёл мавқеи (Сараймулкхоним ҳаёти ва фаолияти) // O'zbekiston tarixi, 1, 2001. Т.
8. Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Т., 1966.
9. Мукминова Р. Г. Социальные слои населения по «Махбуб ал-кулуб» Алишера Навои // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 3. М., 1995.
10. Mukminova R. Le role de la femme dans la societe de L'Asie centrale sous les Timourides et les Sheybanides // L'Heritage timouride Iran-Asie centrale - Inde XV^e - XVIII^e siecles. Tashkent - Aix-en-Provence. 1997.
11. Файзиев Т. Темурий маликалар. Т., 1999.

Средневековый город в поэзии

Средневековый город был новым социально-экономическим явлением в Средней Азии. Город стал центром ремесла и торговли. Формировалась своеобразная культура, неразрывно связанная с городской средой. Ярким проявлением городской культуры была поэзия. Характер цивилизации этого времени получил весьма отчетливое выражение в образах города, рожденных творчеством поэтов.

В едином культурном пространстве, которое сформировалось в исламском мире, получил развитие комплекс поведенческих и мировоззренческих норм светского человека — «адаб». Под этим понятием подразумевались такие человеческие качества, как высокое духовное развитие, хорошее воспитание. Кроме того, адаб — это сумма знаний и навыков, которые делают человека образованным, городским. Поэзия играла большую роль в общественной жизни средневекового города, она стала основной формой самовыражения образованного городского жителя.

В средние века, сформировался особый литературный жанр — восхваление города и горожан. Существовали общие правила описания города. С его образом связывали предания и выдающиеся деяния, неизменным элементом была характеристика местности, в которой располагался город, указывались выгоды его местоположения, архитектурные достопримечательности. Нередко поэты сочиняли пасквили, позорящие отдельный город и его жителей.

Для исследования городской культуры Термеза большой проблемой является недостаточность письменных источников. Считается, что все они изучены и использованы, поэтому трудно найти в них новые сведения. Данный подход, установившийся в историографии, в последнее время все больше подвергается сомнению. Смена поисковых направлений, научное освоение новых источников открывают новые перспективы. Мы обратились к средневековой

поэзии как к источнику по истории города Термеза. Некоторые сочинения настолько историчны, что из них можно почерпнуть больше подлинных сведений, чем из исторических сочинений.

Литературное творчество многих поэтов средневековья, таких как Ибн Лаххом, Унсури, Фаррухи, Манучехри, Адиба Сабира Термези, Рашид-ад-Дина Вотвота и многих других тесно сопряжено с жизнью. В их творчестве мы находим отражение не просто явлений повседневной жизни, но конкретно-исторической действительности. Так, например в касыдах у Манучехри воспевается термезский мост через Амударью. Информация, содержащаяся в касыде, делает её уникальным историческим источником. Важнейшей особенностью творчества поэтов является достоверность их сообщений. Она определяется одновременной записью упоминаемого в тексте события, тем самым исключается возможность преднамеренного искажения информации.

Если в более ранних произведениях, например, у Тауси, ар-Райба, Фирдоуси, информация имеет ряд особенностей, исключающих прямое, вне контекстуальное использование данных, то в творчестве поэтов XI–XII вв. исследователи отмечают усиление реалистического художественного метода. Поэтому ведущее место среди источников по истории этого периода занимает наследие Адиба Сабира и Анвари, в творчестве которых касыда достигла наивысшего развития. Касыды сочинялись по свежим следам события, так что их содержание предопределено фактами действительности. Однако сама цель составления этой поэтической формы, как правило, прославление кого-либо порождала, по меньшей мере, ограниченность отображаемых фактов. В касыдах описываются действительные события, но лишь те из них, сообщения о которых могли служить во славу воспеваемого города и лица. Другие же моменты, если они не отвечали этой цели, отбрасывались. Тем самым информация в касыдах ограничена критериями фактов и способами их описания. Несмотря на это, все вышеуказанное дает полное право определить произведения поэзии как важный источник по истории средневекового города.

Особенности традиционной театрально-зрелищной культуры тюркоязычных народов Центральной Азии XX века

В XX веке шел усиленный процесс консолидации народов. Несмотря на это, сохранялась пестрота этнического состава и разнообразие хозяйственно-культурных особенностей, обусловленных во многом контрастными природными и социальными условиями. Этнографы выделяют на территории Центральной Азии конца XIX — начала XX веков три главных хозяйственно-культурных типа: оседлые жители оазисов, занимавшиеся в основном поливным земледелием и городским ремеслом, полусоседное население, сочетавшее скотоводство с земледелием и кочевники-скотоводы [1]. Однако уже тогда наметился переход кочевников к оседлому и городскому образу жизни, усилившийся в советское время.

С другой стороны, именно XX век явился тем важным историческим периодом, когда коренные народы Центральной Азии, состоявшие из этнических групп и племен (уруг, кабила), преодолев существовавшую раздробленность и консолидируясь между собой, превратились в единые нации. Обозначился выход их продукции на мировой рынок, а достижений их художественной культуры на мировую сцену в лице выдающихся деятелей литературы и искусства. Этот процесс значительно усилился в результате падения СССР и советского строя, благодаря приобретению республиками региона суверенитета и созданию самостоятельных государств. Появилась чрезвычайно благоприятная почва, материальные и социальные

условия для возрождения национальных духовных ценностей, развития истинно народных традиций.

XX век был плодотворным еще и потому, что народы региона, по мере возможности сохраняя и оберегая традиционные виды и жанры народных зрелищных искусств (танца, театра, цирка, театрализованных игр и представлений), приняли формы европейской профессиональной зрелищной культуры. Так появились, начали функционировать и развиваться по своим внутренним законам два совершенно разных типа зрелищной культуры: традиционная и новая, по преимуществу городская. Традиционные зрелищные представления стали фактически почвой и арсеналом для новой зрелищной культуры, её опорой, источником литературной основы и средств выразительности.

Но при этом сами традиционные зрелища оставались законсервированными и почти не подвергались влиянию новой культуры. Эти два типа зрелищной культуры фактически сосуществовали. Временами наблюдалось их сближение (и то со стороны новой культуры), но скрещивания, тем более синтезирования, между ними не произошло. Это происходило по той простой причине, что традиционные зрелищные представления в советский период оказались пущенными на самотек, ими время от времени интересовались лишь ученые-этнографы, фольклористы, искусствоведы, государственные же учреждения держали представителей народного искусства на расстоянии, а когда занимались ими, очень часто вешали им ярлыки «феодалной» культуры, этнографизма, архаики.

Традиционная зрелищная культура Центральной Азии не однородна и не проста; как и в прошлые века, она остается разной и сложной, в соответствии с духом определенных этнических групп населения, их образом жизни, мировосприятием и воззрениями. Здесь, по крайней мере, наблюдались два ярких пласта: традиционные представления, связанные с жизнью в недавнем прошлом кочевых, полукочевых народов, и зрелища, характерные для быта

давно ведущего оседлый образ жизни населения. Естественно, пласты эти не равноценны по своему уровню, они представляют собой два этапа (нижний и верхний) в развитии народных зрелищ, хотя существовали многие века и существуют рядом по сей день (т. е. по вертикали и горизонтали истории), взаимно дополняя друг друга и вместе с тем неся существенные функции в физическом и духовном воспитании людей.

Все разнообразие зрелищных игр и представлений у тюркоязычных народов региона издавна обозначалось одним словом «уйин» или «уюн». В туркменско-русском словаре данный термин употребляется в значении игры, забавы и представления [2], во втором томе узбекского толкового словаря дано семь значений слова «уйин»: игры, предназначенные для отдыха и забавы; спортивные состязания; азартные игры; пляски и танцы; спектакль, концерт, цирковые представления; состояния и действия, связанные с поведением человека или природы (такфир уйини – игра судьбы, кушлар уйини – птичьи игры, например) [3]. Исполнителей, как в прошлом, так и настоящем, называют «уйинчи», а место, где показываются эти игры и представления – «уйингох» или «уйинхона». Названия десятки видов, жанров и представлений, таких как пляска (тана уйин), театр кукол (кугирчок уйин), канатоходство (дор уйин), игры и представления наездников (от уйин) и др., своим происхождением обязаны именно этому слову. И это не все. Надо отметить, что по мере усложнения формы и содержания игр и представлений, по мере их развития появляются и другие термины, которые применяются чаще всего к развитым зрелищным формам традиционного искусства. Среди них на особом месте стоит термин «томоша». Хотя слово это заимствовано из арабского, но стало родным для всех народов Центральной Азии, причем по смысловой нагрузке оно намного превосходит оригинал и несколько отличается от него. Томоша – это те игры и представления, те зрелища, которые происходят на площадях или в специально отведенных для этой

цели местах (а также внутри определенных зданий) и собирают массу зрителей, устанавливая тем самым теснейший контакт между исполнителями и зрителями.

Теперь непосредственно о двух пластах зрелищно-игровой культуры. К первому, нижнему пласту можно отнести древние театрализованные обряды и представления, связанные еще с зороастризмом и более древними верованиями, а также их героями, с календарно-трудовыми праздниками; театрализованные обряды, танцевально-хороводные выступления, как органические части обрядов и ритуалов, посвященных рождению ребенка, его переходному возрасту (раста), свадьбе, окончанию обучения в школе или у мастера, отъезду и приезду с поездки и паломничества и т. п.; конные игры и представления, выступления бахши, манасчи, созанда, акынов, киссахонов и других народных исполнителей; борьбу — кураш. Естественно, многое было утеряно к началу XX века, сохранились лишь более устойчивые, крепко привязанные к жизни народов элементы, игры и выступления, наиболее зрелищные и действенные.

Из самых древних игр и представлений сохранились скачки «пойга», козлодрание «улок», борьба «кураш», песенное состязание «айтиш», генетически связанные с древними ритуальными состязаниями родоплеменных объединений, «Сус хотин» — театрализованный обряд вызывания дождя, отчасти «Садр» — ритуальное оплакивание покойного, идущее еще со времен легендарного Сиявуша. За исключением «Садра», они дошли до наших дней уже как светские зрелищные игры и представления.

Бахши как исполнитель народных поэм-достонов и манасчи как исполнитель эпоса «Манас» еще действовали в первой половине столетия, иногда встречаются и сейчас, но они, в сущности, изменились, превратились в исполнителей произведений малых форм — терма или просто уступили свое место акынам, шаирам и гуянда, состязающимся между собой в поэтическом турнире айтыс

(айтиш, айтишув). Если айтысы акынов и шаиrow характерны для животноводов, то театрализованный обряд «Сус хотин» популярен среди земледельцев. Собственно, «Сус хотин» первоначально был связан с образом Анахиты — богини воды, плодородия и благополучия из пантеона зороастризма. Постепенно этот обряд превратился в полуритуальное и полусветское зрелище. Думается, на основе «Сус хотин» возник «Ашшадароз» в Хорезме и «Улы гыз» в Туркменистане. В них из ритуала фактически ничего не осталось, лишь то, что «Ашшадароз» исполняется во время «Навруза» в ночь приготовления священной еды сумалак, а «Улы гыз» — на свадьбах после заключения обряда никох, на суннат тоях и других торжествах в качестве веселого развлечения [4].

В конце XIX — начале XX века под влиянием более развитой зрелищной культуры узбеков, уйгур и таджиков появились народные комики и среди кочевых и полукочевых народов. В данном случае имеются в виду ку (у казахов), и куудулы (у киргизов). Ку (хитрец) — это народные комедианты, которые ловко подмечали смешные явления и пороки в жизни и поведении людей и на этой основе создавали интересные сценки, выступали с имитациями и пантомимами, пели, играли на домбре и кобызе, иногда показывали цирковые номера. Они выступали поодиночке, создавая моно представления, отражающие события, случившиеся с ними самими или со знакомыми. Это был, в сущности, театр одного актера, выработавший свой арсенал выразительных средств: яркую мимику, подчеркнутую жестикуляцию, отчетливую дикцию. «Ку — это настоящий артист, — писал С. Муканов. — Он внимательно изучал жизнь аула, подмечал пороки, недостатки людей и высмеивал их на народных собраниях. Ку имел богатый репертуар, исполняемый с выразительным сценическим искусством» [5]. Мало чем отличаются от казахских собратьев киргизские куудулы. «Это настоящий актер, мастер на все руки. Он умел петь и рассказывать, владел искусством мимики и перевоплощения», — писал Дм. Брудный [6]. Импровизация — основа выступлений куудулов, они также выступали поодиночке,

создавая тем самым театр одного актера. Кочевая жизнь, постоянная забота животноводов о смене и поисках пастбищ не позволяли создавать постоянно действующих исполнительских объединений, тогда как развитые формы зрелищной культуры, какими являются традиционный театр, профессиональный танец и народный цирк, требуют именно объединения исполнителей в труппы и ансамбли, прохождение определенной школы, постоянных совместных упражнений и общих выступлений, разработанных целостных программ. Собственно, развитые виды и жанры зрелищной культуры, то есть зрелищные искусства, появляются при оседлом образе жизни, среди земледельцев и ремесленников, под общим благотворным влиянием городской культуры.

Верхний пласт традиционной зрелищной культуры состоит из развитых традиционных форм театрального, танцевального и циркового искусств, распространенных среди узбеков, уйгур, а также таджиков.

В первой половине XX века почти во всех городах и некоторых селениях Узбекистана действовали также труппы народных комедиантов — масхарабозов и кизикчи; одиночек было мало. Но постепенно труппы распались, масхарабозы и кизикчи не сумели приспособиться к новым социальным условиям, новым требованиям, и, самое главное, не подготовили себе замену. Безусловно, в этом сказались усиление в определенные периоды жизни общества цензуры, когда каждое правдивое слово, сказанное особенно в сатирико-обличительных формах, воспринималось как проявление враждебного отношения к существующему строю, в лучшем случае — клеветой, неправдой. О какой-то заботе со стороны власти в таких условиях не приходится говорить: о народных комедиантах вспоминали время от времени по случаю каких-то праздников и торжеств, а в остальное время они были представлены сами себе. Но, несмотря на все это, и в 1960-70-е годы традиционный театр, хоть и пассивно, но жил среди народа. Большую роль в этом сыграли десятки кизикчи и масхарабозов,

благодаря своим родственным отношениям или личной привязанности унаследовавшие репертуар и исполнительский опыт выдающихся мастеров. В 1980-е годы в связи с появлением признаков демократии и свободы слова происходит заметное оживление и в области традиционного театра, появляются труппы кизикчи, аскиябозов (острословов), масхарабозов в Коканде, Андижане, Ташкенте, Ханке и др. городах. В условиях же независимости Узбекистана традиционный театр стал бурно развиваться. Появилось целое поколение молодых кизикчи и масхарабозов, которые с одинаковым успехом выступают как среди народа, так и на современной сцене, по телевидению и радио. Многие из них поистине талантливы, могут увлечь большую аудиторию, обладают целым арсеналом средств народного смеха, стараются возродить в новых условиях почти забытые народные представления и синтезировать в своих выступлениях черты традиционного и современного искусства.

Примечания:

1. Народы Средней Азии и Казахстана: Т. 1. М., 1962. С. 32.
2. Туркменско-русский словарь. М., 1968. С. 495.
3. Узбек тилининг изоҳли лугати. 2 томли. М., 1981, 498 бет.
4. Эсенев Ч. Д. У истоков традиционного театра туркмен. // Туркменистан ылымлар академиясынын хабарлары. № 4. Ашгабат, 1992. С. 78.
5. Муканов С. Истоки казахского театра. // Литература и искусство Казахстана. № 1. Алма-Ата, 1940. С. 88.
6. Брудный Дм. Из истории русских-киргизских литературных и театральных связей. Фрунзе, 1960. С. 107-108.

Новые театральные формы городской культуры

К середине 80-х годов режиссура узбекского театра в определенной мере испытывала исчерпанность возможностей сценического пространства. Каждый спектакль режиссера Б. Юлдашева, созданный в тесном творческом содружестве с художником Г. Бримом, являл собой новое слово в выборе театральных и сценических средств выразительности, но рамки сценической коробки становились тесными для фантазии этих мастеров узбекского театра.

Разрушая «четвертую» стену, они то выносили действие в зрительный зал, то заставляли зрителей подниматься на подмостки сцены. В спектакле «В списках не значился» по повести Б. Васильева, актеры и зрители располагались на сцене, а зрительный зал являл собой образное пространство реальной жизни.

Другой спектакль, «Проделки Майсары» по пьесе Хамзы, стал во многом неожиданным для публики, но вполне логическим и закономерным явлением в развитии нашего театра. Это было время «перестройки», и театр обращал свой взор не столько в будущее, сколько в прошлое, к забытым площадным формам театральных действ. Конечно, это был не площадной театр в своем первоначальном виде. Но спектакль, а вернее, театральное действие возрождал традицию, обращался к ней, искал в ней живительные импульсы для творческой фантазии. Театр обращался к собственным истокам, уличным площадным представлениям, праздничным шествиям.

Б. Юлдашев и Г. Брим стремились вырваться из стен театральных подмостков на городскую площадь. Здесь, среди многолюдной толпы, профессиональные актеры представляли бродячую труппу масхарабозов. Выкатывалась разукрашенная арба, наполненная

всякой всячиной — куклами, чучелами, огромными масками, разноцветными тряпками, из которых актеры тут же мастерили себе костюмы, натягивали канаты, по которым скользили канатоходцы.

Под звуки дойры, зазывной мелодии карная и сурная, пританцовывая и напевая, весело резвились актеры, обещая развлечь публику смешным ироничным действием, где будут высмеяны лицемерие и ханжество, ложь и бесстыдство, сластолюбие и развращенность. На глазах у толпы актеры превращались в персонажей пьесы, а зрители, поверив им, доверчиво окунались в незнакомую и, вместе с тем, знакомую стихию наивного традиционного площадного представления, становились очевидцами и свидетелями происходящего.

Надо сказать, что давняя традиция вдруг обернулась современностью, которая обнаружила себя в самой природе театральной игры, сотканной из лицедейства и импровизации.

Тяга к площадному представлению наличествует и в театральной практике узбекского театра 1990-годов. Художественный руководитель Молодежного театра Наби Абдурахманов выстраивает перед площадкой здания амфитеатр и ставит спектакли на открытом пространстве. Фасад театра становится как бы сценой античного театра, за которой переодеваются актеры перед выходом на игровую площадку, представляющую собой многоступенчатую лестницу.

В спектаклях «Притча о любви дарованной» по мотивам поэмы А. Навои «Язык птиц», «Содом и Гоморра», где осовременен известный библейский сюжет, режиссер Н. Абдурахманов заменяет слово языком жеста, танца, пантомимы. При этом сюжетная канва представлений, состоящая из эпизодов, драматургически четко выстраивается и обретает сценическую плоть благодаря музыкально-пластическому и хореографическому решению.

Специфика подобного театра — «театра танца и пластики» — состояла в переосмыслении не только средств выразительности,

но и функции сценической изобразительности. Колонны здания театра, высокая многоярусная лестница служили оформлением театрального «действия». Надо сказать, что подобная пространственная сцена имеет свою историю и уходит вглубь веков европейского театра.

Позицию режиссера определяло стремление сделать пространство игры не только свободным, но и свести до минимума все то, что может казаться «картинным» по отношению к персонажам. Фасад современного здания своим очертанием определял реальность бытия сегодняшнего дня, возникал новый качественный контакт со зрителем, который выразился в расширении сферы взаимодействия театра и публики.

Сценическая «коробка» переставала быть единственным местом театрального действия. Изменились представления о «театральной среде». Теперь этому понятию соответствовало уличное пространство города.

В этой старой, а теперь новой для нас форме театрального действия, стала заметна «завышенность» «внешнего действия», что проявилось в динамичной, стремительной, раскованной структуре мизансценических построений режиссера-постановщика и где большая роль была отведена композитору и хореографу.

Новые театральные формы городской культуры уходят своими корнями в прошлое, обнаруживая принцип ориентации на образцы театральных традиций. Вместе с тем определяется и задача современного режиссера-постановщика – пересмотреть прошлое, расширить поле культурных ассоциаций и воспринять эту новую, живительную, длящуюся традицию как внеисторическую и всевременную.

Итак, в конце XX века театр вырывается на «свободу», на площадь, на открытое пространство, выполняя, по сути, те же художественные задачи, как и много веков назад: развлекать публику, просвещая ее.

Географический индекс транскультурных музыкально- поэтических явлений

В средние века на территории Средней Азии создавались сочинения на персидско-таджикском и тюрко-узбекском языках, а в VII веке двуязычие обогатилось третьим, арабским языком. В творчестве Саади есть «пестрые касиды», в которых чередовались персидские, арабские и тюркские бейты [1, с. 28]. Некоторое время спустя в музыкальном трактате неизвестного автора XV века пишется о музыкальной форме «мурасса», в которой была разрешена свободная фантазия из арабских, персидских и тюркских стихов, «лишь бы они производили приятное впечатление» [2, с. 10]. Этот факт обращает внимание на то, что в числе слушателей были понимавшие все три языка, поэтому был спрос на вокальные сочинения с трехязычным текстом.

В литературоведении существует еще один термин — «рехта» — прозаический или стихотворный текст, написанный на двух или более языках [3, с. 403]. Этимологический словарь классического таджикского языка начала X–XX вв. уточняет, что «забони рехта» (т. е. «язык рехта») — это смешанный язык, чаще из фарси и хинди [4, с. 135]. Это данные по Мавераннахру и Хорасану. В Индии же в средневековье пользовались двумя языками — рехта и хинди. Первым — когда речь шла о поэтическом, а хинди — о прозаическом тексте. Таковы данные Саида Эхтешам Хусейна [5, с. 25]. Музыканты же Средней Азии свидетельствуют в трактатах, что слово «рехта» — т. е. название языка поэтического жанра — вошло в нашу музыкальную культуру как название вокальных сочинений. Наджмиддин Кавкаби Бухари в начале XVI века писал, что рехта отличается усложненной структурой композиции. А именно из

вступления, в котором допускалась свобода автора и исполнителя в выборе инструментального или стихотворного варианта, а также из сархоны (букв.: головное звено), миенхоны (среднее), бозгуй (повторы). Стихи же этой формы сочинений, пишет Кавкаби, были «хинди», то есть индийские. О сложности формы рехта говорит и арсенал ритмов-усулей: рамаль, мухаммас, турки-зарб, дуяк, уфар или хазадж [6, с. 70].

Хочу напомнить, что Кавкаби из Бухары занимает особое место в тысячелетней истории музыки нашего региона, от математического метода он перешел к искусствоведческому методу в анализе и изложении науки о музыке. Его последователи думали больше об эстетической, художественной миссии музыки, ее этико-воспитательном и медико-психологическом воздействии. Кавкаби же можно считать социологом в средневековом музыкознании.

В последней трети XVI века другой выдающийся музыкант – Дарвеш Али Чанги – также называет музыкальную рехта как транскультурное явление. Его трактат привлекает множеством фактов о личных контактах, о музыкантах, увезенных в Индию, отправленных туда в качестве подарка от хана шаху, а больше уехавших, будучи очарованными идеей Акбара о «сульхе куль» – «всеобщем мире». Интеллектуальная среда Мавераннахра и Хорасана в XVI веке была измучена политическими интригами, доводившими до резни между суннитами и шиитами. В общей сложности уехало около 50 поэтов и музыкантов [7, с. 2]. При этом некоторые осели в Кабуле, редко кто возвращался. Известно имя только одного – Ходжа Хатиба из Кармины (поэтический псевдоним – Ариф), певца, обладавшего голосом невыразимой красоты, который вернулся, как пишут историки, в Бухару [8].

Лет через 20-30 после пребывания Ибн Чанги в Индии, в 1064/1653 году Бокие, приехавший из Наина, пишет свои «Тихие напевы единения» – «Замзамаи вахдат». От него узнаем, что рехта сочинялась в подвижных, легких ритмах, что иногда в персидский текст включались слова на арабском, хинди или турки. И еще он отмечает, что рехта «необычайно приятны и пленяют сердца», что его

творческий опыт был «лишь попыткой сочетания индийских мелодий с персидскими словами. Пусть знают, что все это было достигнуто в результате неоднократных попыток, посредством опытов, и это испытано в размышлениях и спорах» [9].

Проходит 110 лет. В октябре 1863 года некий Давра Суфрачи Кирами (кирами означает «Церемонимейстер Застолья») в своем трактате, уже как непосредственный свидетель, пишет, что «любители приемлют рифмованную прозу рехта в усуге уфар, но есть в ней и бейты. Инструментальные наигрыши (накарот) сопровождаются по желанию «тан-танами» или «ялало». Нужно сказать, что эти звукосочетания, буквально ничего не обозначая, бытуют до сих пор, будучи припевными, ритмически и эмоционально выразительными. Очень интересны моменты творческой свободы, импровизации и экспромта при исполнении части рехта, именуемой сарбанд (буквально «головная повязка»). Музыканты состязались именно в сарбандах, выявляя мастерство друг друга.

Экскурс в описания антологий поэтов, сочинявших рехта, показывает, что они были глубоко лиричны. Каталоги Британского Музея, Оксфорда, Библиотеки Банкипура сообщают, что «Гульзаре Ибрахим» («Цветник Ибрахима») и «Гульшане бихар» («Розарий без шипов») дают биографии более 900 авторов рехта [11]. Это данные XVIII века по Индии. А в Бухаре в конце XIX века статистика переписи населения фиксирует проживание более трех сотен индусов. Учтем при этом, что сочинители рехта не разделены на музыкантов и поэтов. Восточная педагогика средневековья давала комплексное образование, поэт знал науку музыки, пел, сочинял мелодии, владел инструментами, а музыкант развивал в себе стихотворческие наклонности, лишь бы была врожденная одаренность.

«Рехти» – так называет Саид Эхтешам Хусейн жанр, в котором повествование ведется от имени женщины. Конечно, они не ставили высоких целей и не призывали к раскрепощению женщин, но само обращение к указанной теме имело большое значение.

Таково двустышие Рангина о чуткости к сердцу женщины:

*О люди! Что случилось с ее нежной душой,
Все эти дни моя любимая печальна!*

Невольно это наблюдение соотносится с темой любви в жизни женщины, так проникновенно звучащей в творчестве Рабиндраната Тагора. Индианке по языку, расцветшей в мелодиях и ритмике среднеазиатских музыкантов, посвящена моя статья, опубликованная в Узбекистане и Индии [12].

Территорию средневековых Хорасана и Мавераннахра никак не поделить на национальности, что касается языковой принадлежности, в активе оба языка — и фарси и тюрки, для специалистов-теологов еще и арабский. Культурная принадлежность выражена в географическом индексе. Нисбы (от арабского нисбат — принадлежность) являются географическими прозвищами, указующими город, где мастер родился, или обрел славу, или профессию. Среди городов, давших истории крупных музыкантов, письменные источники называют не только Бухару, Самарканд, Хиву, Андижан, Ташкент, Насаф, Мерв, но и малые: Сарипуль Самарканда, Согд Самаркандский, Кармину, Каракуль, Толикон, Бадахшан, Ура-тепе, а также города Ирана, Малой Азии, арабских стран, Индии, Китая.

Музыкальная жизнь имеет такие факты транскультурных связей, которые могут стать сюжетами или эпизодами художественной прозы, театра и кино. Абиссинец усто Шоди так ярко блистал в придворных кругах Темуридов, что его сочли музыкантом, достойным быть отправленным в качестве подарка в Казань. До самой границы мастера сопровождали ученики; он не сдерживал слез. На вопрос ученика он ответил: «йиглогу ро ба Козон мебаранд». Дарвеш Али писал, естественно, в арабской графике. Слово «йиглогу» прочитывается и как «еглогу». Ответ усто Шоди — «рыдающего отправляют в Казань» может быть прочитан и так: «сковородку отправляют к казану».

В числе даров среднеазиатских ханов в Москву и Новгород упомянуты «тулумбасы, цимбалы и игрецы на них [13]. В трактатах, когда говорится о музыкантах-иноземцах, встречаются слова «рус», «фаранги», «юнон», «чин».

В списке, составленном японским ученым Сигео Кисибе, в числе 31 музыканта, привезенного в Китай из центральноазиатских городов еще в VII–X веках, названы актер из Бухары, флейтист из Самарканда, гобоист из Хотана, танцор из Ташкента, сочинитель песен из Кучи [14, с. 83], исполнители из Кеша, Мерва, Припамирья [14, с. 83].

Исследователи наблюдают «элементы центральноазиатской музыкальной культуры, которые неоднократно вливались в китайскую музыку на протяжении во всяком случае двух последних тысячелетий» [15, с. 78–86]. Наблюдения Э. Шефера иллюстрированы модными тогда в Китае светскими «концертами» в домах аристократов, своеобразных явлений транскультурных отношений.

Есть и камерные факты взаимопроникновения музыкальных традиций. Ходжа Хамза Тошкенти учился у выдающегося гератского певца Хафиза Ахи, привезенного в Бухару Убайдуллаханом Шейбани после захвата Герата. Хамза Тошкенти стал одним из любимых учеников гератского мастера, специально для него сочинившего «зарбул-фатх» в макоме Ирак. Ташкент–Герат–Бухара – географический абрис этой «музыкальной» истории.

Таковы некоторые из фактов, выбранных в период до XX века. XX век озарила тема «Восток – Запад», породив в Средней Азии национальные оперы и симфонии [16]. Географический же индекс транскультурных порождений в поэзии и музыке средневековья может обогатить научную базу для осмысления современных глобализационных явлений в мире творчества.

Примечания:

1. Кобидзе Д. И. Персидская хрестоматия. Т. 1. Тбилиси, 1981.
2. Анонимный трактат XV века, опубликованный на французском языке Д'Эрлянге. Перевод на русский О. Е. Левашовой, ред. В. М. Беляев. Рукопись.
3. Гаффаров М. А. Персидско-русский словарь, т. 1. М., 1976. Таджикско-русский словарь. М., 1954. С. 325.
4. Фарханги забони тоджики. Т. 2. М., 1969.
5. Саид Эхтешам Хусейн. История литературы урду. М., 1961.
6. Наджмиддин Кавкаби Бухори. Рисолаи мусики. Рукопись Института востоковедения им. Бируни АН РУз (далее ИВ АН РУз) 468/4.
7. Мирзоев А. Из истории литературных связей Мавераннахра и Индии во 2 пол. XVI – нач. XVII вв. – 26 Международный конгресс востоковедов. Доклады СССР. М., 1963. На эту же тему см. : Джавахарлал Неру. Открытие Индии. М., 1955. С. 272.
8. Дарвеш Али Чанги. Рисолаи мусики. Рукопись ИВ АНУз 449.
9. Бокие-йи Ноини. Замзамаи вахдат. Рукопись ИВ АНУз 10226.
10. Давра Суфрачи Кирами. Рисолаи мусики. Рукопись ИВ АН Уз 468. Другой список хранится в отделении Института востоковедения в С. -П., В-1855.
11. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. By Charles Rie. V: 1; London, 1879. Muqtadir. Catalogue of Arabik and Persian Manuscripts in the Oriental Publik Library of Bankipore, V. III. Pathna, 1925. Catalogue of the Persian Manuscripts of the India office by Herman Ethe. V. 1. Oxford, 1903.
12. Рашидова Д. О некоторых родственных явлениях в поэзии и музыке средневекового Востока (рехта, бадеха). // Традиции музыкальных культур народов Ближнего, Среднего Востока и современность. М., 1987.
13. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI-XVII в. Материалы из истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л., 1933.
14. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981.
15. Меньшиков Л. От редактора. В цитированной книге Э. Шефера.
16. Янов-Яновская Н. С. Узбекская опера как явление интертекста. // Материалы конференции «Европейский театр в исламском мире: постсоветские трансформации в театральном искусства стран Центральной Азии». Т., 2003. Рукопись.

Бастакорлик ижодиёти шаҳар муҳитида: ўтмиш ва замон

Маълумки, ўзининг табаррук XV асрлик йилномасига қадам қўйган анъанавий, яъни монодиязамин бастакорлик санъатимиз – турли тарихий давонларни босиб ўтиб, бадийий етук ижодий фалсафий, эстетик ва этик эҳтиёжларга монанд теран асарлар кашф этиб келган. Мазкур турфа санъат соҳиб (баъзан соҳиба)ларининг аксарияти, ҳар ҳолда энг қобилиятли – демиурглари¹ ўсларининг созандалик, хонандалик ва бастакорлик фаолиятларини одатда йирик шаҳарларда намоён этишган. Зеро, қадимдан Бухоро, Самарқанд, Андижон, Хива, Қўқон, Марғилон каби шаҳарлар наинки сиёсий, иқтисодий балки улкан маданият ўчоғлари ҳам бўлган. Шу боис, айти аша шундай шаҳарларда ўзга касб-хунарлар қатори мусиқа маданияти профессионаллашуви изчил кузатилади. Бунинг самараси ўлароқ, дейлик Сомонийлар, айниқса Соҳибқирон Амир Темур ва Темурийлар даврида буткул бир жараён юзага келади.

Булар:

1. Анъанавий (бутун Шар-учун) «Устоз – шогирд» тамойилларига пухта таянган, касбий етук натижаларга муяссар бўеган мукамал мусиқий *таълим тизими* шаклланиши.

2. Мазкур таълим тизими таркибида – оммабоп (ноғора, сурнай, карнай, шунингдек дутор) ва хусусийлашган (танбур, сато, гижжак, чанг, най, шунингдек рубоб) *созандалик* мактаблари юзага келиши.

3. Айти созандалик мактаби замири (айниқса гижжакчилик ва чангчилик самараси)да *бастакорлик* тамойилларини ижодий ривожлантириш.

4. Йирик (юқоридагилардан ташқари Хирот, Шаҳрисабз, Кармана, Фарғона, Тошкент ва б.) шаҳарларда *хонандалик* мактаблари юзага келиб, буларнинг айримлари (созанда-бастакорлардан бирмунча кам бўлса-да) замирида ҳам ҳофиз-бастакорлар пайдо бўлиши.

Демак, биз юқорида таъкидлаган уч қанотли истеъдод – созандалик, хонандалик ва бастакорлик заковатларини уйғунлаштираолган дарға ижодкорларимиз етишиб чиқишда йирик шаҳарлардаги саройлар ва ўзга тафаккурни ҳаракатлантирувчи шаҳобчалар – асосий омил бўлган дейишга тўла асос бор.

Ана шундай, том маънодаги *демиург* бастакорлардан бири, Яқин ва Ўрта Шарқ бастакорлик ижодиётининг асосчиси Барбад Марвий (580–638) дастлабки касбий ютуқларини Марвда, ижодий барқамоллигини эса Ироқ пойтахти Боғдод ва унинг яқинидаги «Қасри Ширин»да қўлга қиритади, тарихий аҳамиятга молик «Хусравоний» (7 қисмли) ва йилнома (360) асарли *туркумларини* ҳам айна ана шу цивилизация марказларида яратади.

Худди шундай янглик, Ўрта Осиёлик Абдурахмон Сурайж (743 ваф. этган), Абдурахмон Суғдий (823 ваф. этган), Абу Абдулло Рудакий (860–941), Абу Наср Форобий (873–950) каби дарғалар ҳам бастакорлик бобидаги номларини ва шонларини – ўз Она шаҳарларидан сўнг, Эрон, Ироқ ва бошқа араб мамлакатларининг йирик худудларида чиқаришган².

Изоҳлар:

1. Демург атамаси Платон томонидан («Тимей»ида) «Коинотнинг ижодкори ва отаси» сифатида киритилиб, кейинчалик бир неча сощаларда фаоллик кырсатган мащоратли шахсларга нисбат қўлланилади.
2. Бу ҳақда қаранг: Т. Гофурбеков. *Творческие ресурсы национальной монодии и их преломление в узбекской советской музыке. I глава. Т., 1977.*

Мақом санъати шаҳар маданияти тизимида

Мумтоз мақомларни илмий ўрганиш, моҳиятини англаб етиш масаласида уларнинг тизим сифатида шаклланиш тарихи алоҳида ўрин тутди. Чунки том маънодаги мақомлар тарихи ҳам аслида турли давр мусиқа намуналари (бастакорликке ижодиёти, қадимий ва ўрта асрлар даври халқ куйлари ва б.) асосида услубан бадиий яхлит тизимлар юзага келиши пайтидан бошланади.

Дастлабки мақом тизимлари қачон ва қандай ҳолда юзага келганлиги хусусида бизда аниқ маълумотлар йўқ. Ау борада мутахассислар орасида турли таҳминлар мавжуд. Хусусан, олимлар орасида кенг тарқалган фикрга кўра мумтоз мақом уюшмалари шаклланиши жараёнида Борбадга [1] нисбат бериладиган «7 Хусравоний» тизими маълум таъсир кўрсатган [2]. Мақом тизимларини ижод этиш борасидаги дастлабки жараёнларда «7 Хусравоний»нинг туркум андозаси инobatга олинган бўлиши эҳтимолдан ҳоли эмас. Бироқ мақомларнинг келиб чиқишини бевосита бир шахс фаолияти билан боғлашга интилишлар ҳам борки, бу ҳол илмий жиҳатдан мунозаралидир [3]. Зотан, салобатли мақом тизимларининг юзага келиши кишилиқ жамияти тараққиётининг маълум босқичига дахлдор бир қатор омиллар билан шартланган. Шулардан қуйида кўрсатилган бешта омилнинг бўлиши зарурийдир:

1. Ривожланган шаҳар маданияти;
2. Аниқ фанларнинг ривожланганлиги;
3. Фалсафий тафаккурнинг (таълимотларнинг) шаклланганлиги;
4. Касбий мусиқа қатламининг (бастакорлик, созандалик, хонандалик) мавжудлиги;
5. Мусиқа илмининг ривожланганлиги.

Ушбу бандларнинг энг биринчиси сифатида шаҳар маданиятининг кўрсатилиши бежиз эмас, албатта Зеро ҳар бир халқ, миллатнинг илм-фан ва маданият жабҳаларидаги ютуқлари кўп жиҳатдан шаҳарларда мавжуд шарт-шароитлар ўлароқ юзага келади. Айни пайтда ҳунармандчиликнинг турли йўналишлари, шу жумладан касбий мусиқачиликни ривожлантириш учун ҳам имкониятлар яратилган бўлади. Бинобарин шаҳар муҳити жодий кучларни бир ерга жамлаш борасида ҳам қулай макондир. Айни пайтда, «ривожланган шаҳар маданияти» муҳим объектив борлиқ сифатида қолган бандларда қайд этилган омилларни ҳам юзага чўқаришга хизмат қилади. Ўз навбатида кейинги ўринда кўрсатилган омиллар мақом тизимларини шакллантириш жараёнига бевосита алоқадордир.

Маълумки, Шарқ олимлари мусиқани математика фанлари қаторида баҳолаганлар ҳамда мусиқани тадқиқ этишда математика усулларидан кенгфойдаланганлар. Хусусан, мақомларнинг муҳим таркибий асослари бўлган нағма, бўьд, жинс, жамъ каби илму таълиф масалаларини ўрганишда қадимги юнон назариётчилари, жумладан Фисоғурс (тах. Э. а. 580-520 й.) томонидан ҳаётга тадбиқ этилган сонли нисбатлардаги усулларни қўелаганлар. Зеро шаклан ҳақшаматли меъморий иншоотларга қиёсланиши мумкин бўлган мақом тизимларини юзага келтиришда аниқ «ўечовлар» талаб этилган.

Шу билан бирга таркибан кўп қисмли мақом тизимларини мазмун жиҳатдан жипслаштириб, ўзаро мантиқий боғлашга келтириш учун теран таълимот зарур эди. Бундай таълимот сифатида Шарқ мусулмон оламида юзага келган тасаввуф таълимоти намоён бўлди. Хусусан, унинг пок ишқ боис маънавий камолот йўлида босқичма-босқич юксалиб, пировардида ҳақиқатни билиш, Гўзалликка эришиш ва чинакам маърифат касб этиш каби пурмаъно ғоялари мақомларнинг энг кичик тузилма бирлигидан тортиб турли даражадаги (кичик, ўрта, катта) туркумларигача сингдирилган эди. Шу аснода мақомлар садоларда ифода этилган ҳикматли куйлар даражасига қадар юксалган. Шу

билан бирга, тасаввуф таълимотининг таъсири ўлароқ мақомлар мусиқасида «нотукаммал (оддий) ҳолатдан мукаммал ҳолатга» қараб ривожланишнинг муайян ижодий услуби шаклланган эди [4]. Ушбу методнинг кашф этилиши ва уни бастакорлик ижодида амалий қўлланиши натижасида турли давр, шу жумладан қадимий даврлардан тортиб то кейинги (ўрта) асрларга мансуб мусиқа намуналарини янги эстетик талабларга мос ҳолда ривожлантириш (такомиллаштириш) имкони юзага келди. Жамланган барча мусиқа намуналарини (бастакорлик ижоди, халқ куйлари ва ҳ. к) муайян тизимнинг таркибий гуруҳларига илмий тасниф этиш масаласи мусиқа илми, яъни мусиқшунос олимлар зиммасида бўлган. Бинобарин, мақом тизимларини ишлаб чиқишда интеллектуал мусиқий тафаккурнинг ўрни катта бўлган. Бу борада, атоқли мақомшунос, санъатшунослик фанлари доктори И. Р. Ражабовнинг куйидаги фикрлари эътиборлидир: «Мақомлар инсоннинг мусиқа ҳақидаги тушунчалари, мусиқий-эстетик қарашлари баркамол бўлган кишиларнинг онги ва савияси юксалган бир даврда юзага келган... Мақомлар тизимининг шаклланиши жаҳон илму фанининг ривожланиши билан ҳам чамбарчас боғлиқдир. Шарқ мусиқа олимлари мусиқани тиббиёт, фалсафа ва математика фанлари билан боғлиқ эканлигини уқдириб ўтганлар».

Шуни айтиш керакки, Шарқ мусулмон оламида мақом тизимларининг пайдо бўлиши учун зарур омиллар IX–X асрларда юзага келган эди. Зеро айнан шу даврларда буюк ватандошларимиз Абу Абдулло Хоразмий (780–850), Аҳмад Фарғоний (797–865) ва Абу Райҳон Берунийларнинг (973–1048) илмий фаолиятлари боис аниқ фанлар (алгебра, астрономия, геометрия) ривожланди, Абу Наср Форобийнинг (871–950) мусиқашуносликдаги буюк хизматлари ўлароқ Шарқ мусиқа илмига асос солинди, касбий мусиқа амалиёти янги босқичга кўтарилди, Шарқ халқлари орасида тасаввуф таълимоти кенг ёйилди. Шунингдек, бу асрларга келиб янги типдаги (феодал) шаҳарларнинг шаклланиш жараёнлари якунига етди. Хусусан, Ўрта Осиёда – Самарқанд, Бухоро, Урганч ва кят шаҳарлари ҳунармандчилик ва савдо-сотик ишлари ривожланган маданий марказларга айланди [5].

Ана шу омиллар таъсирида Ўрта аср Шарқининг йирик (марказий) шаҳарларида мақом тизимлари юзага кела бошлаган эди: Ўша даврларга оид мақом намуналари қандай шаклда бўлганлиги ҳозирча бизга номаълум. Ҳар қалай бундай тизимлар бўлган ва улар XIII асрдан бошлаб Шарқда машҳур бўла бошлаган Ўн икки мақом тизими шаклланишида муҳим замин бўлганлигига билвосита асослар бор.

Ўн икки мақом тизимининг бизнинг диёримизда қарор топиши ва унинг дастлабки мумтоз кўринишлари Амир Темур ва теурийлар даврига тўғри келади. Ушбу мақомларнинг маркази Самарқанд шаҳри бўлган. Зеро Ҳазрат Соҳибқирон турли мамлакатлардан устоз-муסיқаси ва муסיқашунос олимларни шу шаҳардаги саройгоҳга тўплаб, уларнинг илмий-ижодий фаолияти учун зарур шарт-шароит яратиб берган. Самарқандга келтирилганлар қаторида машҳур муסיқачи ва муסיқа илмида устоз Абдулқодир ал-Мароғий, унинг ўғли Сафиуддин, кўёви Насрийн, Қутб ал-Моусилий, Ардашер ал-Чангий ва бошқалар бўлган [6].

Ўн икки мақом тизимининг қарийб тўрт асрдан зиёд ривожидавомида мақомотнинг янги турларига асос солинди. Жумладан, XVIII аср ўрталарига келиб Бухорода Олти мақом тизими (Шашмақом) узил-кесил шаклланди [7]. XIX асрнинг биринчи чорагига келиб Хива шаҳри сарой маданияти муҳитида Хоразм мақомлари қарор топди. Шунингдек, Фарғона водийсининг йирик шаҳарлари – Қўқон, Андижон, Фарғона, Наманган, Хўжанд, Ўш ҳамда Тошкент ва Чимкент бўйлаб ёйилган Фарғона–Тошкент мақом йўллари ҳам юзага келди. Эътиборли томони шундаки, мутахассислар бу турдаги мақомларнинг Шашмақом ва Хоразм мақомларидан фарқли ўлароқ «тарқоқ тизим» шаклида бўлиши сабабини аксарият ҳолда «шаҳар маданияти» омили билан изоҳлайдилар. Жумладан, профессор В. М. Беляев Фарғона–Тошкент мақом йўлларининг яхлит бир бутун тизимга эга эмаслигини уларни асосан «шаҳар савдогарлари ва ҳунармандлари муҳитида» яшаб келганлиги билан шарҳлайди [8].

Бу масалани ўзгача ёндошув асосида изоҳловчи бошқа бир нуқта назарда ҳам «шаҳар омили»га муҳим ўрин берилган. Хусусан, профессор Р. Ю. Юнусов фикрича Фарғона-Тошкент мусиқа маданиятида ижодий кучлар Бухоро ва Хива хонлари саройларида бўлгани каби бир шаҳарда уюшмаган эдилар. Бу ҳолат провард натижада мақомларнинг яшаш шакли ва уларни тизимлаштириш масаласига ўз таъсирини кўрсатган [9].

Назаримизда баён этилган ушбу фикрларга яна бир омилни қўшиб-қўйиш мумкин. У ҳам бўлса мусиқа илмининг Фарғона-Тошкент мақом йўллари шаклланишида етарлича фаол иштирок этмаганлигидир. Чунки бу даврга келиб мусиқа илми аввалги асрларда эришган ўзининг юқори даражаларидан анчагина чекинган эди.

Демак, мақом тизимларининг юзага келиши ижтимоий-маданий тараққиётнинг маълум босқичига дахлдор бўлиб, бу маънода уларни шаҳар маданиятининг маҳсули, дея баҳолашимиз мумкин экан.

Изоҳлар:

1. Борбад (ваф. 627) Сосонийлар саройида шоҳ Хусров Парвиз даврида (590-628) хизмат қилган машҳур мусиқачи.
2. Масалан қаранг: Фофурбеков Т. Б. Творческие ресурсы национальной монодии и их преломление в узбекской советской музыке. Т., 1987. С. 8-11; Виноградов В. С. Классические традиции иранской музыки. М., 1981. С. 28
3. Джумаев А. Б. К вопросу (проблеме) эволюции эстетических учений о макаме. // Вопросы эстетики и истории и теории монодии. Т., 1987. С. 16-24
4. Қаранг: О. Иброҳимов. Ҳазрат Навоий ва мақом. Тўплам.: Мусиқа ижодиёти масалалари 2 китоб. Т., 2002
5. Булгаков П. Г. Жизнь и труды Беруни. Т., 1972. С. 18.
6. Ибн Арабшоҳ. Амир Темур тарихи. 1 китоб. Т., 1992. 86-87 б.
7. И. Ражабов. Мақомлар масаласига доир. Т., 1963.
8. В. М. Беляев. Гульёр-Шахноз. В кн.: Проблемы музыкального фольклора народов СССР. Статьи и материалы. М., 1973. С. 357-358.
9. Р. Ю. Юнусов. Черты общности и различий в макомах и мугамах. Кандидатская. Диссертация. Т., 1982, биб. НИИ Искусствознания, инв. №798, с. 129.

Место и роль музыкального фольклора в городской культуре

Музыкальный фольклор как искусство, органически включенное в повседневную жизнь — объект традиционного и возрастающего внимания исследователей различных отраслей науки, ибо фольклор принадлежит к тому искусству «эстетики тождества», в котором «текст» выступает в значительной мере как «возбудитель внутренней информации» (Ю. Лотман). Анализ отдельных сторон народного музыкального языка (звукорядов, ритмов, склада и т. д.), а тем более таких специфически содержательных и сложных явлений, как лад, интонация, мелодика в целом, — может опираться на принцип многослойности выразительных средств, каждое из которых как бы в свернутом виде включает в себя историю, по необходимости являющуюся историей конкретных национальных и социальных общностей.

Проблема современного фольклора, как и проблема нового содержания традиционных жанров, — это проблема исторических судеб фольклора в стремительно меняющихся социальных условиях Узбекистана. Основательные прогнозы возможны лишь как результат изучения всей совокупности общественных процессов, оказывающих возмущающее воздействие на фольклорную традицию. Без углубленного анализа основных тенденций общественного развития несерьезной представляется сама постановка традиционного вопроса — умирает или будет жить впредь фольклор как особая форма художественного сознания.

Индустриализация и урбанизация создают новые экономические и социальные условия, в которые не укладывается традиционный фольклор, которые вызывают рождение новых видов бытовой музыки, устной и профессиональной, находящихся до сих пор в

неопределенных отношениях с фольклором. Изменение социальных и производственных условий изменили и бытование традиционного музыкального фольклора. Исчезает тот производственно-психологический базис, который стимулировал создание многих видов фольклорного песнетворчества. Отмирание определенных песенных жанров (трудовых, календарных, некоторых свадебных, колыбельных и др.) становится, по-видимому, необратимым процессом. Но эти песни сохраняются в памяти народа как песенное наследие, как традиция, обладающая высокими художественными качествами, однако уже без непосредственной связи с трудовой жизнью народа. Иногда эта функция частично сохраняется в современных праздниках окончания работ по уборке урожая, празднования Навруза и др. Большею связью с живым народным бытом в узбекском фольклоре обладают некоторые календарные и семейные обрядовые песни, сохранившие силу излюбленных народных обычаев, а также разнообразные бытовые, лирические, юмористические, танцевальные и др. Еще более отчуждается от многих видов фольклора современный индустриальный город.

Место и роль музыкального фольклора в городской среде все больше становится предметом научно-теоретических исследований. Некоторые исследователи считают, что в условиях современного городского общества нет той социальной базы, на которой могла бы развиваться традиционная народная культура. Действительно, здесь заметно изменились социальные условия развития духовной культуры. Установилось новое соотношение между городом и деревней. Иной стала структура городского и сельского населения. Существенным фактором, определяющим характер духовной жизни общества, является также новое соотношение работников физического и умственного труда.

Отмеченные факторы очень важны для вопроса о музыкальном фольклоре, ибо в прошлом его основным социальным носителем были люди физического труда, главным образом дехкане, пастухи, ремесленники — жители деревни.

Духовная культура современного Узбекистана может быть разделена на культуру города и деревни (в прошлом, исходя из образа жизни и трудовой деятельности народа, она подразделялась на земледельческую, скотоводческую и городскую), каждая из которых характеризуется, в свою очередь, также очень сложной структурой.

Во-первых, весьма существенно членение культуры на традиционно фольклорную и традиционно изустно-профессиональную, каждая из которых отличается своим жанровым составом, функциональными особенностями и исполнением. Если для сельского музыкального фольклора характерно бытование и распространение прикладных форм и жанров – трудовых, колыбельных, обрядовых (календарных, свадебных, похоронно-поминальных, культово-ритуальных) и др., то в городской среде получили распространение колыбельные «алла», календарные песни-колядки «Рамазон», свадебные «Ер-ер», «Туй муборак», «Келин салом», «Кутлов» и «Айтишув», а также неприкладные жанры фольклора – терма, кошук, лапар, ялла и ашула. Именно городская среда оказалась благоприятной для сохранения и развития данных жанров народного песнетворчества.

В сельской местности продолжается дальнейшее саморазвитие и инструментальной культуры в рамках включенного в ритуализированные формы быта устного сольного музицирования. В городе реализуются возможности, привнесенные новым временем; осуществляется развитие в формах профессионального концертного исполнительства, но уже опирающегося на письменность (сольного и ансамблево-оркестрового). Между обоими течениями нет жесткого разграничения. Причина этого – современные средства массовой информации. Но главное – это преемственная связь, так как новые формы концертного музицирования, при всей своей качественной новизне, стали адекватной реализацией некоторых структурных особенностей традиционной культуры и функционирования ее произведений. При этом, в силу перестройки структуры бытования, профессиональ-

ная линия традиционного инструментализма (в прошлом в городской культуре сформировались своеобразные цеха музыкантов-певцов со своим уставом, которые просуществовали вплоть до XX столетия) естественно и органично включилась в культуру современного города, что наряду с факторами социально-демографического порядка способствовало сохранению и дальнейшему развитию традиционной культуры в целом.

Народная музыка узбеков, устная по своей природе, не была явлением только фольклорным с его органической художественно-прикладной бифункциональностью. В процессе многовекового развития в рамках устного музицирования сложилось вокальное (катта ашула, макомы) и инструментальное (сольное и ансамблевое) искусство, которое по общественной функции в городской среде вышло за рамки прикладного и достигло высокого профессионализма со всеми необходимыми атрибутами. Исполнительство оформилось в род профессиональной деятельности, способной быть источником существования, четко определилась роль творца-бастакора, как осознающей свое авторство творческой индивидуальности, сложился пласт собственно музыки, предназначенной только для слушания и не несущей иных — магических, прикладных, иллюстративных — функций, сформировалось разделение на исполнителей и слушателей. Следует отметить, что фольклорное музицирование не знает разделения на исполнителей и слушателей, и ему неведом феномен преподносимого произведения. Некогда однородное в социокультурном отношении явление функционирования традиционной музыки в городе расслоилось на два — традиционное и урбанизированное.

Во-вторых, городская культура дифференцируется по видам деятельности на профессиональную и непрофессиональную (любительскую и самодеятельскую), для последних характерно использование обычно традиционных художественных форм. Городская ветвь явилась новым этапом в развитии профессионального пласта народной культуры, она естественно

продолжила и развила тенденции к концертности, заложенные в народном музицировании. Ветвь эта на протяжении своей недолгой истории стремительно эволюционировала, в ее русле произошел синтез двух форм профессионализма, форм, различных стадияльно (прошлое и современность) и типологически (устная и письменная). Новая жизнь внесла в народное творчество не только новые образы, рожденные современностью, не только новые формы коллективного пения и ансамблевой игры и новые исполнительские приемы. Она отразилась и на таком важном аспекте духовной культуры народа, как самооценка традиционного искусства. Именно в городской среде в XX веке сложились новые формы сохранения и пропаганды традиционного фольклора и обрядов – фольклорно-этнографические ансамбли, в концертном репертуаре которых значительное место стали занимать обряды и обрядовая музыка, традиционный инструментарий и народные танцы со своими атрибутами.

Городская ветвь традиционной культуры приобрела преимущественно исполнительское направление, что связано с целым комплексом причин, объединенных вокруг двух основных: первая – изменение структуры устной традиции, происшедшее с введением письменности, и вторая – неразработанность теории о месте и роли традиционной музыки в системе современной музыкальной культуры. Наконец, в-третьих, в городской культуре различаются элитарная культура и массовая (особый вид культуры – результат применения техники массовой коммуникации), многообразная по своим формам бытования. Общим для всей массовой музыкальной культуры является использование «популярных форм» (поп- и рок-музыка), что активизирует вопросы отношения популярной молодежной музыки к явлениям фольклора. Современная поп- и рок-музыка в молодежном быту занимает место традиционной народной песни, отчуждает ее, уничтожает ее эстетику, но сама фольклоризируется (благодаря устной природе формирования и распространения), входит в огромные массы народа, благодаря современным каналам музыкальной информации идет из города в сельскую местность. И изучение

музыкального фольклора не может проходить мимо современных явлений, определяющих интенсивный музыкальный быт широчайших народных масс, в первую очередь молодежи, как бы мы не называли эти различные явления, насколько они ни казались нам ущербными и далекими от традиционного фольклора.

Данные факторы не должны, однако, привести нас к концепции исчезновения музыкального фольклора в современности: изменяются лишь роль и функции фольклора. Бытование и жизнь музыкального фольклора в наши дни определяются новыми многообразными процессами интеграции традиционной народной музыки в культуру современности, широчайшим распространением народной песни и инструментальной музыки благодаря современным аудиовизуальным средствам музыкальной информации, художественной самодетельности, огромным «фольклорным фондом» в творчестве композиторов Узбекистана.

Роль историко-культурной среды городов в формировании живописи Средней Азии начала XX века

Вопросы становления изобразительного искусства в среднеазиатском регионе до сих пор недостаточно исследованы. Прошедшее столетие оставило исследователям крайне сложный материал, который еще предстоит заново осмыслить не только с художественной точки зрения, но и с позиций анализа особенностей среды, в которой оно формировалось. Необходимо исследовать сложное сочетание политических и художественных факторов, требуется объективность в понимании их роли в процессе кардинальных трансформаций местной культуры. В настоящее время можно говорить о возможности новых подходов к изучению искусства этого периода. Здесь важно обратить внимание не только на стилистические тенденции, но и на специфичность традиционной культуры и уникальность ситуации, в которой развивались общие процессы и новые формы. На ход адаптации европейских видов искусства культурой региона оказывали воздействие такие факторы, как специфика городской и кочевой культуры, уровень художественной жизни, роль приезжих мастеров. Поэтому формирование молодых художественных школ имело различную динамику и представляло собой разные варианты единого процесса, который был связан с коренным изменением всей системы традиционного общества. Особенность генезиса живописи заключалась в самом его «механизме» — стыке двух разных по стадияльному типу культур — с одной стороны, местной городской, а также кочевой мусульманской, с другой — европейской. Причем местная культура была не однородна и представляла собой сложный симбиоз традиций исламского средневекового искусства и мифопоэтического наследия кочевых этносов региона.

После революции резкое изменение историко-культурной траектории, а затем относительно быстрый скачок в сторону «другого» пути, проходили в результате утверждения атеистических приоритетов, насильственном переходе кочевых народов к оседлости. На характере и темпах формирования новых видов искусства в Казахстане и Киргизии сказывался принудительный, крайне болезненно протекавший отказ от кочевья. Социальные и культурные трансформации шли сравнительно медленно, они воспринимались как крушение всего традиционного мира, его экосистемы. Немаловажную роль играло и то, что фонд традиций туркмен, казахов и киргизов состоял главным образом из устного мифопоэтического наследия и эпоса, сохраненных этими этносами вплоть до XX века. Отсутствие развитой городской среды, сложность адаптации этих народов к городской жизни, а также уровень автохтонной культуры, сохраняющий связь с патриархальными представлениями, стали причиной того, что в 1920–30-е гг. здесь почти не было художников местной национальности, за исключением Б. Нурали в Туркмении и А. Кастеева в Казахстане. Их появление воплощало идею восприятия новых европейских форм искусства, в которой важным было ускоренное овладение натурным восприятием действительности, что было чуждо традиционному искусству в силу его стадильной специфики. Эти первые национальные художники отразили сложный процесс, имеющий важный исторический смысл — переход искусства от доиндивидуального к индивидуальному типу, способствующему рождению собственного мира художника.

Наиболее интенсивно по сравнению с другими школами региона художественный процесс протекал в Узбекистане. Города Ташкент, Самарканд становились центрами художественной жизни, в них формировались институции новой культуры — музеи, студии, общества художников. Особенность ситуации заключалась в том, что развитие искусства определяли мастера в основном авангардной ориентации. В 1920-е гг. здесь плодотворно работали художники, близкие кубистическому и экспрессионистическому направлениям (А. Волков, М. Курзин, Н. Кашина, Е. Каравай),

кубофутуризму (В. Уфимцев), неоклассике (В. Маркова), импрессионизму (П. Беньков). У каждого мастера ярко проявилась тенденция к самостоятельной интерпретации Востока. Однако не только индивидуальность каждого художника определяла специфичность авангарда в Узбекистане, он сильно корректировался ситуацией и проблемами формирования национальной школы. Здесь шла острая полемика о двух путях развития молодой художественной школы — реализме и авангарде. Если приверженцы авангарда ставили вопросы о том, как перевести традиционную восточную культуру в новую форму, не отказываясь от ее самобытности, то апологеты традиционного реализма XIX в. считали, что не может быть связи между ним и местной культурой. Важно подчеркнуть, что при отсутствии традиций европейского искусства в регионе мастера авангарда не отрицали местный культурный пласт; а искали с ним связи, и первыми протянули нити преемственности в поисках продолжения традиций узбекского искусства в станковой живописи. Понимая, что оно ярко проявляется в орнаментальном декоративизме народного искусства, удивительной поэтичности и красоте миниатюры, они искали пути для продолжения этих традиций в новой для Узбекистана станковой живописи.

Наиболее самобытно и глубоко индивидуально авангардная концепция нашла воплощение в творчестве Александра Волкова. Он активно воспринимал новейшие течения русской живописи, которая на заре авангарда оказалась под сильным влиянием французского кубизма. В живописи художника кубизм играл роль фундамента, придавая особые черты его поискам в русле неопримитивизма и конструктивизма. Начиная с «Восточного примитива» (1918-1920), затем в «витражных» композициях и в особенности в серии «Караван» (1921), художник все более отходил от реальных форм. Его работы свидетельствуют о том, что Волков шел по пути сильнейшего обобщения формы и усиления декоративного звучания цвета, считая, что живопись Востока главным образом построена на примитиве и на живописно-декоративном начале. Взяв за основу принципы народного

искусства и создавая композиции из геометрических форм и яркого, локального цвета, он стремился к достижению плоскостности. Именно плоскостность, двухмерность восточного искусства была одним из важнейших условий для реализации пластических идей авангарда. Произведения Волкова 20-х годов свидетельствуют о том, что интуиция вела его к предчувствию в мусульманском искусстве таких основ, которые могли быть близки некоторым закономерностям авангарда. В этом он опирался на принципиальный для исламского искусства постулат о том, что ему было отказано в материально-чувственном начале, иллюзии действительности. Иррациональность и эсхатологическая ориентация авангарда, по гениальным предчувствиям этого мастера, могли найти для себя почву в этих традициях.

У. Тансыкбаев, Н. Карахан, А. Подковыров, П. Щеголев, творчество которых формировалось в середине 1920-х гг. в Ташкенте под влиянием А. Волкова, к концу десятилетия обрели свой живописный язык. Им не удалось получить профессионального систематического образования, глубоких художественных познаний, какими обладали их старшие коллеги. Во многом их формировало время — живая, творческая атмосфера выставок, споров, дискуссий. В понимании путей развития узбекской живописи они шли за концепцией Волкова, который видел этот путь как уникальный синтез богатого наследия народа с новейшими явлениями искусства XX в.

В произведениях У. Тансыкбаева основной импульс идет от постимпрессионизма. Известно, что Тансыкбаев и Подковыров, учась в Пензе, специально отправились в 1929 г. Москву, чтобы увидеть одну из лучших коллекций постимпрессионизма в Музее Нового Западного искусства. Они стремились постичь опыт тех европейских мастеров, которые «открывали» культуры Азии и Африки, первыми стали, опираясь на традиции Востока, создавать новый язык европейской живописи. Урал Тансыкбаев, восприняв многое из этого, смог с редкой искренностью, лиричностью и истинно песенной широтой выразить себя в картинах «Кочевье»,

«В родном ауле» и др. Поразительно быстро он сформировался в яркую творческую личность со своим особым, отнюдь не патриархальным или дилетантским, но глубоко национальным мироощущением. И уже в 1934 г. московская критика называла его «главой узбекистанских колористов».

Интересно сравнить формирование У. Тансыкбаева и развитие первых национальных художников Б. Нурали из Туркменистана и А. Кастеева из Казахстана, которые, несмотря на свой колоссальный природный дар, остались художниками, близкими наивно-патриархальному восприятию мира, сохранили в себе традиционный культурный комплекс. Они остались мастерами переходной поры и всем своим творчеством воплощали идею постепенного восприятия новых европейских форм искусства, в котором важным было овладение натурным восприятием при становлении художника нового типа.

Феномен Урала Тансыкбаева — первого художника местной национальности в Узбекистане был, бесспорно, уникальным для той поры явлением. На его ускоренное формирование, несомненно, оказывала влияние абсолютно другая, чем у Нурали и Кастеева культурная база, фонд традиций. Важен также был и контекст — он жил и работал в городской рабочей среде в атмосфере становления активной художественной жизни Ташкента, испытывая прогрессивное воздействие ярких талантливых мастеров авангарда. К началу 30-х гг. художников авангарда можно разделить по близким творческим концепциям: с одной стороны — А. Волков, в группу которого входили У. Тансыкбаев, А. Подковыров, Н. Карахан, П. Щеголев, в другой — М. Курзин, В. Уфимцев, Е. Каравай.

Таким образом, одним из факторов, повлиявших на динамику формирования мастеров Узбекистана 1920–30-гг., был фактор развитой городской среды, роль богатых локальных традиций, которые определяли многие пластические принципы авангарда. В творчестве художников происходили трансформации двух кардинально различных феноменов — местных традиций и авангардных принципов, в ходе которых раскрывались необычные

грани и возможности каждого компонента для нового и оригинального синтеза. И, несомненно, на всех оказывала влияние уникальность той историко-культурной ситуации, в которой им пришлось жить и творить. Обладая высокой художественной культурой и творческой самоотверженностью, эти художники понимали, что новое искусство Узбекистана должно развиваться, опираясь на свои, богатейшие традиции, а не отказываться от них, что переопределило дальнейшее развитие всей региональной живописи XX столетия.

Музейные собрания предметов ремесленничества и декоративно-прикладного искусства Ташкента XVIII-XX веков

Музеи называют сокровищницами истории, культуры и искусства. В них хранятся и экспонируются разнообразные редкие и ценные предметы, изучается прошлое ради передачи знаний и культурных традиций новым поколениям.

Музеи Ташкента являются важным градообразующим фактором, свидетельствуют о развитости культурной жизни города, служат целям накопления, сохранения и распространения социальной информации через музейные предметы.

Рост интереса к культурному наследию, сосредоточенному в музеях, многократно усиливает возможности их воздействия на возрождение духовности и культуры.

В трёх крупнейших музеях Ташкента – Государственном музее истории Узбекистана, Государственном музее искусств Узбекистана и Музее прикладного искусства Узбекистана – хранятся уникальные коллекции предметов народно-прикладного искусства, в которых значительное место занимают изделия, изготовленные ремесленниками и народными мастерами Ташкента.

Коллекции керамики включают блюда, чаши, вазы и другие поливные изделия, терракоту, пластику малых форм, созданные как безымянными, так и известными ташкентскими мастерами А. Аминовым, А. Абдукаюмовым, А. Алимовым, Т. Мирвалиевым, М. и А. Рахимовыми, Ч. Садыковым, Усто Ташпулатом и др. Принципы декорирования, характер орнамента, технология их изготовления отличаются многообразием. В изготовлении изделий использованы такие приёмы и техники как лощение, резьба,

полихромная и монохромная роспись, вдавленный орнамент с применением штампов, гравировка в сочетании с росписью и др.

Наряду с орнаментальной керамикой, продолжающей традиции XIX в., в Ташкенте была восстановлена и так называемая безузорная люстровая керамика с глубокой темной поливой различных оттенков.

Одним из интереснейших мастеров-керамистов Ташкента являлся Мухитдин Рахимов, который в создании керамических изделий пошёл по пути восстановления форм орнамента и художественных приёмов, бытовавших на территории Узбекистана в прошлые века, в т. ч. и древнеташкентской керамики X–XI вв. Среди работ М. К. Рахимова выделяются комплекты национальной посуды, изготовленные в честь 525-летия со дня рождения А. Навои и 1000-летия Абу Райхона Беруни.

Привлекают внимание работы художника-керамиста Рахматуллы Арипджанова, в т. ч. вазы, расписанные пейзажными видами в стиле восточных миниатюр.

Высоким уровнем исполнительской культуры отличаются музейные коллекции чеканки по металлу XVIII–XX вв. Наиболее многочисленна группа хозяйственной и столовой медночеканной посуды: подносы и чаши, сосуды для воды и чая, хранения продуктов; письменные и туалетные принадлежности, ритуально-религиозные предметы. Одним из ранних в музейных коллекциях являются ляган из красной меди, датированный 1729 г. Он орнаментирован чеканными узорами мехроб, занжира и др. На некоторых из изделий изображены сюжетные композиции. Искусство ташкентских чеканщиков XX в. представлено работами таких известных мастеров, как И. Насыров, Г. Тикаев, Д. Азизов, Ю. Мусаев, Р. Сайбов и др.

Разнообразием назначения и типов отличаются ташкентские женские ювелирные украшения: головные, налобные, накосные, височные, ушные, нагрудные, наплечные, наручные и др.

Мастера-ювелиры Ташкента владели техникой тиснения, черни, ажурной и накладной филиграни, зерни. Для изделий XIX – нач. XX вв. характерны особая усложнённая форма, обильное использование различных вставок, даже перенасыщенность орнаментами крупных форм.

Интересны украшения из мельхиора, выполненные ташкентскими ювелирами 2-й половины XX века. В их числе искусно орнаментированные браслеты, кольца и кулоны; браслеты, серьги, кольца и др., созданные К. А. Азизовым и З. Гулямовым. Выделяются своими узорами и дизайном шейные амулеты, зебигардоны, серьги, исполненные Ф. Дадамухамедовым, тиллякоши, амулетницы, кулоны, браслеты, кольца, броши в стиле филиграни работы Н. Н. Дзюбы.

К распространённому виду народного декоративно-прикладного искусства относятся резьба и роспись по дереву. В музеях собраны двери, декоративные столики, табуретки, шкапулки, сундучки и др., обильно украшенные резьбой и росписью. Среди них работы таких известных ташкентских мастеров, как Г. Аюбходжаев, С. Ходжаев, М. Касымов, Т. Тахтаходжаев, Я. Рауфов и др.

В музеях хранятся и экспонируются узбекские национальные ударные, духовые и струнные музыкальные инструменты работы М. Мирзаева, Н. Е. Рюхина, Ш. А. Ирмухамедова и др. Особую ценность представляют инструменты, созданные известным мастером У. Зуфаровым, в отделке которых использованы полудрагоценные камни, перламутр, тончайшие орнаменты.

В коллекциях ташкентских ручных вышивок XIX – нач. XX вв. имеются крупные настенные декоративные сузана, нимсузана, паляк, зардевор, простыни чойшаб, жойпуш, купальные простыни и полотенца козиклунги, танпоккун; бугджома для заворачивания чистого белья, молитвенные коврики жойномоз, мелкие вышивки – ойна халта, чой халта, пул халта и др., украшенные вышивкой предметы мужской и женской одежды. Имеются образцы машинной тамбурной вышивки.

Музейные коллекции, представляющие искусство набойки, включают в себя штампы из тутовника и карагача, предназначенные для нанесения узоров на ткань, а также прекрасные образцы набоек как мастеров XIX в., так и ташкентских мастеров второй пол. XX в. А. Абдугафурова и А. Рахимова.

В коллекции национальной одежды ташкентских узбеков собраны мужские, женские и детские распашные халаты, паранджи, платья, нательное бельё, головные уборы, обувь. Сформированы собрания хлопчатобумажных и полушелковых национальных тканей.

Наряду с традиционными направлениями декоративно-прикладного искусства в музеях велось укомплектование коллекций фарфора, стекла, миниатюрной сюжетной живописи на папье-маше, также отличающихся высокими художественными достоинствами.

Сосредоточение в музеях Ташкента памятников традиционного декоративно-прикладного искусства, их изучение, экспонирование и опубликование позволяют использовать их, как источник в решении научных и образовательных проблем, для культурных контактов с другими странами, развития туризма.

Большое значение в активизации этого и других направлений работы музеев Ташкента имели указ Президента И. А. Каримова «О коренном улучшении и совершенствовании деятельности музеев» от 12 января 1998 года, принятые постановления Правительства.

Требуют своего научного обоснования и разработки в новых условиях вопросы научного проектирования и создания музейных экспозиции и выставок, комплектования, учёта и хранения коллекций, строительства новых фондохранилищ, оснащенных современным оборудованием, проведения научных исследований и оформления их результатов. Необходимо разработать более эффективные формы и методы проведения музеями культурно-образовательной работы.

Требуют самого пристального внимания проблемы, связанные с формированием и обогащением музейных фондов, отбором экспонатов для включения в их состав. Нельзя считать нормальной сложившуюся за последние годы практику пополнения коллекций только за счёт передачи ценностей, конфискованных таможенными органами. В данном случае можно говорить только о художественной искусствоведческой ценности предметов, в то время как сведения о времени и месте их изготовления и бытования и проч., необходимые для научного описания и использования в просветительских целях, отсутствуют. Кроме того, из-за нехватки у музеев средств не закупаются изделия талантливых современных мастеров.

Актуальными являются вопросы экономики, коммерциализации в области музейного дела, направленные на поддержание финансово-экономического положения музеев, автоматизации и внедрения новых информационных технологий, взаимодействия музеев с различными фондами, учреждениями и организациями и некоторые другие, связанные с жизнеобеспечением музеев.

Одним из источников столь необходимых музею доходов могла бы стать реализация рекламной продукции, подготовка и издание которой также пока еще находится в начальной стадии. Это не только укрепит финансовое положение, но и станет одной из форм пропаганды памятников истории и культуры и деятельности самих музеев. Большое значение будет иметь изготовление и реализация компьютерных дискет с информацией об историко-культурных памятниках.

Необходимо возродить практику существования при музеях ткацких, керамических, ювелирных и иных мастерских, мастерских по изготовлению художественной набойки, как это имело место еще в 1920-е годы. Тогда предметы, хранимые в музеях, могли бы служить образцами и неиссякаемым источником вдохновения для мастеров наших дней, а сохранившиеся орудия труда и технологии помогли бы им использовать бесценный опыт и трудовые навыки, накопленные лучшими мастерами-ремесленниками Узбекистана.

Кино как феномен урбанистической культуры

Кинематограф, появившийся в конце XIX века в Европе как порождение урбанистической цивилизации, стал играть исключительно важную социально-коммуникативную, просветительскую, культурно-художественную и познавательно-идеологическую роль на протяжении всего XX века. За короткий период своего существования кинематограф успел вклиниться в социальную жизнь и распространился в ней так широко, как не удавалось никакому другому виду искусства.

Кинематограф сыграл важную конструктивную роль в жизни среднеазиатского населения как инструмент реформации общественного сознания и в то же время способствовал динамичному формированию городского менталитета.

В процессе развития национального игрового кино сформировалась стилистика «урбанистического фильма». Драматургия таких фильмов была основана на интерпретации городских коллизий. Это явление стало особенно заметным в 1960-е годы в связи с усилившимся процессом урбанистического самосознания. В это время появилась новая генерация узбекских режиссеров, которые в своих картинах смогли наиболее полно отразить этот общий социально-культурный феномен.

Новое поколение кинематографистов обращается к широким возможностям природной документальности кино. Этот период отмечен повышенным вниманием к жизненной правде, поисками средств личностного анализа действительности и внутреннего мира реального человека. Важно отметить, что рубеж 1950-60-х дал

множество принципиальных открытий, естественно изменивших направленность творческих поисков, а в итоге – и художественную систему экранной речи.

Именно в этот период создаются игровые фильмы, получившие широкий зрительский резонанс – «Об этом говорит вся махалля» (реж. Ш. Аббасов), «Нежность», «Влюбленные» (реж. Э. Ишмухамедов). Поиски нового, современного стиля повествования, новых средств экранной речи, молодые кинорежиссеры начали с решительного обновления изобразительной и ритмической структуры фильма.

Где-то в недрах фильмов «поэтического кинематографа», пытавшихся пусть в самых отвлеченной форме приблизить кино к постановке проблем человеческого духа и вопросов бытийного масштаба, формировался и интерес к возможностям притчевого повествования.

В центре этих фильмов стоит образ Ташкента – наиболее емко персонифицировавшего представления об урбанистической культуре, нравственно-этических аспектах поколений, сформировавшихся в условиях городского окружения. Как жанрово-стилевые признаки, так и драматургия и сюжетосложение этих фильмов отличаются друг от друга. Но город как армирующий компонент достаточно явно просматривается в философской концепции этой серии картин. К ним можно отнести известные работы – городские баллады Э. Ишмухамедова «Нежность», «Влюбленные», «Какие наши годы», «Прощай, зелень лета», а также работы Ш. Аббасова, «Об этом говорит вся махалля», «Ташкент – город хлебный» Р. Батырова «Мой добрый человек», «Ждем тебя парень», телефильм Ш. Джунайдуллаева «Осенняя новелла» и др.

На национальном экране стилистика «урбанистического фильма» получает жизнь во многом благодаря «Нежности» Э. Ишмухамедова, соединившего быт и лиризм. Авторы фильма разработали экранный способ поэтического повествования, воспользовавшись ритмическими повторами, стремительным движением камеры, интонациями сентиментально-любовной лирики, соединив

прерывисто развивающейся сюжет поэтически обобщенным образом Города. Снятые «от руки», в документальной стилистике, городские улицы и летние кафе, лица прохожих создают ощущение «потока жизни». Особо звучит в фильме тема Анхора – реки, протекающей в центре Ташкента. Кадры, где ребячьи прыгает с моста в воду, «флотилии» баллонов стали своеобразным символом молодости нескольких поколений жителей Ташкента. Важно, что Э. Ишмухамедов и О. Агишев и в следующих своих «городских балладах» продолжают эту тему. Например, в совместных работах этих же авторов «Влюбленные», «Птицы наших надежд», «Какие наши годы», «Встречи и расставания», «Прощай, зелень лета» красной нитью, основным лейтмотивом проходит тема Анхора. Классическая модель «урбанистического кино» используется Э. Ишмухамедовым в фильмах «Юность гения», «Птицы наших надежд», «Какие наши годы», «Встречи и расставания», «Прощай, зелень лета». В незатейливой пластической структуре фильма «Влюбленные» – камера выступает в роли проводника. Вместе со своим «проводником» режиссер прежде всего объясняется в любви к Ташкенту, городу, где все возможно, где встречаются люди разных национальностей, обнаруживая, что вместе они составляют человечество. Поэтому из чисто повествовательной камера незаметно становится размышляющей. Центральная тема фильма – это тема преодоления границ, барьеров, разделяющих людей.

В фильме «Прощай, зелень лета» авторы воссоздают жизнь Ташкента начала 1950-х. Поразительна достоверность фильма, не только фактографическая, бытовая (жизнь «коммуналок», старые ташкентские дворики, летний кинотеатр и т. д.), здесь есть и нечто большее – точность внутренней атмосферы тех непростых лет, глубокий социальный подтекст.

Поэтика городской жизни находит свое отражение и в фильмах Р. Батырова «Мой добрый человек», «Ждем тебя, парень». Кинорежиссер в своих фильмах продолжает линию «урбанистического фильма», поэтического осмысления действительности. Об этом свидетельствует строй картины, свободный и раскованный, соответствующий ритму большого города, характеру героя.

В более поздний период, в 1970–90 годы, урбанистическая проблематика получает развитие в цикле «городских историй» М. Абзалова, М. Ага-Мирзаева, З. Мусакова, где поэтика фильмов и их эстетические качества больше связаны с городом не структурно, а стилистически, когда город выступает в качестве второстепенного «персонажа», фона. Примечательно, что к концу 1980-х, по сравнению с 1960-и годами — периодом «всплеска» нового в узбекском кино, внимание кинематографистов от индивидуального переместилось в сферу типологического. Человек стал интересовать кинематографистов преимущественно как тот или иной социальный тип, как знак той или иной проблемы. С заметным угасанием лирико-субъективных, поэтических тенденций, стилистика «урбанистического фильма» в национальном кинематографе в известной мере нивелируется.

В свою очередь, телевизионные сериалы неожиданно выявили специфику урбанистических зрелищных коммуникаций. «Семейная сага», «городской эпос» лежат в основе большинства телесериалов как зарубежных, так и узбекских («Санта Барбара», «Богатые тоже плачут», «Московские окна», «Черный ворон», «Побег» и др.).

Фильмография узбекских телевизионных сериалов также довольно объемиста. Примечательно, что герои уже ставших популярными узбекских телесериалов «Домла», «Чархпалак», «Кунгил кучалари», «Кайтмас» — в основном горожане, представители урбанизированной среды. Сюжетные блоки этих сериалов отражают чисто семейные перипетии, то есть ссоры, размолвки, примирения, частные события, вытекающие из характерологических черт персонажей. Генезис многих персонажей, мотивов восходит к своеобразному урбанистическому типу мышления, к городскому фольклору.

Примечания:

1. Абул-Касымов Х., Тешабаев Дж., Мирзамухамедова М: Кино-Узбекистана. Т., 1985.
2. Бернштейн Д. Кино и архитектура. // Искусство кино. 1992, № 6, с. 46-54.
3. Кракауер З. Природа фильма или реабилитация физической реальности. М., 1974.
4. Лстман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973.
5. Лоусон Дж. Г. Фильм – творческий процесс или язык и структура фильма. М., 1965.
6. Принципы серийности в телевизионном фильме. Материалы творческой конференции // Институт истории искусств, 1979 г.

XX аср шаҳар маданиятида сиёсий графиканинг шаклланиши

(Ўзбекистон графикаси ривожининг баъзи масалалари).

Инсонни ҳақиқий ҳаётга тайёрлаш, яъни таълим — тарбия масаласи унинг ҳаётидаги энг қадимий масалалардан биридир. Инсоният тарихи тарбия тарихидан мутлақо воз кечган ёки уни бутунлай четга суриб қўйган бирон — бир даврни билмайди. Чунки тарбия кишилиқ жамиятининг давом этиши, ижтимоий ишлаб чиқаришнинг ривожланиши учун зарур булган муҳим шартларидан биридир.

Тарбия сермазмун ва кўпқиррали жараён булиб, унинг мазмунини эса «эстетик» тарбия ташкил этади ва ўз ўрнида асосан санъат ёрдамида амалга оширилади. Шу нуқтаи назардан қараганда, санъатнинг энг оммавий тури бўлган «Муштум» ҳажвий журналининг тарбияси эса кишиларни тарбиялаш соҳасида энг ўткир воситалардан биридир.

Санъатнинг бошқа турлари каби «Муштум»да ҳам озикланидиган асосий манба — ҳаётдир.

У ҳаётга, инсонларга нисбатан — муҳаббат, ишонч уйғотиш, уларни гўзал фазилатларга эга бўлишга ундайди. «Муштум» ўқувчиларни аниқ нарсаларни муҳокама этиш, улар устидан фикр юритишга, фалсафий ўйлашга ва хулосалар чиқаришга ундайди. Содда қилиб айтганда, тўғрини эгрідан, яхшини ёмондан ажратишга ёрдам беради, аммо танқид кимга қаратилган бўлса, унга даҳшат бўлиб туюлади.

«Муштум»нинг муҳим фазилати шундаки, у беодобларни қоралаш орқали кишиларга одобдан таълим беради ва ўз ўрнида ўзбек ҳажвий графика санъатининг муқаддас бурчи бўлиб қолади.

Ўзбекистонда «совет» тузуми ўрнатилганидан сўнг муҳим роль ўйнаган ҳажвий журналлардан: Самарқанд шаҳрида 1926—1929

йилларда нашр этилган «Овози тожик» ва «Мулло Мушфиқий» журналлари эди. Бу журналларда асосан халқ ҳикояларидан (латифалар) босилган. Журнал бир хил рангдаги 8 бетдан иборат булиб, карикатурачи рассомлар томонидан унинг устки муқовалари безатилар эди. Яна шундай ҳажвий журналлардан бири бўлган «Машраб» 1924 йилнинг июль ойидан бошлаб Самарқандда чиқадиган «Зарафшон» газетасига илова тарзида нашри май ойига қадар давом этди ва «Муштум»нинг йўлдоши сифатида турли иллатларга қарши кураш олиб борди. Шунингдек, ёш ҳажв кучларини етиштиришда, ҳажвий графика санъатини тараққий эттиришда ўз ҳиссасини қўшди.

1923 йил февраль ойида эса Тошкент шаҳрида «Қизил Ўзбекистон» нашриётининг раҳбарлигидаги янги ҳажвий «Муштум» журнали ўзбек тилида нашр этила бошлади.

1923–1941 йилгача «Муштум» журнали икки ҳафтада бир марта нашрдан чиққан. Урушнинг оғир дамларида эса қоғоз танқис бўлгани учун «Муштум» журнали нашр этилмаган. Шу вақтларда Ўзбекистон рассомлари, шу жумладан «Муштум» журналининг фаол рассомлари, биргаликда жанговар «ОКНА УзТАГ» варақаларини яратганлар. Ҳар бир рассом ўзининг яратган асарларида халқни ғалабага чорлаш, ишонч принципларига содиқ эди.

1948 йил октябрдан бошлаб ва ҳозирги кунга қадар «Муштум» журнали ўз ишини давом эттириб келмоқда. «Муштум» журнали саҳифаларидан жой олган ҳажвий графика асарлари инсонларда нафақат кулгини, ҳушчақчақлик, тетиклик кучини оширибгина қолмай, балки ўзларида бўлган фазилатларни тарбиялайди, мустаҳкамлайди, ижобий ҳиссиётларни кучайтиради. Журнал варақларида фақат ёмонлик қораланибгина қолмай, ижобийликнинг яшashi ва ўз мақсадига эришуви учун барча имкониятлар яратилади. Ўзбекистон тарихида даврдан – даврга ўтувчи сиёсий – маданий ҳаётдаги ўзгаришлар оз бўлса – да «Муштум» журнали тарғиботининг қўлга киритган ютуқларидандир.

Танқидий асарларда ижтимоий аҳамиятга эга булган гоё ва ҳиссиётлар ўзининг тўлақонли ифодасини топди ва унинг эстетик қиммати юқори даражада ўсди.

«Муштум»да қўйилган ва ҳал этилган муаммолар фақатгина танқидий аҳамиятга эга бўлибгина қолмасдан, шунингдек оммавий ва сиёсий аҳамиятга ҳам эгадир. Мунофиқлик, ахлоқий бузуқлик, хасислик, қоқоқлик, соф виждон, ҳақиқат, янгилик, инсонни улуғлаш каби масалалар ҳажв графика рассомларида асарлари мазмунини белгилади, унинг гоёвий йўналиши, танқид тифи эса барча соҳалардаги нуқсонларга қарши қаратилади.

Рассомлар ўз асарларида воқелик моҳиятини очиб, ҳаётдан орқада қолмаслик, жамиятимиз тараққиётига тўсиқ бўлмаслик учун ҳаракат қилиш, замон, давр мазмунини яхши тушунишга чақирдилар ва таъкидладилар. «Муштум» журналининг оммани тарбиялашдаги муҳим ўрни ҳам шундадир.

«Муштум» журналида ижодий ҳамкорлик этиб келган ва этиб келаётган ҳар бир рассомнинг ўзига яраша чизиш маҳорати ва улар яратган асарларининг характерлари бир — бирдан кескин фарқ қилади. Улар томонидан яратилган танқидий асарларнинг ўзига хос хусусиятлари шундан иборатки, унда рассом ўз воситалари ёрдамида образ мазмуни ва перспективаси, ранги ва материали, психологик ҳолати, анатомик кузатуви ва ҳоказоларни тасвирлайди.

Ранг — танқидий асарнинг жони бўлиб, асарнинг ҳиссий, маънавий, эмоционал таъсирини оширишда эса рангнинг урни ниҳоятда каттадир. Ҳар бир ҳажвчи рассомнинг ўзига яраша қобилияти бордир. Булар фақатгина услуб ва образ характерларида фарқ қилибгина қолмасдан, композицион тузилиши, рангларни ўз жойида билиб ишлатилиши, расм чизиқларини ётқизиши ва асардаги шаклларни кўплигидан бир — бирларидан тубдан фарқ қиладилар.

Кариكاتюра — графика санъатининг бир тури сифатида ҳажвий типдаги газета ва журнал саҳифаларида учрайди ҳамда ички ва

халқаро ҳаётда юз бераётган воқеаларга тезкор ва кескин баҳо беради, умуминсоний муаммоларни ҳал этишда қудратли қурол бўлиб хизмат қилади.

Карикатурачи рассом эса муайян восита ва усуллардан фойдаланган ҳолда, сиёсий — ижтимоий ҳодисалар ёки айрим шахсларга танқидий баҳо беради. Образнинг баъзи бир белгиларини бўрттириб кўрсатса, бошқаларда эса тушириб қолдиради. Ҳақиқий танқид, соф карикатура — бирга ёмон иллатларни фош этишда ва йўқотишда, шу билан биргаликда яхши томонларни улуғлашда жамият ҳаётини фаолиятида муҳим ўринни эгаллайди. Унинг яна бир хусусияти шундаки у янгиликка, новаторликка ундайди. У қанчалик ривожлантирилса, оммага таъсири кучайтирилса жамиятдаги мавқеи янада ошади.

Карикатурачи рассомлар ўз асарларида йилдан — йилга ҳаётимизда сакланиб келаётган танқидни бўғиш; худбинлик, мансабпарастлик, бюрократлик, калтафаҳмлиқ, қуруқ ваъдабозлик, кўзбўямачилиқ, енгилтаклик, ошна — оғайнигарчилик, ўз шахсий манфаатларини давлат, халқ манфаатларидан юқори қўйиш ва ҳоказоларни карикатурада шафқатсиз фош этиш — озуқадир ва унинг муқаддас бурчидир.

Турли ҳил давр воқеаларини ёритишда ўзбек карикатурачи рассомларимиз ижодий маҳоратининг янги қирралари намоён бўлди. Улар журналга янги — янги мавзу ва ғояларни олиб кирадилар. Мавзунинг тез — тез янгилаш, бойитиш ва тасвирдаги янгиликлар ҳаётни олға силжитиш ва ундаги ўзгаришлар билан боғлиқ бўлади, чунки улар ҳам сиёсатчи ҳам ижодкордирлар. Уларнинг вазифалари — чуқур сиёсий фикрларни, мулоҳазаларни тезда танқидий равишда юксак маҳорат ила ифода этишдан иборат бўлиб, сиёсий ўткирлик, ғоявий чуқурлик, танқидий фикрлар, юксак ватанпарвар ҳиссиётлар эса ўзбек карикатурачиларининг аслий фазилатларидандир.

Карикатура ўзбек матбуотида фақатгина «октябрь инкилоби»дан кейингина пайдо бўлди. Ўзбек карикатураси ўзбек ҳажвий журналистикаси билан биргаликда ўсиш ва кучайди.

20-нчи йилларнинг II ярмида ижод қилган «Муштум»нинг илк рассомларидан бири И. Туля ижодида синфий зиддиятлар фош этилди. 1926 йилга келиб «Муштум»нинг бадиий бўлимини таниқли рассом В. Рождественский бошқара бошлади. Шахсан ўзи бир қатор ижтимоий – маиший мавзуларда карикатуралар яратиш билан бирга «Муштум» атрофида бир қанча ёш маҳаллий кадрларни йиғишга муваффақ бўлди. Улар орасида Ҳамидулла ва Искандар Икромов, Усто Мўмин (А. Николаев), В. Еремян, Н. Воробейчиков, В. Одиловларни учратиш мумкин эди. Ўз урнида улар ижодида «Муштум» карикатураси ўз давр талаб ва долзарб муаммоларни ёритувчи қуролга айланди.

Урушдан кейинги 50-нчи йилларда ўзбек ҳажвий графикаси янги – янги номларга бойиди. Булардан: Л. Абдуллаев, Д. Сеницкий, С. Марфин, Б. Жуков, Н. Леушин, Н. Евенко, В. Кайдалов, С. Мальт ва бошқалар.

«Муштум» ўқувчилари журнал саҳифаларидаги М. Воробейчиковнинг эскилик қолдиқларини тасвирловчи жиддий қалам-тасвири, Л. Абдуллаевнинг миллий руҳдаги карикатуралари, Б. Жуковнинг сиёсий ўткир плакатлари, Д. Сеницкийнинг ҳажвий юморга бой қаламтасвирларини яхши эслади. Д. Сеницкийнинг ижоди ва расм солиш услуби бошқа танқидчи рассомлардан ўз асарлари билан ажралиб туради. Чунки унинг асарларидаги образлар кўп шакли, рангни ёрқин ифодалаши, композицион тузилиши, ҳар бир деталларга эътибор бериши эса рассомнинг моҳирона қобилиятини ошкор этади.

М. Воробейчиков ва Б. Жуковлар эса ўз асарларининг чизиш услублари билан бошқа рассомларга қараганда анчагина суст бўлса-да, лекин асар мазмуни ва образ характерларини аниқ топа оладилар, улар равшан рангларни ўз асарларида жуда кам ишлатадилар.

60-нчи йилларда «Муштум» нашриёти қошида «Ёш карикатурачилар» тўғараги ўз ишини бошлади. Бунга рассомлардан Т. Муҳамедов, А. Ҳоликов, Н. Ибрагимов, В. Думкин, Л. Шарифжонова, Ф. Кагаров, А. Қамбаров кабилар келиб қўшилдилар. Улар ўз жанрларини янги

усуллар билан бойитдилар — ўткир карикатура, сиёсий плакат, нозик юморга бой сюжетлар асар мазмунини ташкил этди. И. Иброхимов ва А. Ҳоликовларнинг расм чизиш услублари бир — бирига ўхшаб кетса-да, бироқ ўзларининг яратган асар образларидаги характерлар ҳилма — ҳилдир. Ўта қобилиятли ва ижоддан эрта кетган Т. Муҳамедовнинг асарлари ҳеч бир рассомнинг услубига ўхшамайди. Чунки унинг расм чизиш услублари бошқа рассомларга караганда ўзгачароқдир. У ўз асарларида рангни нафис тасвирий санъат асарларидаги каби бажарган.

«Муштум»да босилган материалларнинг ўткирлиги ва долзарблиги, кўрсатилган масалаларнинг қизиқарлилиги, ранг — баранглиги, ҳамда ҳар бир маълумотларнинг рассомлар томонидан яхши ва пухта ишланиши журналнинг ўқувчилар орасига кенг кириб боришига йўл очди. «Муштум» журнали йилдан — йилга ўз савиясини ошириб, ҳаёт билан алоқани мустаҳкамлаб, мухбирларни ва рассомларни ўз атрофига тобора кўпроқ торта борди. Шунингдек, фақатгина ёмон нарсалар фош қилинибгина қолмай, балки турмушимизнинг олий фазилатлари бўлган халқ анъаналари ҳам «Муштум» саҳифаларидан ўз ўринларини олди.

Ҳозирги мустақиллик йилларида ўз 80 ёшлик тўйини нишонлаётган «Муштум» журнали ҳар доимгидек ўз атрофига журналист, ёзувчи, шоир ва рассом ижодкорларни йиғиш, даврнинг долзарб муаммоларини ташвиқот қилиш ишини кучайтириш билан биргаликда, ўз ўқувчиларига қувноқлик, хушчақчақлик касб этибгина қолмай умуминсоний фазилатларини тарбиялашда ҳам ўз ҳиссасини қўшиб келмоқда.

«Муштум» ўқувчилари бой ва мураккаб ҳаётимизни янада чуқурроқ, ҳар томонлама ифодалайдиган, мустақиллигимизга қарши ҳар қандай кўринишларини таг — томири билан йўқ қилиб ташлайдиган ҳодисаларни кенг гавдалантирадиган янги — янги, ўткир тигли танқид асарларини давримиз рассомларидан кутиб қоладилар.

Традиционные ремесла и современная городская среда

Прикладное искусство Узбекистана прошло большой исторический путь развития, характер которого определяется целым рядом факторов – социально-экономических, политических и собственно эстетических. Развитие социально-экономических отношений, рост городов влияли на образование его локальных школ и на характер преемственности традиций; образ жизни и способ хозяйствования порождали свои принципы мироощущения и соответствующие формы и разновидности художественного ремесла, тесно связанного с материальной культурой.

Современное прикладное искусство Узбекистана в своих основных чертах продолжает традиции школ, сложившихся в регионе в конце XIX – начале XX века. Народные промыслы и ремесла в Узбекистане традиционно занимали важное место в системе экономических отношений, а также в повседневной жизни, являясь неотъемлемой частью традиционного быта. Лишь на протяжении XX века, с изменением социально-экономических условий, ремесленное производство в Узбекистане постепенно уходило на второй план, уступая место промышленной продукции. Последствия этого весьма отрицательно сказывались и на творческой структуре художественных ремесел – они теряли присущее им качество, утрачивалась орнаментальная культура, нарушалась преемственность традиций. В результате в процессе урбанизации и технической революции исчезли из повседневного обихода многие бытовые предметы из дерева, меди, керамики, а с ними и целые отрасли художественного ремесла.

Причины резкого ухудшения дел традиционных ремесел во многом были связаны и с отсутствием достаточного спроса на продукцию народных мастеров, их низким социальным статусом, халатным отношением со стороны местных властей к судьбе народного мастера. Особое ухудшение в развитие традиционных ремесел Узбекистана наблюдается со второй половины XX в. Стали исчезать уникальные центры художественного ремесла, например, посудная керамика Шахрисябза, других центров, под угрозой исчезновения находилась керамика Гурумсарая, где работал лишь один мастер Максудали Турапов, а также Хорезмская керамика селения Мадыр, вышивка Нураты и Шахрисябза, ювелирное искусство Каракалпакии и Хорезма и т. д.

В связи с активным ростом промышленного производства традиционные виды художественных ремесел стали исчезать в первую очередь в таких крупных городах как Самарканд, Ташкент, Бухара, Хива. Наиболее подверженными такого рода метаморфозам оказались керамические традиции Самарканда и Ташкента, как следствие, традиционные виды самаркандской и ташкентской поливной керамики фактически полностью исчезли. Керамика Самарканда (У. Джуракулов, С. Ракова, А. Мухтаров) и Ташкента (М. Рахимов) по существу к середине 1970-80-х годов была полностью переосмыслена; возникла совершенно новая по принципам формо- и стилеобразования самаркандская школа мелкой терракотовой пластики. Другие центры бухаро-самаркандской школы (Гиждуван, Денау, Шахрисябз) также были подвержены нововведениям сюжетного характера. Создание ташкентского экспериментально-творческого комбината прикладного искусства (с 1984 г. им. М. Рахимова), выпускающего уникальную малосерийную и тиражную продукцию и ставшего центром формирования новой монументально-декоративной керамики, не стало основой для дальнейшего последовательного развития традиционной ташкентской школы гончарного дела. Ретроспективный анализ керамики Хорезма на протяжении XX века показывает, что она развивалась по тем же параметрам, что

и другие школы керамики Узбекистана — от традиции к индивидуально-авторской интерпретации.

Если проследить развитие всех видов художественных ремесел в крупных городах, то к концу XX века они сохраняются лишь в творчестве одного или нескольких мастеров. Так, в Самарканде это мелкая декоративная пластика Х. Хакбердиева, А. Мухтарова, И. Вахидова и др., которые представляют одну из разновидностей индивидуально-авторского искусства с очевидной приверженностью традициям изобразительного фольклора; в Ташкенте — потомственные керамисты Рахимовы, творчески аранжирующие богатейшее наследие античной, средневековой и современной народной керамики Средней Азии, продемонстрировавшие новый уровень индивидуально-авторской инициативы; в Хиве, имеющей богатейшие традиции художественной керамики, резьбы по дереву, художественные ремесла представлены в основном сувенирными изделиями, деревянными лавхами, керамическими подсвечниками. Бухара представлена творчеством керамиста Гулыева, также работающего в нетрадиционном направлении. Таким образом, важно отметить, что с развитием городской культуры усиливается осознание индивидуальной значимости творчества мастера (керамиста, чеканщика, ювелира, кроме, пожалуй, золотошвей, где еще сохраняется коллективная система творчества). Например, в керамике «... от анонимного по характеру древнего и средневекового керамического искусства наблюдается переход к явно выраженному авторскому прочтению древней традиции» [1, с. 85]. Такую же картину можно увидеть и в работах мастеров чеканки и ювелиров (М. Мадалиев, Ф. Дадамухамедов). Индивидуализация творчества мастеров — одна из основных черт проявления урбанизации культуры.

Вместе с тем, активные темпы градостроительства стимулировали развитие различных форм декоративной керамики. В Узбекистане, исконно славившемся высокими традициями гончарного искусства и архитектурно-облицовочной керамики, новые виды декоративной керамики быстро адаптировались и

получили широкое распространение. Это, прежде всего, две тесно связанные формы декоративного искусства — уникально-выставочная и архитектурно-ландшафтная керамика (оформление станций Ташкентского метрополитена, Дворца Дружбы народов, Дворца Туркестан и т. д.). Развитию нового направления способствовало создание базы для производства крупных монументальных работ в керамике — Ташкентского экспериментально-творческого комбината прикладного искусства, и рост профессиональных кадров керамистов — выпускников керамического отделения Ташкентского театрально-художественного института (ныне Национальный институт художеств и дизайна им. К. Бехзода).

Сложная судьба постигла и другие виды традиционных ремесел. В XX в. утрачивают свое бытовое значение традиционные изделия из чеканки, этот специфический городской промысел стал угасать. Например, произведения потомственного мастера-чеканщика из Коканда М. Мадалиева, работающего ныне в Объединение «Усто», предназначаются в основном для выставок и музеев, а также продаются в художественных салонах в качестве сувениров. Нужно отметить, что объединениями «Усто» и «Мусаввир» было сделано многое для развития и сохранения традиционных видов прикладного искусства. Но вместе с тем, эти объединения также способствуют развитию традиционных ремесел в ином русле, т. е. в выставочном и сувенирном направлении (хотя здесь и сохраняется принцип традиционного обучения «усто-шогирд», использование коллективного опыта, преемственность традиций).

В целом с развитием урбанистической культуры изменилось отношение к традиционным художественным ремеслам, из сферы утилитарной они постепенно перешли в сферу сувенирного производства. Получают развитие новые средства художественного выражения, новые формы и стилевые воплощения. Эта динамика прослеживается особенно четко, если сравнить природу бытования традиционных ремесел в городской среде и на периферии. Так, например, недавние исследования отдаленных кишлаков Сурхандарьи, проведенные в ходе комплексной Байсунской

экспедиции, показали, что до сих пор в повседневной жизни населения сохраняют свою первостепенную роль предметы домашнего ремесла — паласы, войлок, вышивка, сундуки, бешики, что связано с преобладанием на селе натурального хозяйствования. Но и здесь полностью исчезла традиционная керамика, ювелирное искусство.

Такова общая картина бытования традиционных ремесел на современном этапе. Вместе с тем, нельзя не заметить, что конец XX в. связан со значительным интересом к традиционному ремеслу, что связано с возрождением национальных традиций. Так, в различных районных центрах возрождаются художественные ремесла (вышивка Нураты, традиционные ткани Маргилана, керамика Денау), в таких городах, как Риштан, Гиждуван, Байсун отмечается сочетание промышленного и ручного производства. Конечно, вряд ли традиционные ремесла вновь займут ту позицию, которую они имели в повседневном быту городского населения, однако время подтверждает, что у них сформировалась собственная ниша, свидетельствующая о стойком интересе общества к рукотворным изделиям, вобравшим в себя уникальный многовековой опыт мастерства.

Примечания:

1. *Хахимов А. А. Современное декоративное искусство республик Средней Азии. Т., 1988 г.*
2. *Хахимов А. А. Обогащая традиции. // Творчество. 1985. № 9.*
3. *Некрасова М. А. Народное искусство — как часть культуры. М., 1983.*
4. *Современная керамика народных мастеров Средней Азии: Альбом // авт. Г. Дервиз, Л. Жадова, И. Жданко, Д. Митлянсий. М., 1974*

СОДЕРЖАНИЕ

Тахририятдан.....	5
От редколлегии	7

Раздел 1

Вопросы методологии

А. Хакимов. Урбанистическая культура Узбекистана как объект изучения	10
А. Тохтаев. Основные направления градостроительной политики Узбекистана	25
Heike Weippert. Remote sensing and geographical information systems techniques as tools in analysing the dynamics of urban spatial structure: the case of Tashkent, Bukhara and Samarkand	30
Экхарт Риббек. Бухара: коммунизм, пост-социализм, традиционализм – в поисках «узбекского города»	39
Ш. Аскарв. Независимые стили градостроительства	51
Э. Ртвеладзе. Кушанский город Бактрии-Тохаристана: генезис, развитие, структура	63

Раздел 2

История, археология, архитектура и градостроительство

М. Исамиддинов, К. Рапен. Некоторые новые данные к проблемам ранней урбанизации на территории Самаркандского Согда	70
М. Филянович. Ранний урбанизм в зоне контактов древних земледельцев и скотоводов на примере сырдарьинских регионов	74
Д. Нозилов. Ўзбекистон меъморчилигида ва шаҳарсозлигида айвон ўрни	81

В. Лунева. Ювелирное искусство городов и историко-культурных областей античного Узбекистана.....	88
Г. Никитенко, Н. Шагалина. Процессы урбанизации и развитие короластики в период античности и раннего средневековья на территории Узбекистана	93
Дж. Ильясов. О столичных городах Чаганиана	98
А. Отахўжаев. Суғд колониал ҳаракати. Ипак йўли бўйлаб суғд манзилгоҳлари ва шаҳарлари	103
Г. Бобоёров. Илк ўрта асрларда Чоч воҳасида туркий топонимлар	109
Э. Гюль. Городская цивилизация и кочевая степь: еще раз о характере взаимодействий	116
Ш. Камолитдин. К вопросу о локализации некоторых кварталов средневекового Самарканда	121
А. Арапов. Семантика архитектуры Темуридского Самарканда	132
Г. Агзамова. Ўрта Осиё хонликларида янги шаҳарларнинг шаклланиш жараёнига доир айрим маълумотлар ..	138
А. Аширов. Шарқ бозорларининг ўзига хос хусусиятлари ҳақида баъзи мулоҳазалар	145

Раздел 3

Философия, культурология, искусствоведение, социальные проблемы

Р. Мукминова. Центрально-азиатский город и женщина (XIV–XIX вв.)	152
Дж. Мирзаев. Средневековый город в поэзии	159
М. Кадыров. Особенности традиционной театрално-зрелищной культуры тюркоязычных народов Центральной Азии XX века	161

М. Туляходжаева. Новые театральные формы городской культуры	168
Д. Рашидова. Географический индекс транскультурных музыкально-поэтических явлений	171
Т. Гофурбеков. Бастакорлик ижодиёти шаҳар муҳитида: ўтмиш ва замон	177
О. Иброҳимов. Мақом санъати шаҳар маданияти тизимида	179
Р. Абдуллаев. Место и роль музыкального фольклора в городской культуре	184
Н. Ахмедова. Роль историко-культурной среды городов в формировании живописи Средней Азии начала XX века	190
Л. Левтеева. Музейные собрания предметов ремесленничества и декоративно-прикладного искусства Ташкента XVIII-XX веков	196
Н. Каримова. Кино как феномен урбанистической культуры	201
Ш. Фуломова. XX аср шаҳар маданиятида сиёсий графиканинг шаклланиши	206
С. Алиева. Традиционные ремесла и современная городская среда	212

ЎЗБЕКИСТОН УРБАНИСТИК

МАДАНИЯТИ

Ҳалқаро илмий конференция материаллари

Таҳрир ҳайъати:

А. Ҳакимов (раис)

С. Алиева, Э. Гюль

Ж. Илёсов (масъул котиб)

Оригинал-макет «**MEDIA LAND**» матбуот агентлигининг
техник ва дастурий воситалари ёрдамида тайёрланган

Директор С. Миргородский

Тижорат директори Г. Бондаренко

Компьютер график ва техник Н. Рўзиев

Босишга 24.11.2003 й. да рухсат этилди. Бичими 60x84¹/₁₆

TimesUz гарнитураси. Жами 50 нусха.